

Об авторе. Перед вами записки человека, которого с советское время называли просто - «воин-интернационалист». Будучи офицером советских вооруженных сил, по образованию военным переводчиком, он длительное время проработал в Анголе, затем, продолжил службу в центральном аппарате министерства обороны СССР, в качестве сотрудника Специального управления (управления психологических операций) Главного политуправления СА и ВМФ. Кроме Анголы побывал в Мозамбике, Сирии, Гвинее. Встречался с руководителями национальных армий многих стран Африки. Печатается в журналах и газетах Министерства обороны, в журнале «Солдат удачи». В настоящее время работает в одном из изданий Министерства обороны России.

Сергей КОЛОМНИН

Советским и российским воинам,
выполнявшим свой долг
на ангольской земле, посвящается эта книга

Ангола: неизвестная война

В самый переломный момент современной российской истории, на заре перестройки в 1989 году, когда тенденция распада СССР стала уже необратимой, советский МИД, отбиваясь от усиливающихся обвинений западного сообщества в участии советских военных в боевых

действиях в Африке, Азии и Латинской Америке официально заявил, что **«советские военные советники не участвуют в боевых действиях за рубежом»**. Это была откровенная ложь.

Тысячи советских и российских военнослужащих после окончания Второй мировой войны работали в десятках стран Азии, Африки и Латинской Америки. В Корее советские военные летчики сбивали сотни американских самолетов. Во Вьетнаме советские асы и операторы зенитно-ракетных комплексов «завалили» не один десяток американских В-52, не позволяя им сбрасывать свой смертоносный груз на города Северного Вьетнама. В Египте наши военные летчики на равных сражались с израильскими пилотами. Словом, после окончания Второй мировой войны, наши соотечественники участвовали во десятках локальных военных конфликтах за рубежом. Военные советники за рубежом обучали солдат и офицеров национальных армий грамотному владению современным советским оружием и организации боевых действий. Саперы, рискуя собственной жизнью, и погибая, разминировали дороги и водные фарватеры, летчики перевозили военные и гражданские грузы, а военные моряки охраняли коммуникации и торговые суда. А если требовалось, в критических ситуациях, наши военнослужащие садились и за штурвалы боевых самолетов, пульта управления огнем зенитно-ракетных комплексов, рычаги танков, брали в руки автоматы и пулеметы.

Самыми крупными из региональных конфликтов, в которых участвовали советские военнослужащие были войны в Корее, Вьетнаме, на Ближнем востоке (Египет, Сирия, Ирак, Ливия, Северный и Южный Йемен). Были еще Алжир, Куба и Мозамбик, Индия, Никарагуа, Лаос, Камбоджа, Сомали, Эфиопия, Зимбабве, Бангладеш, Перу, Руанда и Чад. (Афганистан сознательно оставляю за рамками повествования, так как, там воевала регулярная армия. Однако и там был

большой контингент наших советников, которые участвовали в боевых действиях!) Однако Ангола в этом списке занимает особое место.

Почему? Практически впервые в истории СССР советским руководством была поставлена задача за тысячи километров от границ Отечества, в далекой Южной Африке **не только помочь другой стране в строительстве национальной армии и отражении внешней агрессии ЮАР.** В широком смысле слова Ангола **рассматривалась советским руководством как своеобразный ключ к Африке.** С приходом к власти в Анголе Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) никогда еще прежде у СССР не возникало такого мощного и надежного союзника на Юге Африки. Поэтому цель была очевидной: **всеми доступными силами и средствами помочь новому руководству страны, и превратить Анголу в эталон африканского социалистического государства целиком и полностью ориентирующегося на Советский Союз.**

Но сделать это было нелегко. Поскольку не только в СССР, но и руководство многих стран НАТО, начиная с 60-х годов XX века, самым внимательным образом следило за событиями в Южной Африке. В этом регионе, охваченном мощным антиколониальным и национально-освободительным движением, столкнулись интересы великих держав: СССР, США, Китая, многих стран Европы, белого расистского правительства ЮАР, т. н. «режима апартеида». Свои устремления и цели, правда, не всегда совпадавшие с интересами их могучих союзников, имели и лидеры национально-освободительных движений Анголы, Конго, Намибии, ЮАР, Мозамбика, Южной Родезии (Зимбабве). Размах конфронтации, как и количество вовлеченных в конфликт сил, вышли далеко за рамки какой-то одной страны и все нарастающими темпами превращали эту «горячую точку» планеты в

масштабную зону нестабильности, грозящую превратиться в очаг глобального конфликта между ведущими ядерными державами.

Ключевой страной в этом конфликте, начиная с 1975 года, стала Ангола. Советское руководство, стремясь закрепить свое влияние на Юге Африки, «поставило» на одно из национально-освободительных движений Анголы - МПЛА и его лидера Агоштинью Нету. В страну широким потоком пошла военная, финансовая помощь, а самое главное, был направлен контингент советских военных советников. Один из самых больших, когда-либо побывавших в странах третьего мира.

У большинства советских военнослужащих, побывавших в Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Гвинее Бисау и других странах, и по сей день в личных делах вместо записи о командировке в ту или иную страну, стоит неприметный штампик с номером воинской части, за которым скрывалось 10-е Главное управление Генерального штаба ВС СССР. В конце прошлого века в Генеральном штабе были разработаны приказы, которые регламентировали временные рамки участия наших военных в боевых действиях в горячих точках мира. Приказы эти во многом были нужны финансистам, которые определяли, кому и сколько платить «боевых», как начислять пенсии, льготы тем, кто выполнял «интернациональный долг» за рубежами нашей Родины. Они действует до сих пор.

Согласно этим документам выходит, что воевали наши советники и специалисты в Анголе только «с 1975 по 1979 гг.». Поэтому тысячи советских военнослужащих, прошедших Анголу формально не являются участниками боевых действий. А между тем, война в этой далекой африканской стране не прекращалась на протяжении почти четверти века ни на один день.

Наибольшее число погибших и раненых наших соотечественников в этой, до сих пор для многих неизвестной, войне приходится на вторую

половину 80-х годов XX века. По официальным данным, которые естественно охватывают только «официальный» период, и далеки от реальности боевые потери советских военных советников и специалистов в Анголе с ноября 1975 по ноябрь 1979 года составили 11 человек, среди них 7 офицеров и прапорщиков и 4 человека рядового состава. Поистине смехотворная цифра, если учитывать масштаб вовлеченности наших военных в «военные мероприятия». По другим, сведениям, но столь же далеким реальности, из почти 12 тысяч советских военнослужащих, прошедших Анголу погибло и умерло 54 человека. Но и эта цифра вряд ли соответствует действительности. Почти за 17 лет официального военно-политического сотрудничества с Анголой, которое окончилось с развалом Советского Союза, по оценкам автора, наши потери в ангольском конфликте до 1992 года составляют более ста человек только погибшими.

В эту цифру входят не только военнослужащие, а и другие категории «спецкомандированных»: гражданские летчики, техники, моряки, многие из которых наравне со своими коллегами в погонах работали на местную армию (ФАПЛА). Военнослужащих, умерших от страшных тропических болезней в Анголе статистика Генерального штаба также не причисляет к боевым потерям. Но, тем не менее, более двух десятков наших спецов, направленных в Анголу для выполнения «интернационального долга», и заметим, абсолютно здоровых к тому моменту (строжайшая военно-врачебная комиссия генштаба тому свидетельство), назад вернулись на Родину в цинковых гробах. Причиной стали: желтая лихорадка, малярия, укусы мухи Це-це и еще десятка полтора экзотических неизлечимых местных болезней...

Десятки наших соотечественников погибли в этой африканской стране и после того, как в 1992 году между Россией и Анголой прекратилось военное сотрудничество на официальном

межгосударственном уровне. Но этот период особый. Тогда многие наши военные, да и гражданские специалисты, вернувшиеся из Африки, вдруг обнаружили, что Родине они, по большому счету, не нужны. Война же в Анголе давала возможность не только применить свои знания и опыт, но и заработать на жизнь. И сотни граждан России, Украины, Белоруссии, Казахстана и других одуревших от свалившегося на их голову суверенитета республик бывшего СССР на свой страх и риск сели за штурвалы ангольских транспортных и боевых самолетов, рычаги танков и БТРов, ремонтировали технику, (а она на 100% советского производства), проводили работы по разминированию. Причем часто оказывались не только на стороне правительственных сил, но и в стане вооруженной оппозиции. Воевали и друг с другом. И такое бывало. Масштабы нашего вовлечения в ангольский конфликт как советского, так и российского периода до сих пор тайна за семью печатями. Как и точные данные о погибших в этой войне.

Официально опубликованные цифры ангольских потерь меньше афганских или корейских. Напомню, что в Афгане армия, КГБ и МВД СССР потеряли 14 433 человека и 287 военнослужащих считались пропавшими без вести, а война в Корее, по официальным данным, унесла жизни 142 офицеров и 133 человек рядового и сержантского состава. В Эфиопии, по официальным данным погибло, 79 советских военнослужащих, а во Вьетнаме – 16 человек.

Но ведь война в Анголе была другой. В эту страну никогда не посылались регулярные советские войска, кроме личного состава периодически заходивших в порты Анголы боевых кораблей, в том числе и с морскими пехотинцами на борту. Им, правда, ни разу не пришлось применять своих навыков в реальной обстановке. Поэтому наибольший урон понес контингент наших военных советников,

специалистов и переводчиков, а также советские и российские летные экипажи, в разное время работавшие в стране.

Тайная война

Она была странной, эта ангольская война. Широкой общественности о ней до сих пор известно немного, поэтому с полным основанием можно сказать, что для большинства советских людей она была тайной. Такой она остается и сегодня. Собственно секрета о том, что ангольское правительство ведет боевые действия против «вооруженных контрреволюционеров» из Национального союза за полную независимость Анголы (УНИТА) и поддерживающих его подразделений южноафриканской армии никто, конечно же, не делал. В сообщениях СМИ мелькали сообщения и о других оппозиционных МПЛА вооруженных организациях: Национальном фронте освобождения Анголы (ФНЛА) и Фронте освобождения Кабинды (ФЛЕК). **Но о вовлечении в бои с оппозиционерами советских людей не писало в те времена ни одно средство массовой информации.** Даже на уровне министерства обороны СССР считалось, что мы в боевых действиях не участвуем, а только оказываем содействие в подготовке и планировании боевых операций. Официально в вооруженный конфликт в Анголе были вовлечены только местная армия - Народные вооруженные силы освобождения Анголы (ФАПЛА) и 40-тысячный кубинский экспедиционный корпус.

Однако по мере втягивания Анголы в полномасштабную гражданскую войну и подключения к ней южноафриканской военной машины наши соотечественники все чаще оказывались на передней линии огня. Им, как и ангольцам, и кубинцам, приходилось вступать в непосредственный огневой контакт с противоборствующей стороной.

Они гибли и получали ранения в перестрелках и под артобстрелами дальнобойных гаубиц армии ЮАР, подрывались на минах, заживо горели в «заваленных» унитовскими «Стингерами» и «Стрелами» транспортных самолетах и вертолетах. Первый такой масштабный случай произошел в августе 1981 года, когда южноафриканские войска вторглись в пограничную провинцию Кунене и окружили части 11-ой бригады ФАПЛА под городом Онджива. Тогда советские советники и переводчики, находившиеся в боевых порядках приняли бой наравне со своими подсоветными. Многие были ранены, несколько советских офицеров и их жен погибли, а один советский военнослужащий попал в южноафриканский плен.

В 1985-1988 годах в боевых операциях по уничтожению баз вооруженной оппозиционной группировки УНИТА в провинции Кванду-Кубангу погибли и были ранены более десяти советских военных специалистов. Тогда наши ребята напрямую схлестнулись с наемниками и военнослужащими регулярных войск ЮАР, пришедших на помощь унитовским формированиям. Отечественная пресса тех времен старательно обходила эти события своим вниманием.

За период «официального» военного сотрудничества с 1975 по 1991 год в Анголе было сбито и пропало без вести более десятка самолетов и вертолетов с советскими экипажами или нашими советниками на борту. (После 1992 года сбитые или потерпевшие катастрофу самолеты с летчиками из стран бывшего СССР, работавшими «по личным контрактам» вообще не поддаются подсчету: они падали чуть ли не каждый месяц). В 1980 году «Стингером» при вылете из Менонге был сбит Ан-26 с советским экипажем. Двое летчиков попали в плен к повстанцам УНИТА. В 1982 году при заходе на посадку на аэродром Лубангу врезался в гору другой Ан-26 с совместным советско-ангольским экипажем. В 1983 году над

провинцией Маланже пропал без вести советский вертолет Ми-8, с нашими специалистами, совершавшими аэрофотосъемку местности. Ни вертолет, ни его экипаж и семь пассажиров, включая 12-летнего сына начальника геодезической экспедиции, так и не удалось найти и спасти. В 1984 году унитовской зенитной ракетой в одной из центральных ангольских провинций был сбит советский Ан-12. Погибло одиннадцать человек: экипаж и пассажиры. При осуществлении поисково-спасательной операции в вертолет Ми-8, пилотируемый с советским экипажем, попал унитовский «Стингер». Вертушка взорвалась в воздухе, и советский экипаж, состоящий из трех офицеров, заживо сгорел. Но об этих и десятках других случаев сегодня знают лишь люди, имевшие непосредственное к ним отношение. Даже сомневаюсь, зафиксированы ли они все в архивах.

Что делали мы в этой далекой африканской стране, какие ценности защищали? Официально советские военные советники и специалисты выполняли в Южной Африке свой «интернациональный долг», защищали ценности социализма и помогали дружественной Анголе в строительстве национальных вооруженных сил и отражении агрессии извне. Однако у тогдашнего советского руководства были и другие мотивы, для того чтобы посылать тысячи советских людей для участия в кровопролитной междоусобной войне.

Может быть, расчет делался на дальнейшее экономическое сотрудничество в освоении сказочных богатств этой страны: нефти, алмазов, железных и марганцевых руд или мощнейших гидроресурсов ангольских рек? А может быть, советское правительство было заинтересовано в приоритетных поставках сельскохозяйственной продукции, которой Ангола славилась на весь мир: кофе, орехов кешью, сизаля или черного и красного дерева? Да, действительно ряд экономических проектов реализовывался. Но не это было главным.

Главными были цели политические. Распространить свое влияние на Анголу, Мозамбик, Зимбабве, а в перспективе и Намибию, незаконно оккупированную ЮАР, и, наконец, на саму ЮАР.

Кроме того, Ангола представляла собой объект интереса со стороны руководства советскими вооруженными силами в плане глобального противостояния США. Сразу же после провозглашения независимости Анголы между СССР и НРА было подписано соглашение об использовании советскими вооруженными силами военной инфраструктуры страны. Ее военно-морские базы поступили в распоряжение советской оперативной эскадры, а военно-воздушные базы были предоставлены для посадок нашей стратегической, в первую очередь, разведывательной авиации. С 1975 по конец 80-х годов XX века Ангола превратилась в мощный форпост СССР на Юге Африки, в его верного политического и военного союзника. Но этот форпост необходимо было защищать изнутри.

Первые советские военные специалисты появились в Анголе сразу же после провозглашения независимости страны 11 ноября 1975 года. Появлению на карте нового независимого государства способствовало свержение в Португалии диктатуры. Пришедшие к власти в стране в 1974 году прогрессивные офицеры из Движения вооруженных сил, предоставили африканским колониям страны независимость. Стала свободной и самая крупная и богатая из них - Ангола. Темнокожие повстанцы полтора десятка лет боровшиеся с колониальными войсками стали в ноябре 1975 года полноправными хозяевами страны. К власти пришла коалиция из трех национально-освободительных движений: Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), Национального фронта освобождения Анголы (ФНЛА) и Национального союза за полную независимость Анголы (УНИТА). Движение ФЛЕК, ставившее своей целью отделение от

Анголы богатейшей нефтью провинции Кабинда, было единодушно признано сепаратистским и осталось за рамками соглашения. Однако «союз трех» оказался крайне непрочным. Движения всегда враждовали между собой, а их лидеры крайне настороженно относились друг к другу не столько из-за своих политических убеждений, сколько из-за принадлежности к различным племенным этносам.

Для справки. Около 96% населения Анголы принадлежит к народам языковой семьи банту. Северо-западные прибрежные и пограничные с Конго со столицей в Киншасе области населяют народности банту - бамбунду и баконгу, а также представители племени лунда. Язык бамбунду - кимбунду очень близок к языку баконгу - киконгу. В центральных районах живет самая многочисленная народность овимбунду и близкородственные к ней народы валучази, вамбунду и валуимбе (общее португальское название вангангела, или гангела). На Северо-востоке живет народность вачокве, а на Юго-западе и Юге: ваньянека, овамбо, гереро, а также отдельные группы бушменов.

МПЛА опиралось на широкие слои городской интеллигенции столицы страны и городов побережья, пользовалось поддержкой не только племени бамбунду, но и других этносов. Лидер УНИТА Ж. Савимби считался одним из вождей самой крупной ангольской народности овимбунду, распространенной в центре страны. А ФНЛА и ее вождь Х. Роберту вербовали своих сторонников в основном из числа племени баконгу. Сейчас существует несколько версий того, кто первым и почему начал боевые действия. Но каждая из сторон обвиняла другую в нарушении достигнутых сначала в Найроби, а затем в португальском городе Алвор соглашениях о совместных действиях на благо

ангольского народа. Так национально-освободительная война плавно перетекла в гражданскую.

Силы МПЛА, имевшие мощную поддержку населения в столице, смогли удержать ситуацию под своим контролем и с боями вытеснили из Луанды бывших союзников по переходному правительству. А лидер МПЛА Агоштинью Нету единолично провозгласил 11 ноября 1975 года, в точно назначенный для этого ООН день, независимость страны. Советский Союз, как тогда писали газеты, «решительно встал на защиту истинного представителя народа многострадальной Анголы - МПЛА». Иначе и быть не могло. Вождь УНИТА Жонас Савимби, к слову сказать, воевавший с правительственными войсками в лесах и саваннах Анголы вплоть до 22 февраля 2002 года, когда его настигла автоматная очередь спецназовца, больше тяготел к ценностям свободного Запада. А лидер и создатель ФНЛА Холден Роберту, публично исповедовал китайскую модель независимого развития. И, вдобавок, вынашивал планы раздела Анголы. Приходившийся родственником президенту соседнего Заира генералу Мобуту Сессе Секо, (они были женаты на сестрах) он, прикрываясь «светлыми целями национально-освободительной борьбы», хотел отделить часть ангольской территории и «подарить» ее своему свояку. Губа, кстати, у него была «не дура», ибо кусочек этот выглядел весьма и весьма притягательно: северо-восток Анголы и сегодня является одним из богатейших алмазоносных районов мира.

Кроме того, многие активисты МПЛА прошли подготовку в СССР, а его руководство не только «решительно осуждало американский империализм и неоколониальную политику Запада», но и торжественно провозгласило своей целью «путь социалистического развития». За это «могучий и нерушимый» готов был предоставить Анголе многое: дипломатическую и политическую поддержку, помощь

продовольствием, медикаментами, машинами и оборудованием, а главное - оружие.

Но поставляемые современные вооружения требовали грамотного и эффективного использования и обслуживания, которые не могли обеспечить вчерашние партизаны, основным оружием которых был безотказный автомат Калашникова. Поэтому в страну начали прибывать советские военные технические специалисты. А вслед за ними потянулись и военные советники. Их миссия была более значимой и лежала уже в области идеологии: не просто научить грамотно применять советское оружие, а «вразумить» ангольцев, на деле показав все преимущества «социалистической ориентации» и построения вооруженных сил по советскому образцу. Советников всегда сопровождали военные переводчики. Ибо процесс «вразумления» - вещь чисто вербальная, ее «на пальцах» не одолеть. Здесь необходимо владение языком и знание реалий «страны пребывания». Однако, как я убедился, проработав в Анголе почти пять лет, и этого было недостаточно. Во многих случаях от советников и переводчиков требовался и личный пример, решительность и способность брать на себя ответственность в чрезвычайных ситуациях. В одну из них я и оказался вовлечен осенью 1980 года.

«Вы меня Родиной не пугайте»

Как-то в обеденный перерыв ко мне в квартиру буквально ворвался мой ангольский шеф, советник командующего ВВС и ПВО ангольской армии полковник Виктор Шруб. «Срочно вылетаем в Менонге, там сбит Ан-26, экипаж, возможно, захвачен». Шруб уже одет в камуфлированную фапловскую форму, которую советники, работающие в столице используют в основном для командировок в

провинцию. Обычно из-за изнуряющей жары мы одеваемся гораздо легче – легкие ангольские офицерские брюки зеленого цвета и светло-голубая рубашка. Форма ему идет. Особенно голубой берет с тремя коротенькими разноцветными, по цветам ангольского флага, красной, черной и желтой, ленточками.

Через десять минут мы уже на пути к дому, где размещены экипажи отряда военно-транспортных самолетов Ан-12, подчиненных советскому главному военному советнику в Анголе. По пути Шруб кратко вводит меня в курс дела. Транспортный Ан-26 ангольских ВВС совершал обычный вылет из Луанды в Менонге. Отвез продовольствие, медикаменты, пассажиров. Обрато забрал несколько местных офицеров, направлявшихся в столицу в отпуску. При взлете и наборе высоты был сбит ракетой, но командир сумел совершить вынужденную посадку недалеко от города, о чем успел сообщить по радио. Экипаж на самолете советский, у ангольцев подготовленных транспортных пилотов мало. Причем летчики - гражданские, работают на ФАПЛА (Народные вооруженные силы освобождения Анголы, так официально называется правительственная армия), по контракту. Ребята успели передать по радио, что их окружают темнокожие солдаты, но не фапловцы. Значит унитовцы. Главный военный советник в Анголе (в просторечии «гэвезс»), генерал-лейтенант Шахнович, не очень надеясь на ангольскую сторону, приказал Шруб, как старшему по ВВС, возглавить операцию по спасению экипажа.

У «летунов» отряда Ан-12 легкий переполох. Полетов на сегодня запланировано не было, экипажи отдыхали, а приказ о срочном вылете застал их врасплох. Но они, в отличие от своих коллег попавших в беду, люди военные и обязаны выполнить приказ. Шруб мужик крутой, и через пять минут экипаж начинает лихорадочно собираться. Глядя на мельтешащих перед глазами «летунов», кое-кто из которых,

воспользовавшись свободным днем, затеял стирку, он задумчиво произнес: «А что, если нам не ждать этих копуш, а? Сейчас быстренько на аэродром, возьмем у кубинцев «спарку» (учебно-боевой МиГ-21) и через сорок минут будем в Менонге, ну?».

У меня резко засосало под ложечкой. Знаю, Шруб может и не такое. Несколько месяцев назад он спас нашего геодезиста, который подхватил в Лубангу, это 650 км к югу от столицы, какую-то страшную инфекцию. Советские медики уже опустили руки, а кубинцы, которые поднаторели на всяких тропических заразах Анголы, нашли нужное лекарство в аптеке своего госпиталя в столице. Состояние больного стремительно ухудшалось и Шруб, не долго думая, взял у кубинцев истребитель МиГ-21, слетал в Лубангу и отвез спасительные ампулы. Человек был спасен, но... вместо благодарности Шруб получил нагоняй от «гэвезса».

Дело в том, что Лубангу – город фронтовой, периодически подвергающийся налетам южноафриканской авиации. Вокруг него создан пояс ПВО, основу которого составляли несколько советских зенитно-ракетных комплексов «Печора» С-125. Причем из-за недостатка у ангольцев подготовленных кадров, зенитно-ракетные расчеты были смешанные: ангольско-кубинские. Шруб же не только не спросил разрешения у главного военного советника, но и не поставил в известность о своем вояже ангольскую сторону (кубинцы самолет вели). Словом авантюра. Причем авантюра, которая могла закончиться самым печальным образом. Буквально через несколько месяцев после описываемых событий при подлете к аэродрому Лубангу из-за несогласованности действий гражданской диспетчерской службы и военных был сбит своей же ракетой ангольский Як-40.

Но после этого случая Шруб стал личностью почти легендарной. Сам по себе человек примечательный, хоть и маленького роста, но

крепко сбитый, весь как натянутая пружина, он был, пожалуй, первым и последним «летающим» советником командующего ангольских ВВС. Мы точно знали, если рано утром над Луандой носится истребитель, выписывая немислимые кульбиты, – это Шруб резвится. Кроме того полковник никого и ничего не боялся, горой стоял за своих подчиненных и был мужик с чувством юмора. Получая выговор от Шахновича, публично пообещавшего «при повторении подобных инцидентов в 24 часа отправить его в Союз», Шруб, не моргнув глазом ответил: «А вы меня, товарищ генерал, Родиной не пугайте!». Нужно было знать генерала Шахновича, достаточно резкого и властного человека, не терпевшего возражений от подчиненных, чтобы спрогнозировать финал стычки. Но все обошлось. Не знаю, принадлежало ли авторство этого в дальнейшем очень популярного в среде советников изречения лично Шруб, но в первый раз я услышал его именно от него.

А вот, как советник, Шруб мало, чем проявил себя. На моей памяти со своим визави командующим ВВС и ПВО ангольским «команданте» Гату он встречался всего несколько раз, да и то на торжественных мероприятиях с неперемными возлияниями. Правда, и подсоветный Шруб достался, что называется не подарок.

Команданте Гату («Гату» – это кличка, партийно-военный псевдоним, который имеет каждый уважающий себя руководитель или активист МПЛА, прошедший школу подпольной или партизанской войны) военного образования не имел, но несколько лет учился в Румынии, оброс там связями и питал к этой стране нежные чувства. Советских недолюбливал, хотя старался скрывать это, и постоянно вставлял нам палки в колеса. Например, тайно, в обход советского военного советнического аппарата добился подписания дорогостоящего контракта с Румынией на организацию школы летчиков легкомоторной

авиации в городе Негаже. Случай беспрецедентный. Ангольцы в те годы безоговорочно ориентировались в военной области на нас и, начиная с 1976-1977гг., направляли большие группы курсантов в Союз для овладения современными реактивными самолетами МиГ-21, МиГ-23, Су-22 и боевыми вертолетами Ми-24. И вдруг какие-то румыны с легкомоторной авиацией! Главный военный советник был в шоке. И тут же влепил Шрубам выговор «за слабую работу с подсоветной стороной».

Кроме того, Гату вполне «обуржуазившийся» ангольский руководитель с замашками хозяина кофейной плантации. Имел несколько домов, захваченных после бегства португальцев, пяток служебных автомобилей и всем напиткам предпочитает виски. Есть у него и еще одна слабость – женщины. В перелетах по стране на своем комфортабельном самолете «Фоккер» F27 он обязательно таскает симпатичных мулаток и пару ящиков виски. Вот с ним то и предстоит Шрубам координировать операцию по спасению наших летчиков.

В зоне боевых действий

Здравый смысл берет верх и Шруб отказывается от авантюрных планов использования истребителя для полета в Менонге. И, слава Богу! Менонге, столица провинции Кванду-Кубангу – это далеко не Лубангу. Там идет настоящая война. Правительственные войска контролируют лишь несколько населенных пунктов, включая провинциальную столицу. Вся остальная территория подконтрольна отрядам УНИТА. Там, где-то в лесах, ближе к границе с Замбией и Намибией в своей базе Жамбе находится и лидер унитовцев Жонас Савимби.

А тем временем на аэродроме Луанды советские техники быстро готовят Ан-12 к вылету. У самолета взволнованно переминается с ноги на ногу советский генерал ВВС - военный атташе при посольстве СССР

в Луанде. Шруб недавно устроил ему, по его же просьбе, вывозной полет на спарке МиГ-21. Генерал когда-то, до поступления в военно-дипломатическую академию, летал на истребителе, вот и решил вспомнить молодость. Вспомнил надо сказать неудачно: Шруб явно переборщил с фигурами высшего пилотажа и ВАТу стало плохо.

Советник докладывает военному атташе о готовности к вылету. Оказывается, операцию держит под своим личным контролем посол СССР в Анголе. Москва тоже в курсе. Еще бы, тогда в 80-ом это был первый случай, когда советские люди оказались захваченными унитовцами. Тут взгляд военного атташе останавливается на мне. «Переводчик? Давно в стране?». Представляюсь. Генерала, собственно, интересует мой уровень знания языка определяемый по его разумению временем практической работы (сам он португальским не владеет). Узнав, что я месяц как приехал, ВАТ взрывается возмущенной тирадой. Пытаюсь объяснить, что я не новичок, и это уже моя вторая длительная командировка в Анголу. Но генерал не слушает, его внимание переключается на подъезжающие автомобили с ангольцами.

В легковушке представитель командования ангольских ВВС, начальник политуправления ВВС и ПВО майор Алберту Нету, а в следующем за ним грузовике десятка три полностью экипированных ангольских солдат из местного спецназа. Серьезные ребята, что-то вроде частей быстрого реагирования. «Тропаш де интервенсау» - «части вторжения», так грозно зовется этот элитный отряд ФАПЛА. Майор сообщает, что «команданте Гату занят и вылететь не сможет», а начальник штаба подполковник Мбету Трасса поручает командование операцией командиру базы в Менонге. Чувствуется, что майору страшно неудобно. Речь то идет о спасении жизней советских людей, и, мягко говоря, наплевательское отношение ангольского руководства к проблеме

его коробит. Но делать нечего, лететь придется одним, прихватив с собой спецназ.

В самолете Шруб, не стесняясь в выражениях, кроет ангольское командование. Его можно понять. Ответственность за исход операции по спасению летчиков в любом случае возложат на него. А никаких властных полномочий у советника командующего нет. В СССР Шруб командовал авиационным истребительным полком, а потом исполнял обязанности заместителя командира авиадивизии. Естественно он привык к совсем другим реалиям. На секунду, прекратив ругаться, он мечтательно вспоминает о командире службы поиска и спасения (СПС) своего родного полка: «Вот сюда бы Колю с его орлами, он в раз бы летунов, хоть с того света бы вытащил». Мы прекрасно понимаем, что возможности командира базы ВВС в Менонге крайне ограничены. (База – это очень громко сказано, в подчинении у лейтенанта три вертолета, да несколько десятков бойцов). Так что больше вопросов, чем ответов.

Через два часа садимся в Менонге. Снижаемся «по спирали», чтобы максимально обезопасить себя от возможных пусков унитовских зенитных ракет. Ни о каких тепловых ловушках в Анголе тогда и не слышали. На аэродроме, покрытом частыми выщерблинами от легких мин и их осколков, уже стоят подготовленные к вылету три Ми-8. Спецназовцы быстро рассаживаются по вертолетам, туда же тащат и нас. Командир спецназа приготовил Шруб и его переводчику место в головной машине. Однако командир авиабазы в Менонге решительно против того, чтобы «советский генерал» (для него все советники из столицы генералы) участвовал в операции по поиску сбитого экипажа. Это, кстати, соответствует инструкциям оставшегося в Луанде военного атташе: без лишней надобности не рисковать. Зная отчаянность Шруба, генерал строго предупредил: «В пекло не лезьте, а то и вас придется

спасать. Хватит с нас экипажа Ан- 26». Нам остается ждать сообщений от десантников на местном КДП.

Вслед за вертолетами взмывает в небо и доставивший нас Ан-12. Длительное присутствие на аэродроме в Менонге считается крайне опасным. Несмотря на то, что аэродром и полоса охраняются ротой солдат с приданными несколькими танками и БРДМ, ночью, осмелевшие унитовцы запросто могут сжечь самолет из РПГ или обстрелять из его минометов. Поэтому летчики стараются в Менонге не задерживаться. Пилоты ангольских транспортников Си-130 «Геркулес» даже не выключают двигатели при разгрузке на этом аэродроме.

Пока ждем сообщений от десанта, на вышку прибывает глава кубинской гражданской миссии в городе. Подразделений кубинской армии в провинции нет: с некоторых пор кубинские войска предпочитают избегать вступления в открытые столкновения с партизанами УНИТА, ограничиваясь прикрытием наиболее вероятных направлений вторжения южно-африканской армии. В провинции находится лишь большая группа строителей и врачей с острова Свободы.

Хоть, компаньеро Соарес, как он представился, и гражданский, вид у него заправского вояки – на поясе кобура, за плечом компактный израильский «Узи» (кубинцы будь то военные, будь гражданские, всегда исключительно тщательно подходили к своей экипировке). Мы по сравнению с ним беззащитные котятка. Только у Шруба пистолет ПМ, ни у меня, ни у трех прилетевших с нами гражданских ребят из группы обслуживания сбитого Ан-26, оружия... нет. У меня, потому, что пистолет мне не положен по штату, а за автоматом в спешке в советскую в миссию заехать не успели; нашим же гражданским оружие вообще не выдают. И это в воюющей стране!

Публично своего удивления легкомысленным «оснащением советских товарищей» Соарес не высказал, но тут же дал какие-то указания своему помощнику, и через полчаса мы были вооружены «до зубов». Мне достался немецкий «Вальтер» П-38 времен второй мировой войны, десантный вариант «Калашникова» и подсумок с пятью гранатами-лимонками.

Как это не парадоксально звучит, в те годы ситуация с оружием в коллективе наших советников и специалистов в Луанде была откровенно плохой. В военной миссии, конечно, имелась оружейная комната, в которой хранились на случай командировок и «непредвиденных ситуаций» несколько десятков АКМ. Но что это для «луандского гарнизона», насчитывающего несколько сотен советников и специалистов? Капля в море. Поэтому негласно поощрялось «самовооружение». Страна то воюющая. За годы вооруженного конфликта кто только не поставлял оружие противоборствующим сторонам. Как у правительственной армии, так и у оппозиции сплошь и рядом можно было встретить автоматы Калашникова всех мыслимых модификаций и моделей как советского, так и китайского, румынского, югославского производства. Кроме современных АК-47, АК-74, АКМ, АКС ангольцами использовались и португальские винтовки Ж-3 и древние, но надежные советские ППШ, ППД, пулеметы Дегтярева. Попадались даже немецкие «Шмайссеры», пулеметы МГ-42 и другие «стволы» времен Второй мировой войны. В провинциях, особенно, где шли боевые действия, достать оружие особого труда не составляло, и наши советники в «боевых бригадах» были «по штату» вооружены по полной выкладке. А вот в Луанде, сравнительно мирном городе по тем временам, такая проблема существовала. Оставалась одна надежда на командировки. А поскольку бывать в них приходилось часто, через полгода у нас с моим тогдашним коллегой по работе на базе ВВС

Федором Жаворонковым образовался небольшой арсенальчик. Мой товарищ, большой любитель всякой стреляющей экзотики, собрал в свою коллекцию исключительные редкости. Тут были и израильский «Узи» и английский пистолет-пулемет времен Второй мировой войны «Стерлинг», несколько моделей «Браунига», в т. ч. миниатюрный дамский.

Начало этому собирательству положил тот «Вальтер», который по завершению нашей миссии в Менонге Соарес подарил мне на память. Произошло это после доброго десятка непрременных тостов «За кубино-советскую дружбу», и успешное спасение экипажа Ан-26. По словам кубинца, пистолет этот был захвачен у унитовцев, и поэтому ни за кем не числился. Так что я стал владельцем не только как бы вдвойне трофейного оружия. С одной стороны – пистолет немецкий, а с другой – захвачен у унитовцев. С ним я в дальнейшем не расставался все три года моей второй ангольской командировки. Лишь перед отъездом подарил его сотруднику политкомиссариата ВВС и ПВО лейтенанту Бенту Армаду, не раз выручавшему нас в различных бытовых ситуациях. Между прочим, фамилия Армаду в переводе на русский означает «вооруженный». Потому после моего подарка сослуживцы Бенту стали в шутку называть его «дуплу-Армаду» – «вооруженный вдвойне».

Ситуация с оружием резко улучшилась лишь с приездом в Анголу в 1982 году нового главного военного советника генерал-полковника К. Я. Курочкина. При нем все коллективы советских советников и специалистов были обеспечены не только автоматическим оружием, но и бронетранспортерами с нашими экипажами. В каждом округе появились мобильные узлы связи, обслуживаемые советскими солдатами и сержантами (до этого связь осуществлялась только через ангольцев или кубинцев), улучшилась охрана мест проживания наших

советников. А вот все «трофейное» оружие он приказал сдать. Делать этого мы естественно не стали, оставив наш арсенал, как говорится, на крайний случай. А в командировки, чтобы не «светиться» стали брать штатное, советское оружие.

А между тем на «вышку» наконец-то поступает сообщение от вертолетчиков. Там жарко. «Вертушки» при подходе к месту падения сбитого Ан-26 попали под обстрел, есть раненые. Значит, их ждали. Абсолютно не похоже на действия рядового унитовского подразделения. Партизаны обычно после «акции» быстро растворяются в «буше», или, как говорят ангольцы, «на мата» («мата» – «лес», «заросли»). А тут засада. Шруб делает вывод: скорее всего, действуют наемники.

Они воевали против нас

На стороне вооруженной оппозиции воевали наемники, но и УНИТА и ФНЛА тщательно старались скрыть сей факт. В 1974-1975 годах на стороне ФНЛА сражалось несколько сотен наемных солдат: португальцев, бразильцев, французов. Были среди них и американцы и англичане. Лидер УНИТА Жонас Савимби португальцев особенно не жаловал, но в то же время охотно пользовался услугами южноафриканцев. ЮАР в свою очередь для действий внутри Анголы вербовала «солдат удачи» во всех странах. В южноафриканской армии того времени даже имелись отдельные части и подразделения, целиком сформированные из наемников, как белых, так и темнокожих. Из них состоял батальон «Буффало», специально предназначенный для действий на ангольской территории. Он официально даже не входил в состав южноафриканской армии. Его солдаты и офицеры оставили на земле Анголы многочисленные кровавые следы. Батальон имел

разветвленную структуру, на его вооружении стояли и тяжелая боевая техника броневые автомобили, артиллерия, портативные противотанковые и противовоздушные комплексы Спецподразделения батальона состояли из нескольких рот по 80 - 100 человек. Имея в своем составе португалоговорящих чернокожих, «буффоловцы» часто переодевались в форму правительственных войск, проводили разведку, совершали диверсии, иногда целиком сжигая целые деревни. А потом представляли дело так, как будто это сделали фапловцы. Роты батальона действовали автономно, могли несколько месяцев находиться в отрыве от основных баз. Каждое подразделение «буффаловцев» имело свою символику и кодовое «звериное» название: «Волк», «Гиена», «Лев», «Лисица» и т. п. Кроме «Буффало» в составе армии ЮАР существовал и другие наемнические части, имевший аналогичную структуру и задачи, например батальон №101, целиком состоящий из чернокожих выходцев из Намибии.

Наиболее подготовленные в профессиональном отношении бывшие военнослужащие армий США, Великобритании, Франции, Бельгии, нанятые правительством ЮАР, составляли костяк 44-ой парашютно-десантной бригады юаровской армии. Ее солдаты и офицеры использовались для выполнения специальных «деликатных» задач в Анголе, обучали унитовцев тактике и практике диверсионных действий.

С откровениями одного такого профессионального солдата англичанина Питера Маккализа я ознакомился, когда работал над этой книгой. Он был завербован ЦРУ еще в 1976 году для действий в составе подразделений ФНЛА на Севере Анголы. Однако по прибытии в страну командир его отряда бывший капрал воздушно-десантных войск Великобритании Джордж Каллен что-то не поделил со своими подчиненными и расстрелял в пьяном угаре 14 «диких гусей». Отряд

распался, и Питер Маккализ вынужден был возвратиться в Англию без гроша в кармане. Но вскоре он оказывается в Родезии, где участвует в операциях против повстанцев в составе специальной авиадесантной службы (САС) родезийских войск. Именно там отработывалась, по его словам, «концепция ведения операций малочисленными подразделениями высокоподготовленных, решительно настроенных людей».

Воевал он не только внутри страны, но и за пределами Родезии. «Это были крупные операции, - вспоминает Маккализ, - с выброской массированных парашютных десантов. Один такой десант был выброшен в Шимойю (Мозамбик), где дислоцировались 5 тыс. солдат национальной армии». Вместе с Макказизом действовал и его коллега и командир Роберт Маккензи - легендарная личность в наемнической среде. Макклиз и Маккензи вместе с другими наемниками участвовали и в других операциях против Мозамбика. Но в 1979 году ситуация в Родезии изменилась: под воздействием международного сообщества в стране прошла «конституционная конференция», было принято решение о проведении всеобщих выборов, в результате которых в феврале 1980 года к власти пришли вчерашние партизаны из национальной партии ЗАНУ. Питер Маккализ вместе со своими друзьями в это время был уже в ЮАР. Там он поступил на службу в ту самую 44-ю парашютно-десантную бригаду. После недолгой переподготовки ему присваивают звание сержант-майора и вместе с другими иностранными наемными солдатами: Лангом Прайсом, Риком Мольсоном, Майклом Ленсковым, Кеном Годе и Кларком летом 1980 года перебрасывают в Анголу. Там они воевали три года и вполне могли участвовать в захвате советских летчиков самолета Ан-26 под Менонге.

Подтвердить этот факт, например, Роберт Маккензи уже не сможет: в 1996 году при выполнении подобной «миссии» в Сьерра-

Леоне он был убит бойцами Революционного Объединенного фронта. Питер Маккализ же в своих сегодняшних интервью не очень откровенен по поводу деталей деятельности в Анголе в тот период. Он руководствуется, как сам признается, «простой философией: не болтать о своем деле, делиться информацией только с людьми, которые к этому имеют отношение». Тем не менее, вспоминая тот период, Питер Маккализ писал: «Пожалуй, единственное место в мире, где по-настоящему используются наемники, это Ангола. Там воевали преимущественно люди, ранее служившие в вооруженных силах Южной Африки и имеющие большой боевой опыт. Эти парни делали хорошие деньги: 50 – 70 тыс. долларов США в год. Это были настоящие наемники...». Именно с ними мы, первыми из советских советников, и столкнулись в 1980 году, участвуя в операции по спасению наших летчиков, сбитых под Менонге.

Спасение

Ангольские вертолеты возвращаются на базу. Но только два. Третий сейчас догорает недалеко от сбитого Ан-26. Летчики ведут машины медленно и осторожно: Ми-8 предельно перегружены. На них десант, экипаж с подбитой «вертушки» и спасенные люди. Кто они, есть ли там наши, мы узнаем через несколько минут.

Из севших вертолетов вываливаются спецназовцы, некоторые перевязаны окровавленными бинтами. Среди спасенных и четверо наших. Мы бросаемся к летчикам. Скоро выясняется: среди них нет командира экипажа и штурмана. Ангольский лейтенант, командир десанта докладывает Шруб. Вообще-то докладывать он должен командиру базы, как старшему по должности, и советник командующего ВВС и ПВО для него никакой не начальник. Более того, Шруб даже

приказать никому из ангольцев не имеет права, только просить – таковы реалии советнической деятельности. Но сейчас десантник герой, побывавший в аду, и может позволить себе, минуя равного ему по званию командира базы, доложить самому «советскому генералу».

Место падения Ан-26 вертолетчики нашли довольно быстро, благо было еще светло. Он лежал на открытой местности рядом с руслом полувысохшей реки, заросшей высоким камышом. Упавший самолет по каким-то причинам не загорелся, хотя ракета, видимо оснащенная тепловой головкой самонаведения, попала в сопло дополнительного реактивного ускорителя РУ-19 (реактивная струя испускаемая из него при взлете создает повышенный тепловой фон). Людей видно не было. Приняли решение двум машинам сесть, а третьей прикрывать десант с воздуха.

По приземлившимся Ми-8 из зарослей камыша обрушился шквал огня. Засада была организована исключительно грамотно: перекрестный огонь хладнокровно велся с двух сторон. Еще одно доказательство присутствия военных профессионалов. Десант ответил и завязался бой. Летчики «вертушки» находящейся в воздухе не растерялись и дали залп из «нурсов» по камышам. Это собственно и решило исход боя. Как только стихли выстрелы, из камышей выскочили скрывавшиеся там почти целый день пассажиры и часть экипажа Ан-26. Один из вертолетов от попаданий загорелся, но спасателям и спасенным удалось убраться восвояси на двух машинах.

Вот вкратце и весь рассказ ангольского лейтенанта, переведенный мной, и тут же переданный Шрубом по радиосвязи в советскую военную миссию и посольство в Луанде. От себя полковник просил разрешения лично возглавить поиски. Из Луанды немедленно последовал категорический запрет и приказ: докладывать о ходе операции по

спасению летчиков каждые два часа, видимо, информация из посольства сразу шла в Москву.

Но сегодня продолжать поиски было невозможно. Во-первых, в наступившей темноте лететь еще раз к месту трагедии было бы чистым самоубийством. Кроме того, попавший под обстрел вертолет, был буквально изрешечен пулями (этот вариант вертолетов Ми-8 не был бронирован, а представлял собой обычный транспортник и подвешенными на пилонах блоками “нурсов”). Даже не понятно как он долетел до аэродрома. Кстати, это была та самая машина, в которой ангольские спецназовцы зарезервировали место для нас...

Заставлять же ангольцев продолжать поиски с одной “вертушкой” без страховки у нас не поворачивался язык. Шруб принял решение немедленно потребовать от местного сухопутного командования, которое вело себя исключительно пассивно, снарядить в район падения самолета бронеколонну с десантом. «Завтра сядем на броню, и все выясним на месте сами», - заявил он мне, видимо, решив проигнорировать приказ из Луанды и лично возглавить поиски. Ну, что ж на броню, так на броню. Слава богу, благодаря кубинцам мы хоть сносно вооружились, так что будет, чем отстреливаться.

Но прежде советник допросил спасшихся летчиков. Все они были напуганы и еще не вышли из шока. Помогли кубинцы. Соарес отвез нас в гостиницу, накормил ужином, выставил на стол пару бутылок кубинского рома. Выпив спиртного, летчики немного расслабились, и второй пилот сбитого Ан-26 рассказал свою версию происшедшего. Дело в том, что при аварийной посадке он сильно повредил ногу и не смог, в отличие от других, убежать далеко в камыши. Спрятавшись всего в нескольких десятках метрах от места падения самолета, летчик хорошо слышал разговоры нападавших. Его и его товарищей по

несчастью спасло лишь то, что унитовцы, видимо, побоялись лезть в заросли, только дали по ним несколько очередей из автоматов.

По словам летчика минуты через 3-4 после взлета они услышали громкий хлопок и приборы показали на пожар в одном из двигателей. Экипаж даже не понял, что в самолет попала ракета. Решили, что отказал двигатель. (Позднее мы определили, что унитовский «Стингер» действительно попал в сопло дополнительного ускорителя РУ-19, установленного на одном из двигателей. Аэродромы Анголы расположены высоко над уровнем моря, поэтому, в условиях разряженного воздуха при наборе высоты летчики его постоянно использовали). Командир предпринял единственно возможный маневр в этих условиях: пошел на вынужденную. Сели удачно, «на брюхо», никто серьезно не пострадал, лишь ушибы, да порезы. Когда отбегали от самолета – боялись, что рванет топливо, увидели людей в камуфлированной форме. Сначала не поняли, что унитовцы, думали свои. Но «свои» открыли огонь, и все встало на свои места.

У пассажиров: нескольких офицеров и солдат ФАПЛА, автоматического оружия не было; они направлялись в отпуска. К тому же, завидев унитовцев, те, как зайцы, рванули в камыши. Командир экипажа и штурман покинули самолет последними. В кабине имелся один «нелегальный» АКМ, приобретенный экипажем «по случаю». Из него то командир и стал отстреливаться. Это, видимо, и спасло остальных. Пока шла перестрелка четверо наших и ангольцы спрятались в зарослях камыша, где и просидели там, пока не прилетели вертолеты со спецназом.

Что стало с командиром и штурманом никто толком ничего сказать так и не смог. Единственное, что точно запомнил летчик, так это то, что среди чернокожих нападавших было несколько белых. И то, что разговаривали они точно не на португальском языке. Фразы были

рубленые, похожие на английские, но с каким-то гортанным произношением. Так могли говорить и англичане, долгое время прожившие в ЮАР (летчик прилично владел английским) и южноафриканцы. Спасенные ангольцы потом упоминали про какое-то «англо-германское наречие». По всей видимости, был это «африкаанс», язык первых южноафриканских переселенцев из Европы. Так наше предположение о причастности к трагедии иностранных наемников получило реальное подтверждение.

А утром мы получили сообщение, что при выезде из Менонге на шоссе, ведущем в Куиту-Куанавле, унитовцами было совершено нападение на гражданскую колонну с продовольствием и горючем. Пять грузовиков и сопровождавший их БРДМ были сожжены.. Все имевшиеся в распоряжении местного командования средства были немедленно задействованы в поиске бандитов. Идея снаряжения бронеколонны для спасения оставшихся членов экипажа Ан-26 так и осталась неосуществленной. Оставалась надежда только на доблестную вертолетную авиацию.

Тщательно осмотрев побывавший в бою Ми-8 и не найдя катастрофических повреждений, ангольские летчики подгоняемые Шрубом, осмелились совершить еще одну вылазку к месту падения Ан-26. На этот раз пилоты были значительно осторожнее: подошли на большой высоте, выпустили несколько «нурсов» по камышам и лишь затем сели. Спецназовцы начали прочесывать местность рядом с упавшей машиной (самолет к тому времени полностью сгорел). Но так никого и не нашли: ни живых, ни мертвых...

Возвращение в Луанду

А спустя несколько дней радиостанция УНИТА «Голос Черного петуха» сообщила, что «доблестная освободительная армия Жонаса Савимби взяла в плен нескольких боевых советских летчиков, бомбивших мирные ангольские города, освобожденные от предателей ангольского народа, кубино-советских наемников МПЛА». Конечно это было откровенной ложью, но что поделаешь дезинформация в ангольском конфликте использовалась широко со обеих сторон. Судьба советских летчиков, попавших в плен к унитовцам, была незавидной. О них было запрещено писать в советской прессе, с их родственников была взята подписка о неразглашении. Ведь объявить, что в Анголе попали в плен к повстанцам советские люди – значит, признать, что ни участвуют в боевых действиях.

Наши пилоты превратились в предмет торга Савимби с мировым сообществом. Больше года этих гражданских людей таскали по лесам и саваннам Анголы, периодически демонстрируя на пресс-конференциях для западных журналистов в качестве доказательств «советско-кубинской» экспансии. Только им, да одному господу Богу известно, что они пережили за это время. Лишь в начале 1983 года советскому МИДу путем тайных переговоров со спецслужбами ЮАР удалось вытащить измученных и больных советских летчиков из лап УНИТА. Их передали властям соседней Замбии, откуда их вывезли самолетом «Аэрофлота» в Москву. Причем пропагандистская машина УНИТА представила это в качестве «жеста доброй воли». Однако мы знали, что советские летчики были обменены на тела нескольких юаровских пилотов, сбитых над Анголой.

...Из Луанды поступил приказ прекратить поиски. Пора собираться домой. Собственно и собирать то нечего, мы даже смены белья не успели взять. За несколько суток «операции» мы со Шрубом успели прилично «обрасти грязью», поскольку с нормальных бытовых

условий в Менонге попросту не было. В небольшой гостинице, куда нас поместили, водопроводная вода, к тому же отвратительного качества шла полтора-два часа в сутки. Если к этому добавить страшную антисанитарию при готовке пищи и отсутствие в достаточном количестве питьевой воды то можно представить, как это сильно отражалось на наших желудках.

Попасть обратно в Луанду можно было только самолетом. Ангольский транспортный Ан-26 в ближайшее время не ожидался, а гонять за двумя офицерами Ан-12 из Луанды никто не станет. Так что, даже при благоприятном раскладе, сидеть нам тут еще суток двое-трое в ожидании попутного «борта». Спасшимся летчикам повезло; их забрал кубинский самолет. И тут удача – на аэродром заходит на посадку транспортный «Геркулес» Си-130 ангольских ВВС. Значит, есть шанс сегодня же оказаться в Луанде.

История появления у ангольцев в те времена двух американских Си-130 примечательна. Советская сторона очень ревностно относилась к закупкам ангольцами какой бы то ни было техники в третьих странах. Считалось, что страна, ориентирующаяся на СССР, должна иметь только советскую продукцию, по крайней мере, военного назначения. Но в 1977 году Ангола закупила в США для только что созданной национальной авиакомпании ТААГ несколько пассажирских Боингов-737 и транспортных Си-130. Впоследствии два «Геркулеса» были переданы ВВС.

Руководство советской военной миссией было крайне недовольно. Главный военный советник полагал, что прошедших подготовку в США (и возможно завербованных ЦРУ!) пилотов нельзя допускать на военную часть аэродрома и, тем более, доверять им «секреты», связанные с перевозкой войск и оружия. В конце концов, нашли

компромисс: «Геркулесы» возили только продовольствие, топливо и другое «невоенное» имущество.

Пилота прилетевшего Си-130 я хорошо знал. Это был белый анголец (не португалец, а именно анголец, родившийся в стране) с обожженным лицом, за что получил кличку «Паленый». Когда-то, еще во время национально-освободительной борьбы с колонизаторами он перевозил на небольшом самолете оружие для партизан МПЛА и попал в аварию. С тех пор и носил на своем лице страшные следы от пожара. Среди местных Паленый был известен тем, что практически никогда не брал пассажиров на свой «Геркулес». Однако вопреки нашим опасениям, летчик охотно согласился взять «товарища советника и его переводчика» до Луанды: Шруба ангольские пилоты знали и уважали. Но предупредил: «Только быстрее, взлетаем через десять минут».

Разговор наш происходил во время разгрузки под грохот работающих двигателей Си-130. Из чрева огромного самолета на специальных платформах выкатывался груз – дизельное топливо в бочках. Разгружался Паленый с каким-то особым артистизмом. Самолет, не выключая двигателей, открывал заднюю рампу, чуть газовал «движками», сообщая инерцию грузу. Тот, надежно закрепленный на роликовых платформах, сам по себе выкатывался по рампе на летное поле. Процесс разгрузки занимал, таким образом, минут десять-пятнадцать, и нам нужно было торопиться.

Набор высоты Паленый выполнял по всем правилам – по восходящей спирали, чтобы максимально возможно сузить зону поражения находящихся на вооружении у унитовцев советских «Стрел» и американских зенитных ракет «Ред Ай» и «Стингер». Кабина у «Геркулеса» - не чета Ан-12, просторная. Летчиков двое, третий бортинженер, он же ответственный за разгрузку и погрузку. Стало понятно, почему командир «Геркулеса» не берет пассажиров, им просто

негде сидеть, а возить людей в грузовом отсеке (он, в отличие от Ан-12 и Ан-26 герметичен) не позволяет инструкция. Несмотря на солидные размеры, в кабине помимо кресел летчиков всего одна обитая кожей, мягкая скамейка для бортинженера. На ней то мы и разместились.

При взлете Шруб с Паленым пытаются через иллюминатор отыскать место падения АН-26. Но внизу видна лишь красноватая, местами покрытая деревьями и кустарниками земля. Мы тогда еще не знали, что пройдет всего три месяца, и, точно также, с набирающих высоту «бортов», летчики будут глазами искать место, где сгорит экипаж Паленого. Ни заход «по спирали», ни другие ухищрения не смогут спасти его «Геркулес» от очередной унитовской ракеты. Паленый будет гореть во второй раз в своей жизни, но на этот раз ему повезет гораздо меньше: самолет вместе с экипажем и его командиром сгорит дотла. Но тогда ничего этого никто из нас, конечно, не знал...

Первый визит

Начиная с 1977 года, моя жизнь во многом связана с этой африканской страной. После двух долгосрочных командировок в качестве военного переводчика мне, уже офицеру одного из управлений Главного политуправления СА и ВМФ, в ведении которого находились вопросы разработки психологической войны, приходилось неоднократно бывать в Анголе. И в составе официальных военных делегаций. И под так называемой «крышей». «Крышей» служили регулярно проводимые в Луанде, Мапуту и столицах других стран торгово-промышленные выставки, совершаемые в рамках культурных и журналистских обменов поездки делегаций. Командировки эти помогали нам сохранить навыки языка, глубже узнать обстановку в

стране, как бы изнутри прощупать: насколько эффективно продвигается страна «по пути социалистической ориентации». После каждой такой поездки в адрес руководства ГлавПУ СА и ВМФ составлялась докладная с анализом военно-политической обстановки, которая потом нередко направлялась в международный или военный отдел ЦК КПСС. Их аналитики пользовались широчайшим спектром источников информации, в том числе и таким.

И каждый раз, направляясь в зарубежную командираку, взлетая из Шереметьево-2 и откинувшись на спинку аэрофлотовского лайнера Ил-62, я вспоминал мой первый полет в Луанду.

...Стоял холодный февраль 1977 года. Транспортно-десантный Ан-12 медленно, но верно набирал высоту, оставляя за собой заснеженный аэродром подмосковной Щербинки. Впереди несколько суток полета и неведомая, знакомая лишь по книгам, да телевизионным репортажам африканская страна. А позади - полтора курса Краснознаменного Военного Института Минобороны (для своих просто «ВИИЯк»), бессонные ночи зубрежки («учите глаголы, парни» – вещал нам преподаватель португальского языка майор Борис Кононов). Он, да и другой наш преподаватель, Анатолий Киселев, сделали, пожалуй все возможное, чтобы из нас, вчерашних десятиклассников получилось что-то подобное военным переводчикам. Вот были преодолены все сложности с оформлением за рубеж, выправлены документы: не так уж часто в то время «за бугор» командировали «желторотых недоучек» после всего лишь трех семестров обучения. Почему? Да потому, что Ангола требовала: переводчиков, переводчиков и переводчиков.

Как говаривал мой шеф по второй командировке в Анголу в 1980–1983 годах полковник Шруб: «Я без толмача и шагу в этой стране не сделаю». Свое намерение он выполнял буквально, всюду таская меня за собой. Как-то на праздновании Нового года в советской военной миссии

в Луанде, где присутствовали исключительно наши, прилично нагружившийся армянского коньяка шеф, срочно подозвал меня к себе. Указав на ключющего носом коллегу-соседа, потребовал: «Ну-ка, переведи ему, что я скажу». «Товарищ полковник, но он же русский, наш!» Непонимающе уставившись на меня, Шруб повторил: «Ты переводчик? Так переводи – он же меня не понимает!». Этот курьезный случай послужил в дальнейшем основой для достаточно популярного в переводческой среде анекдота.

Но, если серьезно, то проблема общения с подсоветной стороной (так называли наших ангольских «протеже») стояла весьма остро. Лишь единицы из ангольцев знали русский язык, а переводчиков в первые годы крайне не хватало. Да и откуда им взяться? Потребностей не было. Салазаровская Португалия отношений с СССР практически не имела, Бразилия тогда не входила в круг близких экономических партнеров Советского Союза, а для тайного обучения партизан из национально-освободительных движений Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Биссау и Островов Зеленого Мыса хватало нескольких групп, выпущенных с основного курса главного военно-языкового центра страны – Военного института Министерства Обороны.

И вдруг – обвал. Диктатура в Португалии свергнута, бывшие колонии с населением в полтора десятка миллионов человек объявили о независимости и строительстве национальных армий по советскому образцу. Обратилась с такой просьбой к СССР и самая богатая из них Ангола. Для исполнения «интернационального долга» у нашей страны, казалось, было все: опыт военного строительства (правда, впоследствии выяснилось не во всем пригодный для маленьких национальных армий, ведущих партизанскую войну в условиях жарких и влажных тропиков), подготовленные военные кадры, современная боевая техника и вооружение. Не хватало только переводчиков. И их стали ускоренно

готовить, призывать из запаса, брали даже испанцев, благо испанский и португальский языки достаточно близки и, владея одним, при желании можно быстро выучить другой. Посылали многих, без учета опыта и возраста, что, конечно, не шло на пользу делу.

Вот и нас, пятнадцать курсантов, поступивших в Военный институт в сентябре 1975 года и получивших при распределении португальский язык, «резко» ускорили. Рутинный график занятий был сломан. Теоретические дисциплины – языковедение, тактику – сократили (чай, практикой заниматься будут). Автодело – совсем по боку (вернутся, научим). Язык, язык и еще раз язык. На ночь – 50-60 новых слов, утром едва вспоминаешь 10-15. В неприкосновенности остались лишь история КПСС и уставы (это свято!), да «физо» («физо – оно и в Африке «физо!»). Каникулярный отпуск - отменили (в Африке отдохнут!) Ночью, обалдев от умственного напряжения, мозг уже рисовал радужные картины: мягкое кресло белоснежного лайнера «Аэрофлота», уносящего к роскошным пляжам Луанды, ласковые волны Атлантического океана, а главное – свобода. Никаких нарядов, построений, увольнительных в город...

Верхом на пороховой бочке.

Действительность оказалась совсем другой. Самолет, хотя и имел все признаки принадлежности к «Аэрофлоту», но оказался не красавцем Ил-62, а брюхатым транспортником Ан-12. Вместо роскошного международного зала аэропорта Шереметьево – заснеженное поле аэродрома военно-транспортной авиации под Москвой. А взамен мягкого кресла - забитая до отказа гермосекция (транспортный отсек Ан-12 не предназначен для перевозки людей на большой высоте, он

негерметичен. Герметична лишь кабина экипажа, да сообщающаяся с ней небольшая секция). И никакой таможни, паспортного контроля!

Чрево транспортника до отказа загружено армейскими ящиками характерного защитного цвета, тщательно обвязанными со всех сторон страховочными сетками. Поинтересовался у бортпереводчика, что за хрупкий груз везем (советские военные экипажи английским языком, необходимым для ведения радиообмена над территорией других государств, не владели и, поэтому, на всех машинах имелся штатный «толмач»). Парень оказался виияковцем, курсантом четверного курса. Он с превосходством (старшекурсник все-таки) усмехнулся: «Ты, что не врубаешься, – это же презенты африкосам». Ну, какие презенты мы возим в Анголу известно, скорее всего, оружие или боеприпасы. Стало как-то зябко и не совсем уютно.

Перед стартом командир экипажа, облаченный в синюю аэрофлотовскую форму, кратко обрисовал маршрут: Москва-Будапешт-Алжир-Конакри-Луанда, причем в каждом пункте дозаправка и ночевка. П/п-к Слюнько, (так звали летчика судя по едва заметной надписи на двери кабины – ее, видимо, то стирали, то наносили вновь в зависимости от задания экипажа), добавил для особо непонятливых, что его «ласточка» не межконтинентальный лайнер и удобства в нем не предусмотрены. «Так, что кто желает облегчиться – быстренько под крыло!», добавил он.

Воспоминания от полета остались самые паскудные: гермокабина, рассчитанная на 3-4 человека, вмещала вдвое больше, роль туалета выполняло ведро, стоявшее тут же. У единственного иллюминатора, чтобы поглазеть от скуки на небо, стояла очередь. Но сие оказалось не самым страшным. Во время захода на посадку в аэропорту Алжира бортпереводчик-виияковец (как оказалось, это был его первый вылет в данной роли) не смог точно разобрать указаний диспетчера и сообщил

командиру не тот эшелон. К счастью, он не был занят другим «бортом» и все обошлось благополучно. На земле Слюнько устроил разнос своему новому члену экипажа: «Ты, мать твою, нацепил китель командира тяжелого транспортного корабля (а что делать курсанту – кладовщик на аэродроме выдал первый попавшийся), а двух слов по-английски связать не можешь. Пойми, это на земле переспросить можно, а в воздухе иногда каждая секунда, каждое слово – жизнь или смерть».

Много позже, налетав «на бортперевод» не один десяток часов, я осознал, насколько трудно было парню первый раз реально общаться на английском языке с диспетчером. Здесь своя терминология, свои правила радиообмена, а главное плохая связь и помехи могут настолько исказить эфир, что кроме пресловутого «roger» - «понял» разобраться что-либо другое трудно. «На бортперевод» поначалу пасуют даже люди в совершенстве знающие язык, но не имеющие навыков общения по радиосвязи.

Эпизод этот натолкнул меня на крайне тревожную мысль, которая, нельзя сказать, чтобы не посещала ранее: как-то гнал ее из головы. «Если четверокурсник, практически выпускник, не в состоянии разобрать, что ему говорят, как же мы со своими тремя семестрами сможем общаться и переводить?».

Вопрос этот так и остался открытым, ибо приземлившись в аэропорту Алжира, наш Ан по указанию диспетчера вдруг загнали в самый дальний угол летного поля. Признак был весьма тревожный. Внимательно следя за публикациями в прессе, относящихся к будущей стране пребывания (а это входило в программу институтской учебной дисциплины - «страноведение»), мы неоднократно читали в газетах разоблачения «провокационных слухов, муссируемых западной прессой об использовании самолетов «Аэрофлота» для переброски

оружия и боеприпасов». Вот уж никогда бы не подумали, что это коснется нас...

Опытный Слюнько, стараясь перекрыть шум работающих двигателей, зло простонал через открытую дверь кабины экипажа: «Ну, доигрались, сейчас досмотр учинят, а дальше разделим участь оружейных контрабандистов». «Не посмеют, мы же транзитом, а транзитников не досматривают», - прокричал ему в ответ еще более опытный штурман. Худшие опасения стали подтверждаться: у нас действительно опасный груз.

Досматривать и вправду никто не стал, хотя наш Ан и простоял под охраной полицейских более часа, прежде чем нас допустили на летное поле. При прохождении паспортного контроля и таможи произошла еще одна неприятная сцена. Я видел, как напряглись лица встречающих нас работников военного атташата: видимо, они не были уверены в абсолютной лояльности «алжирских друзей». (Правящая партия Алжира входила в «славную когорту национально-освободительных движений Африки» и причислялась руководством СССР к разряду своих сторонников). Но и здесь все обошлось благополучно.

Дальнейший перелет проходил без видимых инцидентов. Гвинейский город Конакри запомнился удушливой жарой, пыльными, грязными улицами и отсутствием каких-либо формальностей в аэропорту. Если, конечно, можно назвать аэропортом небольшую коробку из бетона с напрочь разбитыми стеклами. Да еще, пожалуй, отсутствием посадочных огней на полосе. «Это наши постарались, - кивнул всезнающий командир экипажа, - в прошлом году стратегический разведчик слегка не долетел до полосы, вот вспахал поле и зацепил кабель».

Позже, проработав почти полтора года в группе по обеспечению полетов этих самых «стратегических разведчиков» Ту-95РЦ, я узнал, что сей печальный инцидент был использован конакрийцами как предлог для запрета посадок нашей дальней разведывательной авиации. Впрочем, повод был чисто формальным, ущерб от аварии СССР возместил полностью. Главная причина – крупный американский кредит «на развитие». Вопрос ставился Госдепом США предельно просто: деньги в обмен на запрет полетов. Уж очень «достали» наши самолеты американцев, вскрывая их авианосные морские группировки в Атлантике. Кредит «на развитие» был разворован и проеден, а Ту-95РЦ были перебазированы на аэродром к тому времени уже дружественной Луанды. Советско-ангольское сотрудничество «развивалось и крепло».

Это - АНГОЛА!

Аэродром в Луанде по африканским меркам той поры был первоклассным. Две огромные полосы, одно из которых даже рассматривалась американцами в качестве резервной для посадок космических «Шаттлов», большое здание аэропорта и внушительная военно-воздушная база. Португалия страна небогатая, поэтому ВПП у базы и международного аэропорта были общими. В гражданском секторе рядом выстроилось несколько «Боингов», а в военной части – с десяток покрашенных камуфлированной краской Миг-17 и Миг-21. За торцом одной из полос возвышалась груда из разбитых фюзеляжей летательных аппаратов, поврежденных, или уничтоженных в ходе прошлогоднего вооруженного противостояния правительственных войск с боевиками УНИТА и ФНЛА.

Наш АН, мягко коснувшись «шаттловской» полосы (браво Слюнько, довез таки!), покатился вслед за зеленым джипом сопровождения в военный сектор аэродрома. Едва были заглушены двигатели, и бортмеханик спустил трап-лесенку, пассажиры и экипаж высыпались под «крылышко» – 8 часов беспосадочного перелета без удобств давали себя знать (за четверо суток путешествия этот ритуал стал как бы традиционным).

Снова появились мысли о неизбежности первого «речевого контакта», назойливой мухой пытаюсь помешать насладиться впечатлениями от пребывания на «ангольщине». Ни с того ни с сего пришла на ум классическая фраза, в панике произнесенная одним из героев жюльверновского романа «Пятнадцатилетний капитан»: «Это не Боливия, это – АНГОЛА!!!».

Вылезший из джипа сопровождения огромный негр в оливковой униформе без знаков различия направился к Слюнько, безошибочно определив в нем главного. Тот, было, окликнул своего «командира тяжелого транспортника», но, сообразив, что язык-то нужен совсем другой, ткнул в меня пальцем: «Переводи». Здоровый негр что-то лопотал, жуя слова словно кашу. Это было ударом – я не понял ни слова. «Во, понабрали тут, ни «бе», ни «мэ», – откомментировал ситуацию Слюнько. Однако охвативший меня мандраж не помешал сообразить, что речь чернокожего встречающего мало походила на португальский язык. Так оно в дальнейшем и оказалось – негр оказался кубинцем, чья разговорная речь иногда создавала проблемы и для местных..

Но заминка продлилась недолго. К самолету, как по команде, устремилось несколько легковушек и два огромных крытых грузовика «Скания». Со всех сторон нас обступили вооруженные люди в такой же оливковой форме - это и были «компаньерос кубанос». Некоторые говорили по-русски. Выяснилась и причина повышенного внимания к

прилетевшему самолету – его груз. Он предназначался отнюдь не ангольцам, а кубинцам, и зеленые ящики быстро перекочевали в кузов подъехавших грузовиков.

Позднее я узнал, что наш «аэрофлотовский лайнер» помимо другого имущества, привез давно ожидаемые переносные зенитные комплексы «Стрела-2». В междоусобной ангольской войне авиация поначалу использовалась редко. Но с ростом интенсивности боевых действий, в них стали втягиваться другие страны, в частности Южно-Африканская республика. Авиация ЮАР не только регулярно облетывала районы боев, передавая данные концентрации правительственных ангольских и союзных им кубинских войск командирам унитовских формирований, но и наносила бомбовые удары по анголо-кубинским подразделениям. Кубинцы срочно затребовали в СССР дополнительные средства ПВО. Груз, прибывший с нашим Аном, и был первой партией.

Тут же на аэродроме состоялось мое распределение. Дело в том, что еще в Москве начальник факультета западных языков Военного института генерал-майор Афанасьев, вызвав меня к себе в кабинет, предупредил: «Товарищ курсант, работать будете отдельно. Связано с авиацией. Задание ответственное, мы на вас надеемся». Что за задание подробно рассказали в Главном штабе ВМФ, где перед вылетом прошел двухнедельную стажировку. Выяснилось, что работать предстоит в «организации», которая официально именовалась довольно странно «Пункт материально-технического обеспечения Северного флота», сокращенно ПМТО.

То, что ПМТО по существу был хоть и компактной, но достаточно мощной и многофункциональной военной базой СССР в Луанде ни советское, ни ангольское руководство старались не афишировать. В ее задачи входил прием и обслуживание боевых и

транспортно-десантных самолетов, в первую очередь самолетов-разведчиков Ту-95РЦ авиации Северного флота, боевых кораблей ВМФ и подводных лодок, несших боевую службу в Южной Атлантике. Мощный зональный узел космической засекреченной связи позволял руководству советского ВМФ постоянно поддерживать связь с подводными лодками, боевыми кораблями и самолетами в этом районе. База обладала солидными возможностями: топливные и продовольственные склады, хранилища с регенерационными комплектами для подводных лодок, ремонтная база. Имелись возможности и для отдыха и реабилитации экипажей самолетов и кораблей. Предоставление такой базы являлось своеобразной «платой» ангольского руководства Советскому Союзу за поддержку МПЛА в национально-освободительной войне. Именно здесь мне и предстояло работать в первую свою заграничную ангольскую командировку.

В авиагруппе

Советские самолеты-разведчики Ту-95РЦ садились красиво. Всегда летая парами, они были похожи на огромных серебристых птиц-мутантов с неестественно длинным, узким телом. Вращающиеся в разные стороны лопасти (на каждом крыле стояла пара мощных двигателей с разновращающимися винтами) оставляли ощущение какой-то особой воздушности, а нелепо прилепленная к нижней части фюзеляжа станция наведения и целеуказания – основное оружие самолета-разведчика, напоминала яйцо, готовое вот-вот выпасть из чрева этой гигантской птицы.

Экипажи, прошедшие в воздухе на маршруте Гавана – Луанда уже более 16 часов, видимо предвкушают скорый отдых. Им невдомек, что в обеспечении их посадки сегодня впервые принимает участие не

профессиональный переводчик, а желторотый курсант, только, только начавший изъясняться по-португальски на общие темы с местными. А при обеспечении посадки самолета требуется знание специальной терминологии и авиационных реалий. Старший же по авиагруппе ПМТО, он же руководитель полетов подполковник Желнин, к сожалению, так и не удосужился даже в общих чертах объяснить, как он будет сажать боевые самолеты. Инструктаж группы полетов накануне, конечно, был. Но задачи подчиненным ставились в основном по двум аспектам: техническому обеспечению и секретности. Мои действия назавтра Желнин определил кратко, следующей фразой: «Я – на вышке («вышка» – КДП, командно-диспетчерский пункт), со мной переводчик, остальные по боевому расписанию»

На «вышке» после 30-градусной жары просто рай, работают кондиционеры, пахнет ароматным кофе, который в немеренных количествах поглощают два местных диспетчера. Оба мулаты (или «метисы», от португальского “mestiço” – смешанный, родившийся от брака людей разных рас), свободно говорят на двух языках, с университетским образованием. Я знал, что португальцы именно мулатам предназначали роль своеобразного буфера между колониальной администрацией и коренным населением страны. Этой большой группе населения, называемой «ассимиладуш» в первую очередь были открыты двери высших учебных заведений не только колонии, но и метрополии, им доверяли и ответственные посты в системе местного самоуправления. Словом «цветная» интеллигенция. За это чистокровные африканцы и активисты МПЛА относились к мулатам весьма настороженно. Но после завоевания независимости, и бегства почти 500 тысяч португальцев – инженеров, врачей, экономистов, мулатам стали доверять ответственные должности, правда, не связанные с политикой. Впрочем, из всех правил есть исключения. Тогдашний

министр обороны Анголы Энрике Телеш Каррейра «Ику» был мулатом, а член Политбюро МПЛА Лусиу Лара, и вовсе белый.

Диспетчеры, конечно, ничего не знают о прилете Ту-95РЦ и откровенно удивлены вторжением чужих в свою епархию. Сообщать же им до поры до времени о прибытии “тушек” запрещено. Секрет! Но вот «борты» вышли на связь. Желнин запрашивает: «Удаление? Эшелон? Остаток топлива?». Все в норме. Скоро выход на дальний привод. И тут начинается самое трудное. До сего времени следовали достаточно легкие вопросы типа: «Извините, такой-то эшелон не занят? или «Не скажите ли, какие самолеты на подходе?». И тут Желнин ошеломляет меня фразой: «Передай товарищам, что наши будут садиться «по коробочке». Лихорадочно соображаю. Как переводится слово «коробочка» на португальский знаю, не тупой. Но верно ли это? Чувствую, речь идет совсем о другом. Прошу товарища подполковника объяснить, в чем подвох.

«Ну, что тут непонятного? По коробочке, значит по коробочке. Ты им переведи, они поймут...». Времени на расспросы и разъяснения нет, самолеты вот, вот должны появиться в секторе над аэродромом. Перевожу дословно, другого выхода нет. В ответ следует длинная пауза и недоуменные взгляды. В глазах ангольцев читаю приблизительно следующее: «Черт их знает, этих *советику*, они же в космос летают, может, у них так принято. Или это новый секретный способ захода на посадку?»

Но нам везет. Воздушное пространство над аэродромом относительно свободно. Кубинские истребители сегодня не летают, а пару вертолетов и легкий самолет-авиетку мулаты-диспетчеры срочно загоняют куда-то от греха подальше. Сложнее с приближающимся пассажирским «Боингом» португальской авиакомпании, как раз в этот момент запросившим эшелон для снижения. Его ловкие ребята усылают

на второй круг. Следует широкий жест, адресованный к нам: мол, все свободно, «камарадаш», садитесь, хоть «по коробочке», хоть «по ящичку».

Следующим утром (вечером «достать» Желнина не удалось, по случаю успешно доставленной на одной из «тушек» канистры спирта) пытаю руководителя полетов. Оказывается «коробочка» – это сленговый термин наших летчиков, обозначающий один из способов захода на посадку. Он включает в себя проход над аэродромом с периодическими разворотами на 90 градусов.

С тут же составленной схемой мчусь на КДП. Знакомые мулаты еще не сменились. Показываю рисунок. Да, да все понятно. Но, естественно, по-португальски никакая это не «коробочка». Совершенно иначе трактуется и положение самолета в каждой точке этого маневра. Вчера Желнин настойчиво требовал от меня сообщать ангольцам о каждом элементе маневра. «А, ну-ка переведи товарищам: первый борт выполнил второй разворот». Мой лепет прямого перевода вызывал лишь непонимающую улыбку. Еще бы! «Второй разворот» в местной диспетчерской терминологии соответствовал фразе «Иду с попутным ветром». Вот тебе и «коробочка!». Страшно вспомнить вчерашнее, особенно пассажирский «Боинг», отправленный предусмотрительными мулатами на второй круг. Эта пресловутая «коробочка» могла бы обернуться не одним десятком ящиков, но не виртуальных, а деревянных.

Несмотря на меры по соблюдению секретности пребывания «тушек» на аэродроме Луанды, скрыть или замолчать его было абсолютно невозможно. Во-первых, двигатели самолетов издавали грохот не похожий на звуки, других летательных аппаратов. Во-вторых, размещались они во время стоянки совершенно открыто, на особой площадке летного поля, которая служила как бы границей между

гражданской и военной зоной. К тому же, это были единственные самолеты, не скрывавшие своей принадлежности к военно-воздушным силам СССР. Их опознавательные знаки резко контрастировали с раскраской наших военных транспортников – Ан-26, Ан-12, Ил-76 и Антеев, носивших на фюзеляжах знаки принадлежности к сугубо гражданской авиакомпании – «Аэрофлоту».

Однажды в советской военной миссии в Луанде разразился настоящий переполох. В одном из американских журналов появилась четкая фотография «Туполевых», стоящих на столичном аэродроме. Главный военный советник в Анголе генерал-лейтенант Шахнович срочно приказал «усилить бдительность и прекратить пускать на авиабазу посторонних». Между тем, любой пассажир международного или местного рейса мог совершенно спокойно сделать эти фотографии. Взлетно-посадочная полоса-то у военного и гражданского аэропорта была одна! Самолеты, конечно, охраняли. Существовало два кольца оцепления: внутри наши «морячки», а во внешнем кольце ангольцы (от их услуг, правда, потом отказались и выставили кубинцев, те были надежнее).

И, тем не менее, даже это не служило серьезным препятствием для визуального осмотра «тушек» пассажирами снующих туда-сюда по летному полю автомобилей: контроль за въездом и выездом в военную часть аэродрома со стороны летного поля был весьма условным. Но интерес американской разведки к полетам Ту-95РЦ был замечен, как говорится, невооруженным взглядом. Кубинская и ангольская охрана не раз останавливала у самолетов машины, в которых на проверку оказывались то португальские, то бразильские «кооперанты». Пытались западные спецслужбы «подобраться» к самолетам и через ангольскую сторону. То один, то другой высокопоставленный функционер МПЛА, вдруг изъявлял желание «познакомиться с работой советской дальней

авиации». Причем, просьбы провести подобные «экскурсии» поступали даже через советское посольство, которое охотно откликалось на них, видя в этом «знак укрепления советско-ангольской дружбы».

Однажды, не обращая внимания на слабые протесты офицера-контразведчика ПМТО (Куда лезешь майор, тут дело политическое!), главный военный советник генерал-лейтенант Петровский привез на летное поле вновь назначенного министра национальной обороны Анголы, члена политбюро МПЛА Педру Мария Тонья, более известного под военно-партийной кличкой «Педале». Грузный, но проворный, как колобок, министр быстро по приставной лесенке забрался в кабину боевой машины. Подивился страшной тесноте и героизму советских летчиков. Затем произнес короткую пламенную речь на тему интернациональной дружбы и отбыл восвояси. По всему было заметно, что проблема трансконтинентальных перелетов его особо не интересует. Чего нельзя было сказать о многочисленной свите министра, состоящей из нескольких десятков телохранителей, адъютантов, секретарей, родственников, а то и просто случайных людей. Еще около часа эта плохо контролируемая масса ходила вокруг боевых машин, цокая языками от восхищения. Причем, несмотря на категорический запрет фотографирования, кое-кто все-таки умудрился сделать снимки «на память». Скорее всего, ими двигало естественное любопытство, но визит этот доставил нам немало хлопот.

Интерес американцев к этим самолетам был вполне объясним. В ту пору советские дальние морские разведчики Ту-95РЦ по своим тактико-техническим данным превосходили не только отечественные, но и зарубежные аналоги. Главная особенность самолета заключалась в установленной на нем уникальной станции разведки и целеуказания «Успех». Эта аппаратура позволяла вести радиолокационную разведку

кораблей в море и береговых объектов и автоматически транслировать карту обстановки на советские боевые корабли, подводные лодки и командные пункты береговых ракетных частей. Одна машина Ту-95РЦ за короткое время была способна «вскрыть» обстановку в районе площадью до 10 миллионов квадратных километров, точно определить характер целей и выявить главные из них. Только один вылет пары Ту-95РЦ заменял десять самолетовылетов разведчиков типа Ту-16Р.

Говорили, что мощность приемопередающей антенны станции «Успех» была настолько велика, что даже в короткие моменты ее проверки на земле вокруг плавился снег. В Луанде наблюдать этого было, конечно, нельзя. Но обращало на себя внимание то, что трава вокруг места стоянки самолетов росла чрезвычайно плохо. К тому же техники из группы обслуживания почему-то старательно обходили стороной висящее под брюхом самолета «яйцо» станции. На мой наивный вопрос о причине такого поведения, один из инженеров изрек первую заповедь технаря: «Хочешь, чтоб любила баба, держись подальше от эРЦаба». (Слухи о влиянии мощного излучения станции на мужскую силу имели под собой реальные основания).

Кость в горле у американцев

Свой первый трансатлантический разведывательный перелет самолеты Ту-95РЦ Северного флота совершили весной 1970 года с аэродрома Оленья на Кубу. Произошло это в ходе оперативно-стратегических учений «Океан-70». А в 1977 году открылся ПМТО в Луанде. Это стало настоящим подарком тогдашнему главнокомандующему советским ВМФ адмиралу С. Г. Горшкову, который желал «присутствия и демонстрации советского военно-морского флага в Мировом океане». И, одновременно, как «кость в горле» – у США.

Особое беспокойство американцев вызывало то, что к началу 70-х годов ВМФ СССР начал создавать в различных районах океана группировки, которые получили название «разведывательный ударный комплекс». В него входили атомная подводная лодка с крылатыми ракетами, надводный корабль-ретранслятор с системой звукоподводной связи и самолет-разведчик Ту-95РЦ с системой «Успех». Такая группировка по признанию командира 30-ой бригады противолодочных кораблей контр-адмирала Л. В. Васюкова могла «запросто вывести из строя авианосец, или даже утопить его»...

С прибытием очередной пары разведчиков из Гаваны меня ожидал приятный сюрприз. На их борту прилетели мои однокурсники-англичане: Юрка Кошкин и Андрей Волчков. В дальнейшем меня посетила таким образом чуть ли не половина курсантов-англичан Военного института. В соответствии с инструкцией на все трансконтинентальные перелеты брали с собой бортпереводчиков. Необходимости в этом, правда, острой не было. Дело в том, что и в Гаване и в Луанде, как и ранее в Конакри, самолеты сажали при помощи советского руководителя полетов, который через переводчика координировал действия с местными службами. ПМТО, аналогичные нашему, были созданы и на Тихоокеанском ТВД и Индийском океане: йеменском Адене, эфиопском Дахлаке. Самолеты-разведчики ТОФа (наши были приписаны к Северному), садились на аэродроме вьетнамского Дананга, (затем их перебазировали на нашу военно-морскую базу в Камрани).

Но в случае непредвиденной посадки переводчик английского языка на борту был необходим. Хотя, насколько мне известно, за все историю полетов наших разведчиков под Атлантикой необходимости в экстренных посадках не возникло. А если бы возникло, то самолет, который «не приняла» бы, скажем Гавана, нужно было сажать во

Флориде, ибо других полос, способных принять самолет класса Ту-95 по близости не было! (Живо представил себе как Юрка Кошкин «входит в контакт» с американским диспетчером флоридского аэропорта и просит посадки! В разгар «холодной войны» такое могло присниться лишь в страшном сне).

Был, правда, и другой резон в присутствии бортпереводчиков на «тушках». Их заставляли напряжено слушать эфир: что там говорит супостат? Супостат, кстати, был прекрасно оповещен о маршрутах и времени прилета разведчиков. При полете к Гаване, например, наши Ту-95РЦ, как правило, сопровождались американскими истребителями. Причем они подходили столь близко, что можно было без труда увидеть лица пилотов. Летчики рассказывали, что те иногда демонстрировали своим советским коллегам, прижимая к прозрачному стеклу фонаря кабин, порнографические журналы, одновременно агитируя в эфире: «Давайте, мол, русские, к нам, свобода, бабы, виски...» Но, как говорится, «облико морале»...

Такие «рандеву» в воздухе по единодушному мнению наших летчиков не один раз могли закончиться катастрофой. Многотонная машина Ту-95РЦ вряд ли смогла бы оперативно среагировать на слишком опасный, неосторожный маневр американцев. Эти действия американцев, кстати, противоречили соглашению между СССР и США от 25 мая 1972 года о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним, где было сказано, что «командиры экипажей самолетов должны проявлять величайшую осторожность и благоразумие при приближении к самолетам другой Стороны...». Отставали истребители лишь на полете к острову Свободы, войдя в зону действия ПВО Кубы.

Наши летчики совершали полеты не просто в экстремальных, а по-настоящему в боевых условиях. Перелеты на пределе расчетной

дальности без достаточного количества запасных аэродромов, запрет выхода в эфир прослушиваемый «вероятным противником», практически полное отсутствие поисково-спасательной и аварийной службы, по крайней мере, в Луанде, делали их работу просто героической. Вот что рассказывал о таких перелетах военный штурман-снайпер 392-го отдельного разведывательного авиополка подполковник Павел Бурмистров, самолет которого я не раз «сажал» в аэропорту Луанды.

«Дальность полета наших «тушек» - Ту-95РЦ позволяла им удаляться от береговой черты на большие расстояния - до 12 тысяч километров. Но для достижения еще большей дальности за все учения, а также при выполнении заданий особой важности наши самолеты постоянно перелетали с аэродрома Кипелово, что в Вологодской области, на аэродром Оленья под Североморском. При вылете с последнего можно было долететь до Азорских островов, обнаружить нужную надводную цель и без дозаправки топливом вернуться на заданную точку. Как правило, полеты в этот район выполнялись, когда ВМС США производили смену авианосных многоцелевых группировок 6-го флота в Средиземном море. По времени продолжительность полета туда и обратно составляла от 15 часов 30 минут до 16 часов 30 минут. Бывали случаи, когда она доходила до 17 часов 40 минут.

Одновременно с выполнением основных задач командования ВМФ, начиная с 1969 года полку ставились и задачи государственной важности. Одна из них называлась «дежурство по «Эллипсу». Это означало, что в периоды запуска и посадки космических кораблей и спускаемых аппаратов, в случаях их приводнения не в заданном районе - в Бискайском заливе, мы должны были производить поиск и спасение членов экипажей спускаемых аппаратов. Такие полеты при взаимодействии с силами спасения выполнялись неоднократно. Но, как

говорится, Бог миловал, все они были только учебными. До середины 1971 года экипажи производили и наиболее сложные полеты - с дозаправкой топливом в воздухе, что давало возможность летать на поиск спускаемых аппаратов аж в район Индийского океана. Вылетали с аэродрома Моздок через Иран и обратно с посадкой в Кипелово. Обеспечение его осуществлял самолет-заправщик ВВС М-3. Время пребывания экипажа в воздухе составляло тогда 23 часа 40 минут.

В период с 1970 по 1990 год полк выполнял трансатлантические перелеты на Кубу, в Анголу и Гвинею. Все они осуществлялись через Оленью. Исключение составлял разве что гвинейский аэродром Конакри, куда несколько перелетов мы сделали непосредственно из Кипелово. Время полета в данном случае увеличивалось на 1 час 40 минут и доходило до 14 с половиной часов. Маршруты всегда проходили только над океаном. До Кубы с учетом ветра долетали за 15 часов 30 минут. Причем садились на остров Свободы с остатком топлива 9 - 11 тонн. И это при том, что брали его на борт 88 тонн.

С кубинских аэродромов Хосе Марти, а с 1977 года с Сан-Антонио наш маршрут лежал в Анголу. Мы пересекали Атлантику в районе экватора, находясь в небе 16 часов 20 минут, и садились с топливным остатком 9 тонн. Этот перелет считался очень тяжелым и ответственным как по части безопасности, так и в навигационном отношении. Выполнялся он ночью, с пересечением тропических фронтов, в отсутствие береговой черты в течение пяти часов полета, что затрудняло осуществлять коррекцию места самолета. Прибавьте к этому, вынужденные противоистребительные маневры в сторону моря в случаях наведения перехватчиков ВВС ЮАР и тогда станет ясно, сколь опасными были подобные «путешествия» в Луанду.

Летали мы на высотах 7200 - 9600 метров. Дублирующих экипажей не было. Требования к летчикам предъявлялись очень

высокие: класс не ниже 1 - 2-го, большой опыт полетов в любых метеоусловиях и с максимальным взлетным весом - до 180 тонн. На маршруте весь экипаж работал от запуска до посадки без отдыха, не вставая с рабочих мест. Мастерство летчиков было столь велико, что за весь период существования полка не было ни одного факта потери ориентировки, посадки вне аэродрома или вынужденного покидания самолета, за исключением отдельных случаев, не связанных с действиями летного состава. Возвращаясь домой после напряженных 25-дневных командировок, каждый экипаж налетывал до 100 часов при годовой норме 70 часов. За время подобных полетов человек терял в весе 7 - 10 килограммов».

Можно добавить, что в Луанде Павел Павлович и его товарищи в те времена действительно не могли полноценно возместить потерянные килограммы. Не позволяла ситуация с продовольствием. Поэтому действовал принцип: все свое ношу с собой. Летчики привозили «кормежку» с собой, разбавляя ее приобретенными по случаю на местном рынке бананами и ананасами. А вот в смысле отдыха летчикам было раздолье: ласковые волны Атлантики, хорошая банька, интересные экскурсии по городу.

Меняем пиво... на водку

Ребята неделю как из Союза. Довольны свалившимся на них «дополнительным отпуском». Да еще каким: Гавана, Луанда, опять Гавана. Летать на боевых, конечно, опасно. Среди бортпереводчиков еще была свежа память катастрофе Ту-95РЦ, направлявшегося из Гаваны на базу Оленья близ Североморска. Тогда, всего год назад, в августе 1976 года над Северной Атлантикой погибло двенадцать человек экипажа. Среди них был и переводчик-виияковец, но не курсант, а уже офицер...

Но кто думает о смерти в девятнадцать лет? Посидели, как водится по русскому обычаю. Они выставили гостинцы с Родины: банку селедки и буханка черного хлеба – настоящее лакомство для русского человека в Африке. Все как полагается. Поговорили. В какой-то момент стало обидно. Ребята уже заканчивают второй курс, а нам здесь «париться» еще почти год. Они в ответ: «А зато вы бабки получаете, да еще и мамлеев присвоят...».

Что касается «бабок», так это верно. После полутора лет ангольской командировки мы сделались по тем временам вполне обеспеченными людьми. Наш курсовой старшина Славка Истратов захотел, и купил себе «жигуль», а стальные приобрели в «Березке» приличную аппаратуру и одежду. А вот с присвоением вожделенного для всех курсантов звания «мамлея» - «младшего лейтенанта», нас «прокатили». В принципе считалось, что курсант Военного института не мог находиться в служебной командировке более года. Если этот срок превышался, он получал офицерское звание и статус слушателя, а командировка могла длиться сколь угодно долго. Поэтому по территории института ходили целые табуны «мамлеев», в основном участников сирийско-израильских и египетско-израильских войн. Тогда учеба в институте, включая командировки, длилась вместо пяти по 7-8 лет. Но положение их имело массу преимуществ по сравнению с курсантами. Мы, например, после полутора лет свободы вынуждены были опять вернуться в казарму с увольнением в город 2-3 раза в месяц.

...На завтра Москва запланировала боевой вылет. Задача – обнаружить американскую авианесущую группировку в районе острова Святой Елены. «Летуны» шутят: полетим искать могилу Наполеона... Мое место с руководителем полетов на «вышке». Работа есть работа, но обидно, что именно завтра. Потому, что завтра - вторник. Святой и почитаемый в нашей авиагруппе день. По вторникам мы получаем в

ангольском распределителе пиво. Целых десять ящиков. А пиво в Анголе по тем временам – страшный дефицит.

После бегства португальских специалистов, ангольцы так и не смогли наладить нормальную работу двух основных пивоваренных заводов Луанды, выпускающих популярные сорта местного пива, “Cusa” и “Nocal”. Поэтому существовала жесткая система распределения этого поистине национального напитка. Пиво отпускалось только на свадьбы, поминки, похороны или по случаю национальных праздников. Это если оптом. Существовал и другой способ.

Многие наши советники и специалисты в обеденный перерыв посещали многочисленные забегаловки, разбросанные по всей Луанде. В них обедает «рабочий класс», который без пива не может. Слава Богу, их не додумались приватизировать, как пивоваренные заводы. По решению муниципалитета города Луанды в многочисленных частных точках общепита регулярно отпускают разливное пиво. Но вот загвоздка: продают его только, если ты заказал порцию риса с практически несъедобной рыбой. Вот наши и стоят под стойкой, выпрашивая пару бокалов пенного напитка, авось повезет. Никто, конечно, еду не заказывает – очень дорого по сравнению с пивом. А апелляция к официантам поначалу заканчивается ничем, они существуют с процента. Но в финале, уговоры, как правило, завершаются победой настойчивых *советнику*. Страждущим подается пара бокалов пива. Если требуется больше, (а что такое в 30-градусную жару два стакана пива для русского человека!) в ход идут банки с советской тушенкой, трикотаж, и ... наконец универсальный обменный товар - ВОДКА!

Можно, конечно, заехать в нашу миссию в Луанде. Там с недавних пор перед обедом, в бильярдном зале над клубом организована продажа «предобеденного» пива. Страждущие советники

заблаговременно выстраиваются в очередь, чтобы получить пару стаканов (больше не положено). Нам такой способ не годится. Пэмтэошники должны соблюдать «режим пребывания в стране» и лишний раз в город, как говорит наш командир капитан 1 ранга Краснов не высовываться. Наш путь иной. Нахожу контакт с шефом районного муниципалитета, ведающим распределением «похоронно-свадебного» пива. «Мы ж советские товарищи, «интернационалисты», вам помогать приехали, бросили на Родине все, а вы пива пожалели?». Деньги – местные обесцененные «кванзы» здесь не котируются. Для стимуляции мысленного процесса шефа в ход идут тушенка (в Анголе с мясом напруг), банки с консервированным сгущенным молоком и... конечно та же водка. Шеф сдается (а не больно-то он и сопротивлялся) и назначает день выдачи вожделенного напитка – вторник. Но предупреждает, день и час необходимо соблюдать неукоснительно. «Знаете ли, наш народ и так возбужден, если узнают, что вы без очереди и вне списка, то могут быть эксцессы». Нам эксцессов не надо, мы каждый вторник «как штык». И тут полеты... вот тебе и попили пивка!

Не мешайте, ребята, пиво со ... спиртом

В рядах допущенных к пивной кормушке членов пэмтэошного сообщества уныние. Ехать нужно мне, поскольку получение заветного напитка связано с рядом процедур, которые доступны лишь человеку владеющему языком. Но неожиданно находится выход. Выяснилось, что по решению Москвы завтра полетит лишь одна пара «тушек» (на этот раз из Гаваны прибыло целых четыре самолета). Поэтому Кошкин с Волчковым остаются на земле. У ретивого любителя пенного напитка мичмана по прозвищу Бенья, который отвечает за транспортное обеспечение нашего безнадежного предприятия, тут же возникает

плодотворная мысль. Направить в «поход за славой» Юрку Кошкина. «Он тоже «переводяга», так поможет». Ему в голову не приходит, что язык-то у Юрки совсем другой.

Но в принципе мысль грамотная. Общительный и коммуникабельный Кошкин безусловно сможет помочь делу и вдвоем с Беней им будет легче. Вручая Юрке записку ангольскому бутлегеру, инструктирую его: «Главное пробраться сквозь толпу, которая постоянно трется вокруг распределителя. Смело иди вперед, непрерывно громко выкрикивая слова «камарада советику!», и настойчиво требуй шефа». При мне Юрка заучивает пару фраз по-португальски, чтобы было легче отбиваться от особо агрессивных ангольских граждан. Тот же Бенья, например, за полгода службы в Анголе с трудом одолел лишь слова приветствия да прощания. Да ВИИЯ – это «фирма»! Со спокойной совестью за исход нашего предприятия отправляюсь на КДП.

... Груженный пивом «Урал» под радостные крики победно вползает в ворота ПМТО. Задание ребята выполняют на пять с плюсом. Чего нельзя было сказать о наших самолетах-разведчиках. При выходе на точку у одной из «тушек» произошел отказ двигателя, и Москва приказала экипажам вернуться в Луанду. К счастью самолет успешно сел на трех работающих движках, но факт есть факт – боевое задание не выполнено.

Несмотря на эту, как говорят в авиации, «предпосылку к летному происшествию» летуны не могут скрыть своего удовлетворения. Во-первых, все живы-здоровы. А во-вторых, сей неприятный инцидент сулит значительную прибавку к семейному бюджету. Дело в том, что все летчики помимо своего служебного оклада в рублях получают командировочные в валюте. В Анголе они достаточно велики – двадцать три доллара в сутки (для сравнения на Кубе в тот период платили что-то

около семи - девяти долларов). Поэтому, пока будут ждать новый двигатель, демонтируют неисправный и установят новый, пройдет не менее недели. А за это время набегит приличная сумма. Словом все довольны, за исключением нашего финансиста. Как будто он свои деньги отдает! В дальнейшем я узнал, почему так расстроился шеф валютно-финансовой службы ПМТО. Оказывается он, согласно какой-то закрытой инструкции, получал по итогам года ПРЕМИЮ за экономию средств. В чем заключалась эта экономия, вскрылось при ревизии – наш финансист проворовался.

Впереди несколько свободных дней. Пока из Союза не привезут новый движок, никакой серьезной работы не предвидится. Поэтому вечером всеобщее гуляние. Но не совместное, все расползаются по своим «кельям». Жилая территория ПМТО располагалась в пригороде Луанды в комплексе, который при португальцах принадлежал католической английской школе. Место называлось красиво «Морру да луж» - «Солнечная горка». Школа располагалась и впрямь на горе, под палящим африканским солнцем. Местечко, на первый взгляд райское: в ста метрах от океана эвкалиптовая роща, заросли цветущих акаций, гранатовые деревья, но... чрезвычайно опасное. И не только потому, что находилось на отшибе, вдали от расположенных ангольских и кубинских подразделений. Эту проблему решили выставив, сначала круглосуточный, а после возведения оград из колючей проволоки, ночной караул из наших морских пехотинцев.

Дело в том, что территория городка поначалу просто кишела скорпионами и змеями. И не простыми, а самыми настоящими африканскими кобрами. Однако после того, как матросы из при помощи стальных прутьев и палок перебили с десятков полуметровых змеюк, стало легче. Кроме того, ангольцы нас предупредили, что на территории могут быть неприятные сюрпризы в виде гранат и мин, так как в период

недавних событий, предшествовавших приходу к власти МПЛА, помещения школы служили пристанищем солдатам ФНЛА. После тщательного осмотра мин, правда, не нашли. Зато в кельях в изобилии валялись груды литературы с портретами их лидера Холдена Роберту, остатки обмундирования, масса стреляных гильз, среди которых попадались и снаряженные патроны. Нашли и пару приведенных в негодность португальских винтовок Ж-3. С той поры у меня хранится медаль из белого сплава с портретом лидера ФНЛА, найденная среди этого мусора. Как рассказал потом первый исполняющий обязанности начальника штаба ВВС И ПВО Анголы товарищ Мануэль Касаве, медаль эта была предназначена для награждения бойцов ФНЛА, отличившихся при взятии Луанды. Но история распорядилась иначе. Вооруженные отряды Роберто и Савимби были выбиты из города, а власть в Луанде перешла к МПЛА.

Прежде чем бывшая католическая школа превратилась в военный городок, пришлось основательно потрудиться. Территорию обнесли колючей проволокой, из келий, служивших ранее пристанищем для ребятишек католической школы, оборудовали 2-х местные комнаты для офицеров, прапорщиков и мичманов. Матросов разместили в учебных классах, столовую - в бывшей католической церкви. Причем столы для офицеров оказались на возвышении, там, где когда-то помещался алтарь. Из-за этого командира ПМТО капитана 1 ранга Краснова и его замполита Яичницына прозвали за глаза «небожителями». Им же для проживания достался т. н. «белый домик», в котором, видимо раньше размещались религиозные настоятели школы. Все ремонтные работы пришлось делать своими собственными руками, не надеясь на помощь ангольцев.

К ночи праздник достигает своего апогея. Каждый празднует свое. «Летуны», что все обошлось благополучно и за законную

«компенсацию». Руководство авиагруппы отмечает благодарность Москвы за «квалифицированное обеспечение внештатной посадки». Мы - и первое и второе, а главное то, что Бог миловал и оставил Юрку с Андреем на земле. Кроме того, есть что выпить. Очередная канистра спирта, привезенная по заказу «зама» Желнина полковника Стаканова (это как раз тот случай, когда фамилия вполне соответствует «содержанию») еще не оскудела. А тут еще так удачно реализованная операция с пивом! Но каждый мужик знает, ЧТО бывает, когда с пивом МЕШАЮТ. Но когда мешают чистый спирт...

Последствия сабантуя довольно печальны. Кто-то, устроив потасовку, вдруг начал метать через окно... гранаты. Ящик с «лимонками», выпрошенными у кубинцев под предлогом «отражения нападения контрреволюционеров», хранился в штабной комнате. Но нам, кажется, везет не только в воздухе. «Гранатометальщик» то ли не захотел, то ли не смог выдернуть предохранительные кольца. Так и швырял гранаты в невзведенном состоянии. До самого утра к домику, где жил стрелок никто не подходил. Лишь рано утром дежурный, пожалуй, единственно трезвый офицер этой ночью, услышав богатырский храп умаявшегося метателя гранат, подкрался к келье.

Его взору предстала печальная картина: на земле под окнами среди осколков оконного стекла, бутылок из-под пива валялось с десятков нераззорвавшихся «лимонок»... А через пару недель на ПМТО «ЧП». У вахтенного матроса, дежурившего на КПИ, отрывает взрывом взрывателя ручной гранаты фаланги трех пальцев правой руки. Пришлось нашему доктору капитану 3 ранга Загузову срочно «штопать» парня. Расследование так и не установило, где сей шалопай, взял гранату. «Нашел на дороге, решил разобрать и посмотреть, что там внутри». Удалось только выяснить, что в день, когда отмечали

благополучную посадку аварийного самолета, матрос входил в группу по уборке территории вокруг офицерских келий...

«Главный африканский советник»

После того памятного вылета в Менонге главный военный советник генерал Шахнович объявил полковнику Шрубу и мне благодарность за «смелые и решительные действия по спасению экипажа Ан-26». Сделал это явно неохотно: Шруба после предыдущей публичной стычки, связанной с «несанкционированным» полетом в Лубанго он недолюбливал. Поощрены были и летчики экипажа Ан-12 и связисты, обеспечившие связь с Менонге. Для меня, молодого лейтенанта это было событием. Как же, всего месяц командировки и сразу благодарность, да еще от самого «главного»! Спустя несколько лет, знакомясь со своим личным делом офицера, я кроме штампа «Служебная командировка в НРА» с удивлением не обнаружил никаких других записей о службе в Анголе. Ни благодарностей от ГВС, ни других поощрений от старших группы ВС ВВС и ПВО полковников Шруба, Кислицина, начальников ПМТО капитана 1 ранга Краснова и капитана 1 ранга Маркелова, не говоря уже о благодарственных адресах ангольского и кубинского командований. Сегодня свидетельством моего пребывания в Анголе служат лишь несколько грамот «За выполнение интернационального долга» с подписями «главных»: генералов Шахновича, Петровского, Курочкина...

Связано это было скорее всего с недобросовестностью кадровика советской военной миссии. Впрочем, возможен был и другой вариант. Из-за соображений секретности излишнюю документацию в аппарате ГВС иметь было запрещено, а карточки учета поощрений и взысканий, видимо, входили в эту категорию. Кстати сказать, излишнее увлечение секретностью в наших «совзагранколлективах» выливалось порой в

самые смешные формы. Так, партийные собрания, как и сами организации, за рубежом назывались «профсоюзными», а комсомольские – «спортивными». Ангольцы, прекрасно осведомленные об этом, шутили: «Советские товарищи очень продвинуты, у них даже военный профсоюз есть».

Не знаю, почему подобрел Шахнович, раздавая направо и налево благодарности, это было не в стиле сурового генерала. Может быть, потому, что срок его командировки уже истекал? Впереди его ждала Родина и высокое назначение, а нас - новый ГВС. Вопрос, кто придет на смену Шахновичу, живо интересовал всю советскую военную колонию в Анголе: слишком много от него зависело.

Должность Главного военного советника в Анголе была достаточно высокой (штатная категория – генерал-лейтенант), престижной и хорошо оплачиваемой, к тому же, с широкими полномочиями: от права доклада министру обороны СССР и президенту Анголы до досрочного откомандирования «проштрафившихся» советников и специалистов. Ему полагалась шикарная двухэтажная вилла, персональный «мерседес» с водителем, личный самолет. Кроме того, ему подчинялись не только военные советники, но и все советские военнослужащие, находившиеся по той, или иной причине в стране. Словом, главный военный советник в те времена был вторым после посла человеком.

Первым руководителем коллектива советских военных специалистов в Анголе стал полковник Василий Гаврилович Трофименко. Но тогда, в 1975 году он не имел статуса главного военного советника. Трофименко и еще 40 советских специалистов и переводчиков прибыли в Луанду из Браззавиля в ноябре 1975 года самый разгар боев МПЛА с ФНЛА и УНИТА. Группа быстро росла и к концу года ее численность превысила 200 человек. Первым «главным» в Анголе стал начальник штаба гвардейской армии из Закавказского

военного округа генерал-майор И. Пономаренко, сменивший полковника Трофименко в марте 1976 года. При нем коллектив советников, специалистов и переводчиков насчитывал уже 344 человека. Шахнович, «правивший» в Анголе с 1977 года, покинул свой пост в 80-ом. Численность нашей военной миссии к тому времени уже перевалила за 500 человек и стремительно увеличивалась. При главном военном советнике генерал-полковнике К. Курочкине, исполнявшего свою должность с 1982 по 1985 год количество наших военных советников и специалистов достигло наивысшего уровня: более двух тысяч человек и стабилизировалась. В дальнейшем должности главного военного советника исполняли: генерал-лейтенант Л. Кузьменко (1985 – 1987 гг.), генерал-лейтенант П. Гусев (1987 – 1990 гг.), генерал-майор С. Суродеев (с апреля по ноябрь 1990 года). После его отъезда по 1992 год должность исполняющего обязанности ГВС в Анголе занимал первый заместитель ГВС, советник начальника генерального штаба ФАПЛА генерал-лейтенант В. Н. Беляев. С 1991 года, когда официальное военное сотрудничество с Анголой стало сворачиваться, а численность группы советских советников и специалистов упала до нескольких десятков человек, эта должность она стала называться «главный военный консультант Министерства обороны Анголы». Ее занимал вплоть до 1994 года генерал В. Лебедев.

Генерал-лейтенант Георгий Семенович Петровский, прибывший на замену Шахновичу, был личностью весьма своеобразной. Герой Советского Союза, танкист-фронтовик. Однако последние годы в Союзе он занимался в основном штабной работой, и это наложило свой отпечаток на его пребывание в Анголе. Порой, складывалось впечатление, что он больше интересовался внешними атрибутами и собственным статусом, чем тонкостями советнической деятельности. Всячески подчеркивая свою значимость, на многочасовых совещаниях

он любил повторять: «Как личный советник министра обороны», «Я лично встречался с членом политбюро ЦК МПЛА» и т.д. А однажды, так заговорился, что назвал себя «главным африканским советником». Эта неофициальная кличка за ним так и закрепилась.

А начал генерал свою деятельность с того, что устроил скандал за то, что его поместили в «эдакий гадюшник» - ему не понравился рабочий кабинет. Напрасно пытались объяснить, что штатных строителей в коллективе советников не предусмотрено, и надо обращаться к ангольцам, которые сами бедствуют. Генерал, привыкший в Союзе иметь солидный штат подчиненных и не способный вникнуть в реалии своего нового положения, ничего не хотел слушать. Ремонт продлился несколько месяцев: «главному» не нравились то новые панели из красного дерева, то жесткая мебель.

Затем внимание «гэвээса» привлекла форма одежды советников. Надо отметить, что это был действительно большой вопрос. Первые советские специалисты одевались в кубинскую униформу зеленого цвета т. н. «верде оливо», причем, принято было закатывать рукава с тем, чтобы отличатся от кубинцев. Никаких погон или других знаков различия, естественно наши не носили: это не только не было предусмотрено межправительственным соглашением, но и нарушало бы все нормы скрытного пребывания в стране. Затем, мы перешли на камуфляж ФАПЛА. Но форма эта была тяжеловата для жаркого и влажного ангольского климата, поэтому пользовались ей в основном советники в войсках, а мы одевали ее в командировках, на учениях и при вертолетных вылазках.

Ангольская сторона должна была бесплатно обеспечивать всех советников не только камуфляжной, но и легкой офицерской форменной одеждой – зеленые брюки и рубашка, голубая, либо кремовая, в зависимости от вида вооруженных сил. Но в связи с дефицитом

вещевого имущества на складах ФАПЛА, многим советникам она не доставалась. В среде переводчиков сей вопрос решался проще. За бутылку виски в ателье для высших офицеров ФАПЛА шились брюки, таким же образом приобретались рубашки. Советники же в тот период предпочитали ходить в привезенных из Союза «родных» зеленых армейских рубашках и форменных же советских офицерских брюках со споротым кантом.

Вот Петровский и решил навести порядок. Причем, весьма своеобразным способом. Для начала в том же ателье ему сшили специальную облегченную камуфляжную форму и берет из такой же ткани – прототип нового «петровского» советнического обмундирования. На грузном советнике, несмотря на «индпошив», это одеяние смотрелась «мешком». Тем не менее, генерал с откровенным самолюбованием несколько дней прохаживался в нем взад и вперед по центральной аллее советской военной миссии в Луанде.

Затем главный военный советник, явно расстроенный фактом отсутствия должного почтения со стороны рядовых советников и специалистов, решил ввести знаки различия. «Я не понимаю, - ворчал он на очередном совещании, ходят, кто в чем, младшие старших не приветствуют. А почему? Потому что полковника от генерала не отличишь». Чтобы исправить это упущение по личному эскизу «главного» были изготовлены образцы «советнических знаков различия». Советнику полагались погончики с изображением двух латинских букв «S», а специалистам с одной. Что полагалось переводчикам, мы не успели узнать, ибо генерал, нацепив диковинную символику, отбыл на доклад к послу. Вернулся он с видом побитой собаки и, естественно, без погон. По слухам посол страшно прогневался, увидев главного военного советника в столь экзотическом виде. « Вы кто? Советский генерал или наемник? У вас фапловцов на всех фронтах

бьют, самолеты сбивают, а вы херней занимаетесь». С тех пор интерес у «главного африканского советника» форме одежды явно угас. Тем более, что судьба приготовила ему более серьезное испытание. Вскоре после прибытия генерала Петровского в Анголу произошел первый случай, связанный с гибелью наших советников в реальных боевых условиях. Более того, один из наших военнослужащих попал в южноафриканский плен.

«В плен живым не сдаваться...»

Много позже мы узнали его фамилию. Им оказался прапорщик Николай Федорович Пестрецов, специалист при командире авторемонтного взвода 11-ой пехотной бригады ФАПЛА, оборонявшей город Онджива. Городишко находился в провинции Кунене – Богом забытом уголке Анголы на границе с оккупированной ЮАР Намибией. В пору моей работы в Анголе мне приходилось неоднократно бывать в этой провинции, где была разбросана сеть радиолокационных станций раннего оповещения о нападении ВВС ЮАР. Бывал я и в Ондживе. Несколько десятков одно- и двухэтажных домов, жара, пыль, отсутствие нормальных бытовых условий, малярия, муха Це-це. Словом, целый букет удовольствий. А рядом Намибия, где и южно-африканская армия гоняла по пустыне партизан СВАПО, борющихся за независимость страны. Когда партизанам становилось совсем невмоготу, они пересекали границу и укрывались на территории Анголы, накапливая силы для дальнейшего сопротивления.

В августе 1981 года ЮАР решила «наказать» ангольцев за помощь своим братьям, а заодно и разгромить партизанские лагеря близ границы. Солидными силами, включавшими бронетанковые и пехотные части при массовой поддержке авиации южно-африканские

войска вторглась в провинцию Кунене. Операцию стратеги из Йоханнесбурга и Претории назвали претенциозно - «Протей». Видимо рассчитывали разом решить будущие проблемы с назойливыми партизанами (по греческой мифологии Протей – морское божество, обладавшее способностью предсказывать будущее). На их пути оказалась 11-я пехотная бригада ФАПЛА и... советские советники. Юаровцы быстро смяли боевые порядки передовых батальонов ФАПЛА и, не останавливаясь, устремились вперед в поисках сваповских бивуаков. Их было четырнадцать человек, включая, пять женщин, советнических жен, которых мужья «выписали» из Союза, не представляя, какая их всех ждет участь. Они оказались в тылу юаровских войск, отрезанные от своих, без связи, без надежды на помощь.

Военный переводчик советника командира 11-ой пехотной бригады ФАПЛА лейтенант Леня Красов вспоминал о тех событиях: «25 августа нас окружили юаровцы. Ондживу обстреляли с воздуха и сбросили листовки, текст которых гласил, что ее предьявителю, **при наличии при нем плененных или самолично убитых фапловских офицеров, коммунистов и советских советников предоставляется право выхода из кольца.** Почти голливудский сюжет! И на раздумье – один день! 26 августа день был невероятно тихий. Даже вся живность замерла. А накануне связисты 11-й бригады получили шифровку от советника командующего 5-го военного округа примерно с таким текстом: **«Держаться до последнего. В плен живыми не сдаваться...».** Подписавший шифровку уже примерял генеральские погоны, а мы вполне могли испортить ему этот праздник.

Вечером 26-го собрались в комнате для совещаний в здании нашей военной миссии в Ондживе, чтобы наметить план действий. Решили, что будем пробиваться из кольца отдельной группой автономно от 11-й

бригады. Женщин эвакуировать не успели, хотя ангольские «партийцы», которые собирались оставаться в оккупированной зоне для создания подполья, такой вариант предлагали... Закопали все личные вещи и имущество миссии включая кинопроектор «Украина» и подборку «Новостей дня» неподалеку. Для долгожителей миссии это было трагедией – все заработанное за годы службы в Анголе и конвертированное в «совиспановские» товары тоже пришлось закопать. Как чувствовали, – все досталось мародерам из вошедших в Ондживу юаровских подразделений и «квачам» – так в народе именовали сторонников УНИТА.

К полудню 27 августа, пять часов спустя после начала массированного артобстрела позиций 11-й пехотной бригады и непрерывных атак с воздуха, стало ясно, что бойцы ФАПЛА не выдержат натиска напавших со всех сторон юаровцев... Оставив основную массу техники и вооружений, бригада обратилась в бегство. В этой ситуации старший дал команду «по машинам».

Прапорщик Пестрецов в первый же день боев был ранен в ногу. Осколок ходить не мешал, но в ботинке постоянно хлюпала кровь. Когда поступила команда на прорыв, он своими руками сжег все машины автобата, кроме нескольких «УАЗов», на которых и решили вырваться из кольца. Советские советники разделились на две группы. В первую попал советник командира бригады и его переводчик Леонид Красов. Они вместе с ангольским комбригом Афонсу Марией, офицерами штаба бригады планировали собрать разбежавшихся солдат, сформировать из них колонну и вывести ее из кольца. Им с боями удалось вырваться из окружения. После возвращения из ада Ондживы Леня стал заметной личностью среди переводчиков советской военной миссии, получив прозвище «Недострелянный».

Пестрецов же попал в основную группу, которая на трех «УАЗах» двинулась на прорыв самостоятельно. Маленькой колонне, двигавшейся по саванне, не повезло. Ее обнаружил юаровский вертолет и стал методично, одну за другой поджигать машины. Людям удалось спастись, но дальше пришлось двигаться пешком. Но ушли недалеко. Нарвались на юаровских солдат. В завязавшемся бою Пестрецов был контужен... Дальше хотелось бы передать рассказ Николая Федоровича без ремарок.

«Очнулся под вечер, понял, что остался один. Рядом четыре мертвых соотечественника. Подполковник Евгений Киреев с женой Людмилой, еще замполит, только что из Союза, даже познакомиться толком не успели, и... Ядвига, моя жена. Остальные, видимо, сумели уйти из-под огня.

Дождавшись ночи, пошел вдоль дороги. Понимал, чтобы выжить, нужны оружие и машина. Назойливо мучила мысль: нельзя оставлять на чужой земле родные косточки. Прошел, хоть и с осколком в ноге несколько километров. Вдруг смотрю вроде хибары какие-то. Осторожно подошел поближе, вижу, наша боевая техника стоит. Видимо юаровские трофейщики устроили здесь свой склад. Привычно юркнул в открытый люк БРДМ. Двигатель завелся с полуоборота. Не обращая внимания на выстрелы, рванул обратно.

Тела жены и убитых товарищей успели распухнуть на жаре. Перед тем, как погрузить их в боевую машину, отгоняя тошноту, обыскал убитых, закопал на всякий случай все документы. Сглотнул слезы. Кто-то, может юаровцы, может просто мародеры, уже успел похозяйничать над трупами: у женщин были вырваны из ушей серьги, отрублены пальцы с обручальными кольцами.

Погнал БРДМ на максимальной скорости, остановившись в пути только один раз. Широко раскинув руки, посреди саванны лежали семь

посеченных с воздуха ангольских солдат. Подобрал у убитого АКМ. Поехал дальше. Утром кончилось горючее. Пришлось перенести мертвых в неглубокий овражек. Завернул тела в плащ-палатки, которые обнаружил в машине. Закидал охапками травы, примечая место. Так простоял, не помню, сколько времени, не выпуская из рук автомата. Вдруг услышал шорох позади себя. Молнией мелькнула мысль: поздно. Падая, дал очередь и... провалился в черную пустоту беспомощности».

Все это Николай Федорович поведал десять лет спустя, вернувшись в Союз. Его рассказ стал достоянием общественности лишь во времена перестройки и гласности. После возвращения из плена ему было приказано строжайше молчать. Более того, информацию о гибели советников и их жен и пленении советского военнослужащего тщательно скрывали и от коллектива советников и специалистов.

Неизвестность порождала разнообразные слухи: кто-то говорил о десятках убитых. Кто-то утверждал, что наши ребята, оказавшись в окружении, отстреливались до последнего патрона, а оставшиеся в живых покончили с собой. Последнее утверждение, как это не печально, имело под собой реальные основания. Ангольские военнослужащие, участники боев под Ондживой, рассказали позже советнику Национального политкомиссара ФАПЛА полковнику Петру Хрупилину, что видели, как советский советник начальника артиллерии бригады из пистолета застрелил свою жену, а потом покончил с собой, чтобы не попасть в плен...

Пугающее слово «плен» тогда в советской военной миссии в Луанде никто вслух даже не решался произнести. Хотя оно просто витало в воздухе. Лишь после того, как юаровские газеты опубликовали снимок Пестрецова в ангольской камуфляжной форме и русской тельняшке с полным указанием фамилии, имени отчества, звания и места пленения, стало ясно, что это не слухи. Кое-кто из наиболее

«предусмотрительных» кадровиков миссии быстренько стал нарывать «компромат» на прапорщика, мало ли, что может быть: снимок то в форме, да и звание указано. Тут и до измены недалеко...

Но не был Николай Федорович изменником. Он был героем. В плен попал раненым, да еще в перестрелке убил наповал двух южно-африканских солдат. За что был жестоко избит и изувечен. «Как меня до госпиталя довели, - вспоминал Пестрецов, одному Богу известно. Поизголялись надомной добросовестно. Половину ребер переломали, раздробили пальцы на правой руке, на лице живого места не оставили, даже ноздри не забыли вырвать». Но ценный трофей – еще бы живой «советский наемник» - подлечили и доставили в военную тюрьму Йоханнесбурга.

Потянулась череда многочасовых, изнурительных допросов. Причем допрашивающего Пестрецов не видел: его голос на неестественно правильном русском языке звучал из-за ширмы. «Ты военный?», «Какое звание имеешь?», «Откуда знаешь карту минных полей?», «Почему не сдался, а стрелял в солдат армии ЮАР?». Допросы то и дело прерывались побоями и издевательствами. Периодически советскому военному служащему устраивали психобработку: в его одиночной камере несколько раз за ночь включали оглушающую сирену. Или выводили в крытую зарешеченную галерею, чтобы продемонстрировать казни чернокожих активистов из Африканского Национального Конгресса.

Николай Федорович четко придерживался заученной на занятиях в 10-ом Главном управлении Генштаба «легенды»: авторемонтник с калининградского филиала завода ГАЗ, восстанавливал автотехнику. А стрелять из автомата каждый советский человек умеет, этому у нас детей в школе учат. Покинуть рабочее место не успел, вы же официально войну не объявляли; а как сдаваться к вам в плен, если вы

жену мою убили, сволочи?! В ответ охранник выворачивал суставы только что подживших пальцев рук. Или просто катал его по полу тяжелыми ботинками.

Однажды неожиданно вместо допроса помыли, причесали, одели в тельняшку и чистую фапловскую форму, потом привели фотографа. Эту фотографию, видимо, и опубликовали потом в газетах. А что касается звания (в статье Пестрецова нарекли по-английски «warrant officer», что, в принципе, соответствует званию «прапорщик»), то его вполне могли сообщить захваченные юаровцами ангольские военнослужащие 11-й бригады, которые хорошо знали советского «автомастера на все руки».

Потом был суд. «Южно-Африканская Республика против Пестрецова Н. Ф.». Никакой защиты, только обвинение. Короткий, как выстрел приговор: за убийство солдат армии ЮАР – 100 лет каторги. Но Николай Федорович верил: далекая Родина помнит о нем, его не бросят, помогут. Не знал он только, что на все запросы МИДа направляемые окольными путями (между странами не было дипотношений) ответ был один: «среди заключенных не значится».

Однажды блеснул луч надежды. В камеру к Пестрецову пришел тюремный начальник. Показал тельняшку, в которой тот попал в плен: твоя? Кивнул утвердительно. Ты десантник? Пестрецов пожал плечами, пусть думают, что хотят. Визит имел неожиданное продолжение. Той же ночью его перевезли из Йоханнесбурга в тюрьму Кейптауна. Сняли кандалы, впервые за многие месяцы заключения по-человечески накормили, дали сигареты. А когда в камеру принесли радиоприемник, Николай Федорович и вовсе воспрял духом.

А случилось вот что. Один из боевых кораблей Северного флота, несших боевую службу в Южной Атлантике, ожидал в нейтральных водах близ Кейптауна танкер для дозаправки топливом. Танкер шел из

Луанды, но из-за шторма запаздывал. А БДК мозолил глаза юаровской береговой охране. Та закидывали начальство тревожными телеграммами. Какой-то не шибко головастый начальник связал появление у берегов своей страны мощного боевого корабля ВМФ СССР с десантом на борту с заключенным советским военнослужащим. И юаровцы... испугались! Они перевели пленника поближе, чтобы в случае чего, видимо, обменять его на свою безопасность.

Но обо всем этом Николай Федорович узнал много позже уже на Родине. Когда его действительно обменяли. На сбитого силами ПВО Анголы южноафриканского летчика. Произошло это 12 ноября 1982 года, спустя почти пятнадцать месяцев после пленения. А тогда высадка русского десанта не состоялось. БДК, дождавшись танкера, заправился и пошел дальше. А пленного снова заковали в кандалы и перевезли подальше, в Йоханнесбург. Продолжали обрабатывать. В промежутках между издевательствами подсылали настойчивых «представителей» украинской и литовской общин Йоханнесбурга, расписывающих прелести «свободной» жизни. Не раз предлагали и подписать просьбу «об отказе от убеждений и предоставлении политического убежища». Но Николай Федорович продолжал надеяться и верить в свою далекую Родину...

Помогли Пестрецову не настойчивые запросы из Москвы, которые режим «апартеида» игнорировал, а случай. В его камере перегорела лампочка. Охранник, громадный белый детина, не стал марать руки и вызвал чернокожего африканца в спецовке. Тот, улучив момент, что-то шепотом спросил на африкаанс. Николай Федорович быстро ответил по-португальски: «советику, руссу». Так о нем узнали активисты АНК, которые сообщили о «секретном» пленнике представителям Международного Красного Креста в ЮАР. Дело было предано огласке, факты попали в международную прессу. Наше

правительство официально обратилось в Красный Крест с просьбой о содействии. После этого стало легче, прапорщика перестали бить, начали выдавать сигареты и лучше кормить. Даже разрешили написать домой.

С этим периодом заточения в южноафриканской тюрьме у Пестрецова связаны и... приятные воспоминания. К нему вместо изуверов-буров приставили нового охранника. Им оказался, Бог знает как попавший в ЮАР, американец по имени Дени. Наемник, прошедший Вьетнам, Родезию. Видимо, в Николае Пестрецове, своем однокласснике и «коллеге» он увидел настоящую родственную душу. Дни дежурства Дени стали для Николая своеобразной отдушиной. Тот никогда не закрывал дверь камеры, угощал узника сигаретами и даже как-то притащил бутылку виски. Общались при помощи принесенного Дени англо-русского словаря, перемежая английские слова с португальскими. Как-то за стаканом крепкого «бурбона» возник даже план побега. Всего за тысячу «баксов» американец предложил вытащить «коллегу» из застенка.

За месяц до освобождения представитель администрации тюрьмы неожиданно предложил Николаю захоронить останки жены и трех других соотечественников. Оказывается, методичные южноафриканцы вывезли тела павших в том бою советских людей и хранили их в забальзамированном состоянии в одном из моргов города. Трудно сказать, зачем это им было нужно. Может быть, рассчитывали в случае чего обменять на своих? Или просто из уважения к белому человеку, погибшему по их вине? Во всяком случае, южноафриканцы уважение к своим мертвецам демонстрировали неоднократно. В той же Лусаке, столице соседней с Анголой Замбии, где Пестрецова передали советским представителям, неоднократно потом проходили другие обмены с ангольцами. Причем за останки всего лишь одного своего

пилота (а что там оставалось после падения истребителя!), южноафриканские военные отдавали до нескольких десятков плененных ангольских солдат и офицеров. Может быть, они рассчитывали на такое же отношение к павшим и со стороны нашей великой страны?

Пестрецов от захоронения останков жены в Южной Африке отказался категорически и настоял на отправке тел на Родину. «Они улетят вместе со мной», - заявил он представителю Красного Креста. Так потом и было. И похоронил Николай Федорович свою жену Ядвигу сам, на Родине.

12 ноября 1982 г. в аэропорту Лусаки почти одновременно совершили посадку «Боинг» из ЮАР и Ту-154 и из Луанды. О том, как происходил обмен, Николай Федорович вспоминал так. «На летном поле представитель Красного Креста предложил обменяться рукопожатием с тем, на кого меня обменивают. Я спросил, кто он. Объяснили: боевой летчик южноафриканских ВВС, сбит над территорией Анголы. Да он же палач, женщин, детишек бомбил! Я убийце руки не подам... Заложил демонстративно руки за спину и медленно, на предательски дрожащих ногах даже не взглянув на «коллегу», пошел по направлению к родному «Ту». А там, у трапа с двумя откупоренными бутылками шампанского уже стоял командир советского самолета...»

Я хорошо помню этот рейс. Луанда была конечным пунктом прибывавшего из Москвы аэрофлотовского лайнера. И конечно, каждого его прилета советская колония в Анголе ожидала с нетерпением. Но в тот день ТУ-154, высадив пассажиров и дозаправившись, неожиданно для всех... улетел. Толпа советских советников, их жен, ожидавших вылета в Москву, заволновалась. Забеспокоился и мой приятель с женой, которых я провожал в отпуск. На все наши вопросы представитель Аэрофлота никаких объяснений не дал. Пришлось мне, обладавшему

правом свободного перемещения по аэродрому, ехать на КДП. Ответ знакомые ангольских диспетчеров озадачил. Оказывается пустой самолет согласно заявленного «флайт плана» направился в Лусаку. Зачем? Только спустя несколько дней из начавших циркулировать в миссии слухов стало ясно, что на рейсе были вывезены советские военнослужащие, захваченные южноафриканцами. Кто, сколько – никакой информации.

Сидя в мягком кресле в небольшом зале контрольно-диспетчерского пункта аэропорта Луанды, я наблюдал за взлетом ТУ-154, уносившем моего приятеля с женой в далекую, уже скованную первыми осенними холодами Москву. Тогда ни я, ни подавляющее большинство советских людей в Луанде не знали, что самолет этот увозит на Родину настоящего ангольского героя, простого советского прапорщика, чудом избежавшего смерти. И четыре цинковых запаянных ящика с останками советских людей, павших в том бою под далеким ангольским городком Онджива.

Кредит из Йоханнесбурга

Многие, наверное, хорошо помнят советский фильм о «резиденте», блестяще сыгранном Михаилом Жженовым. В одном из эпизодов картины разведчик, вынужденный временно «уйти со сцены», решает скрыться от преследователей под видом наемника в одной из воюющих стран Африки. Запомнился разговор в вербовочной конторе при заключении контракта с новоиспеченным «диким гусем»: за работу столько-то тысяч долларов в месяц, подъемные столько-то.... В контракте наемника было предусмотрено все вплоть до страховки на случай ранения или гибели. Это у них. У советских советников и специалистов же таких контрактов в те времена не было. А вот, если бы

были не пришлось бы Николаю Федоровичу Пестрецову после честно выполненной миссии маяться с женой и пятью детьми в однокомнатной квартирке площадью 16 квадратных метров, полученной им и погибшей в далекой Африке Ядвигой еще до командировки.

После плена вернулся Пестрецов в родной автобат в Калининграде. Занялся любимым делом: ремонтировал технику, пытаясь в работе забыть страшные пятнадцать месяцев мучений. Но жизнь берет свое. Снова женился, нарожал детишек. На все просьбы об улучшении жилищных условий, ему отвечали: мол, нет оснований, вы же не «афганец», так и ждите в общем порядке. «Как же так? Я же тоже интернационалист, или что за долг выполнял за тридевять земель?». «Извините, никаких данных нет, где были и чем занимались не знаем».

Сослуживцы невесело подтрунивали: ты же за бугром был, а на квартиру не заработал? И действительно, куда же ушла валюта за пятнадцать месяцев плена? Все равно на войне был, мужество, пусть не в боевых порядках, а в плену проявлял. Эти мысли не давали Николаю Федоровичу спокойно спать. Правда, по возвращении из Анголы получил он в финансовой службе 10-го Главного управления Генштаба тонюсенькую пачку чеков. Но за какой период, так и не спросил. Совестно было тогда и думать о деньгах, рад был, что живой на Родину вернулся, что не забыли и вызволили таки из тюрьмы.

А нужно сказать, что денежное довольствие выплачивалось нашим военным советникам и специалистам по очень оригинальной схеме. Мы ее называли: «Государство не об...манешь...» Во-первых, как я уже упоминал, никакой валюты «на руки», хотя каждому командируемому военнотружущему и назначался персональный инвалютный оклад. Страшно унижительно было наблюдать, как болгары или венгры, часто летевшие на «аэрофлоте» из Луанды до Будапешта, отоваривались на доллары в аэропортовых фри-шопах. Во-вторых, если жена по каким-

либо причинам осталась на родине - минус 20 процентов «инвалюты»! Это с какого? Никаких пайковых, льготных и т. д. Плюс из оклада, что был положен по месту службы в Союзе, выплачивали по возвращении только 60 процентов. Словом, сколько не плюсуй, а все равно минус получается.

Деньги, что шли в родном автобате во время «спецзагранкомандировки» Николай Федорович все-таки получил. А на счет чеков решил отправить запрос в Москву. Теплилась у него надежда: а может, того, компенсация, какая за перенесенные невзгоды полагается. По мнению жены и сослуживцев, это было бы справедливо. Да и нужда подстегивала. На один оклад прапорщика не больно то проживешь. Детей накормить, обувь надо. Но ответ из Москвы был лаконичен и краток: все, что положено, выплачено. Ну, на нет, и суда нет.

Но денежную компенсацию за проведенные в Йоханнесбургской тюрьме месяцы Пестрецов все же получил. Нет, ни от нашего государства. А от... правительства ЮАР. Того самого правительства, которое держало прапорщика в кандалах почти полтора года. Несколько лет добиралось из ЮАР до Калининграда извещение от главного управляющего концлагерей И. Д. Л. Пауэлла. Перевод письма, сделанный в Москве в Инюрколлегии гласил: «Общая сумма денежного кредита Южно-африканской республики положенного на имя Н. Ф. Пестрецова составляет 1972,61 рэнда...». Вот так озаботились южно-африканские власти о своем бывшем пленнике.

После этого Пестрецова как ударило: так как же это, свои его заслуг не признают, а супостаты компенсацию выплачивают. Да не нужны эти деньги, дайте только квартиру, дети в три яруса спят. Или не заслужил? Написал он с женой письмо в Москву в ЦК КПСС, так, мол, и так воином-интернационалистом не признают, а что же делать с

извещением от пресловутого капитана армии ЮАР И. Д. Л. Пауэлла? Вместо ответа приехал из Москвы незаметный человек в «гражданке». То что важная птица Пестрецов понял сразу: все начальство как по струнке ходило. Вызвал москвич командира, изучил документы в штабе. Поговорил с прапорщиком. Оказалось: полковник, из отдела административных органов ЦК КПСС. Извинился перед Николаем Федоровичем и тихо, жестко приказал начальнику КЭЧ Калининграда: обеспечить жильем прапорщика в 24 часа.

Времена были такие, что с ЦК КПСС никто ссориться не хотел, себе дороже. В тот же день стоял Пестрецов по струнке перед начальником КЭЧ. Много чего выслушал Николай Федорович от тылового подполковника. Начиная от обвинений в «борзости», нарушении субординации и кончая пресловутым «я вас туда не посылал». А в конце дрожащими руками взял со стола брошенный подполковником ордер на четырехкомнатную квартиру из резерва «главного командования», предназначенную кому-то из генералов. Все-таки, какая никакая, а компенсация за 100 лет каторги.

Воин-интернационалист или «наемный» военный советник?

Если бы меня и моих коллег, работавших в начале 80-х годов в Анголе, назвали бы «наемником», точно плюнули бы в лицо. Еще бы мы – «воины-интернационалисты», приехали, чтобы помочь становлению молодой, свободной республики, которую со всех сторон окружают враги. Наше присутствие было четко идеологически и политически обосновано, а главное – мы находились на территории страны по приглашению правительства, получившего международное признание. С точки зрения международного права наше пребывание там было абсолютно легитимным.

Однако если задуматься не о политическом, а о профессиональном статусе, то, безусловно, на эту проблему, стоит взглянуть несколько по-другому. А была ли между нами большая разница? Чем, скажите, отличались друг от друга в профессиональном плане гражданский французский техник, завербованный ФНЛА для обслуживания боевого вертолета Алуэтт, и мой друг по ангольской командировке капитан ВВС Борис Мурашев, приехавший по просьбе МПЛА для обеспечения полетов грозных МиГ-21? Ни тот, ни другой напрямую в боевых действиях не участвовали, а только готовили авиационную технику к вылету. В чем принципиальное различие, например, головореза-инструктора по рукопашному бою из команды Робера Денара, приглашенного Холденом Роберту от огромного, медведеподобного офицера спецназа ГРУ, которого я как-то инструктировал в ГлавПУ СА и ВМФ по вопросам «информационно-пропагандистской работы среди местного населения» перед отправкой в учебный центр АНК в Анголе? Его профессия была аналогичной: «научить ребят кидать ножики, лопатки, а то и голыми руками шею сломать». А ведь этот центр готовил партизан «Умконто ве сизве», так называемого «боевого крыла» АНК, для диверсионных действий на территории другого государства. С точки зрения тогдашнего руководства ЮАР они были самыми настоящими террористами.

Есть и еще один критерий – личное участие в боевых действиях. Но и наши советники в них участвовали. Хотя, об этом тогда в «Правде» не писали. Считается, что за действиями каждой из сторон стоит своя идеология. У наемничества она заключается приблизительно в следующем. Наемник-профессионал не имеет ни родины, ни политических взглядов и продает свое мастерство тому, кто больше заплатит. Известны и многие резолюции ООН, осуждающие наемничество.

Одна из них, принятая как раз в ходе событий в Анголе звучит так: «Использование колониальными и расистскими режимами наемников против национально-освободительных движений, борющихся за свою свободу и независимость от гнета колониализма и иностранного господства, является уголовно наказуемым деянием, и соответственно, наемники должны наказываться как уголовные преступники».

В этой формулировке, на мой взгляд, очень много идеологии. Но тогда иначе и быть не могло. Если пользоваться более нейтральным определением, то «дикие гуси», «солдаты удачи», «псы войны», «ландскнехты» - это граждане третьих стран, воюющие за одну из сторон с оружием в руках и получающие за это деньги. Естественно, в представлении рядового обывателя люди без «родины, чести и совести».

Если это и верно, то лишь отчасти. Американцы, французы, бразильцы, воевавшие в Анголе в рядах ФНЛА, да и португальцы, бразильцы, южноафриканцы из наемнического батальона «Буффало» называли себя в то время «борцами с коммунистической экспансией». Конечно, многие воевали за деньги и только ради них. Но можно ли априори отказать им всем поголовно в определенных идеологических убеждениях?

Наша же помощь в Африке в то период основывалась на идеологических постулатах «поддержки национально-освободительного движения» и поэтому считалась бескорыстной. Но советские военные советники и специалисты работали в этих странах далеко не бесплатно. И этого забывать нельзя. В Анголе, например, советник в период с 1975 по 1990 год зарабатывал более тысячи долларов, а специалист и переводчик от 600 до 800 долларов. Я, как старший переводчик ВВС и

ПВО, ежемесячно расписывался в ведомости за 750 долларов. И официально считалось, что платила нам ангольская сторона.

Однажды в российском издании журнала «Солдат удачи» мне попала статья, где автор пространно рассуждал о вредности того, что «некоторые военные специалисты Советского Союза, побывавшие в длительной заграничной командировке называют себя наемниками». Давайте попробуем разобраться в этом вопросе.

Автор прав, только в том случае, если брать за основу эмоционально отрицательно окрашенное слово «наемник» в значении «mercenario». Оно («mercenario» - в португальском, да и других романских языках, «mercenary» - в английском означает «наемный», «платный») в свое время получило стилистически негативный, даже обличительный оттенок. Этот негатив переключался в русский язык. Поэтому в русском языке закрепился более нейтрально окрашенный термин (между прочим, отнюдь не русский) «контрактник». В большинстве же стран иностранных граждан, призванных оказать ту или иную военную помощь национальным вооруженным силам или повстанческим движениям, предпочитают называть, «военными специалистами», «советниками», «волонтерами», «добровольцами» и, в крайнем случае, «контрактниками».

Однако, как ни крути, все они подпадают под категорию иностранного военного наемного (платного) специалиста. Посудите сами. Они иностранцы. Это – раз. Прибыли в зону боевых действий для чего? Для того, чтобы воевать: стрелять, закладывать мины, обслуживать или ремонтировать технику, обучать личный состав, переводить рекомендации и документы и т.д. – род деятельности в данном случае значения не имеет, специальностей на войне много. Это – два. Им всем в той или иной форме платят. И не стоит заблуждаться на этот счет. Даже т.н. бойцу-волонтеру нужно есть, пить, одеваться,

обуваться, у него имеются родители, дети, жена или любовница, которых необходимо содержать. Так, что речь может идти только о размерах вознаграждения. Это – три.

Можно сколь угодно долго рассуждать и о побудительных мотивах, оправдывающих пребывание этих лиц на территории стран, где ведутся боевые действия. Государственный или личный контракт, идеология, религия, искреннее стремление помочь повстанцам, желание заработать деньги, получить острые ощущения, и т. п. Суть от этого не меняется. В подавляющем своем большинстве они иностранные военные наемные (платные) специалисты.

Но такого специалиста для краткости называть и «наемник» и «контрактник». Какая между ними разница? Если принимать во внимание только семантику слова, то назови мы наемника – контрактником, разницы принципиальной не будет. Однако нельзя не заметить, что отрицательная окраска слова «наемник» имеет ярко выраженный политический подтекст и связана противостоянием двух некогда непримиримых политических лагерей. Можно привести такой пример.

В 1974-1975 годах в Анголе перед провозглашением независимости страны под руководством бывших португальских офицеров полковника Сантуша и Каштру и капитана Бенту собралось около 40 белых ангольцев, не португальцев, заметьте, а людей, родившихся в Анголе и считавших ее своей единственной родиной. По большей части это были бывшие кадровые офицеры португальской колониальной армии, в задачу которых входило обучение черных солдат ФНЛА. Многие из этих людей искренне любили свою родину, хотели видеть ее процветающей и независимой. Себя они называли «борцами за независимость». Противоположенная сторона без обиняков причисляла их к иностранным наемникам. Но ведь и пропагандистские

средства УНИТА именовали советских офицеров и прапорщиков, а также кубинцев, помогавших МПЛА, не иначе как «иностранными наемниками».

Я отнюдь не хочу придать позитивный смысл термину «наемник» (в значении «mercenario»). Однако нельзя не заметить, что есть некая несправедливость в том, что, когда речь идет о западных профессионалах военного дела, работающих по контрактам за рубежом, чаще употребляют именно его. наших же «спецов», пошедших горячие точки Африки, Азии и Латинской Америки именуют «воин-интернационалист».

Поэтому «вредность» таких рассуждений состоит как раз в другом. В нежелании посмотреть в корень проблемы. А он – в признании профессионального статуса наших советников и специалистов. И если отбросить ложную стыдливость, порассуждать, то наши «воины-интернационалисты» вполне подпадают под статус «иностранный военный наемный специалист». (Умышленно избегаю употребления экспрессивно окрашенного термина).

Не хочу сравнивать наших советников и специалистов, скажем с «дикими гусями» из одноименного кинофильма с Роджером Муром в главной роли. Кстати цель то у наемной команды из фильма была весьма благородная: спасти законного президента африканской страны, свергнутого его оппонентами. Или с тем же Питером Маккализом. Просто думаю, что пришло время назвать вещи своими именами. Согласитесь, что «воин-интернационалист» – термин, которым по сей день именуются тысячи советских и российских военспецов, проходивших службу в Африке, Азии и Латинской Америке, мягко говоря, не соответствует их реальному статусу. Термин «ветеран локальных войн и вооруженных конфликтов» отражает скорее факт пребывания в стране или регионе, но не определяет статуса.

В данном случае вопрос терминологии носит принципиальный характер. От него зависит оценка труда этих людей. В советское время государство, прикрываясь идеологизированными постулатами о «выполнении интернационального долга», «братской помощи народам, борющимся против империализма» беззастенчиво обирало своих граждан, направляемых в качестве советников и специалистов за рубеж. Их денежное содержание назначалось произвольно, иностранная валюта на руки не выплачивалась, а переводилась в чеки «Внешпосылторга», имевшие ограниченное хождение. Из оклада по должности и воинскому званию, положенному офицеру, прапорщику по закону, изымалась в пользу государства значительная его часть. Никакие страховки на крайний случай не предусматривались.

Помнится в начале 80-х при оформлении очередной «длительной зарубежной командировки» в «жаркую» в прямом и переносном смысле страну, один из моих друзей попробовал поинтересоваться у кадровика 10-го Главного управления ГШ условиями контракта. «Какой контракт? Ты, что старлей, наемник, что ли? Е-дешь вы-пол-нять ин-тер-на-циональный долг. А при этом тебе государство еще и деньги платит. Понял?», - таков был ответ.

Можно привести немало случаев, когда отсутствие полноценных личных контрактов приводило к невозможности компенсационных выплат в случае смерти, ранения или пленения. Тот же Пестрецов за 15-месячное пребывание в южноафриканском плену не получил от советского государства ни копейки. Мой однокашник и коллега Сергей Антонов, прошедший Анголу и Мозамбик, будучи наблюдателем ООН в Руанде в 1994 году получил пулю в бронежилет и едва не стал инвалидом. Никакой денежной компенсации ему выплачено не было.

«Вольности» с оплатой наших военспецов за рубежом продолжаются и по сей день. Например, российские офицеры-наблюдатели ООН в отсутствие личного контракта по сравнению со своими коллегами из других стран получает за ту же работу значительно меньше. Труд же российского майора или капитана, который в обход Министерства обороны смог заключить персональный контракт с ООН, оплачивается на порядок выше, он имеет солидные (и реальные в отличие от «воина-интернационалиста») льготы, а по истечении контракта, его ждет немалая пенсия. Правда, для этого ему нужно многих «подмазать» и уволиться из армии. Поэтому мне кажется, что за игрой формулировок скрывается нечто больше – нежелание признавать профессиональный статус наших военных советников и специалистов, работавших за рубежом. Все они являются военными профессионалами. Именно так и предпочитает называть себя и своих товарищей небезызвестный Робер Динар. Он, кстати, тоже не любит слова «наемник».

Его тщательно избегали и американцы, когда разворачивали свою программу помощи ФНЛА и УНИТА. Тогдашний представитель ЦРУ в Анголе Джон Стоквелл свидетельствует, что его руководство категорически запретило в переписке и разговорах упоминать слово «наемник», и предписало употреблять вместо него термин «иностранный военный советник».

Некоторые особенности национальной советнической деятельности

Сегодня мало кто представляет масштабы вовлечения наших военных советников в процесс строительства ангольских национальных вооруженных сил в период с 1975 по 1991 год. Ни одна мало-мальски

значимая операция ФАПЛА не проходила без участия советских военных, ни одно сколь либо значительное решение, касающееся укрепления обороноспособности государства или усиления боеспособности вооруженных сил не принималось ангольской стороной без консультаций с советским советническим аппаратом. Советские советники работали практически во всех органах военного управления, начиная с центрального аппарата министерства обороны, штабов видов вооруженных сил, командований военных округов и фронтов до пехотных бригад, батальонов, эскадрилий и даже отдельных подразделений.

Среди них были и штабные работники с опытом командования крупными соединениями, и даже родами войск в СССР, и командиры частей, прошедшие Афганистан, и специалисты-практики по боевому применению войск и отдельных типов и видов вооружения и боевой техники. Так, второй по счету главный военный советник в Анголе опытнейший генерал И. Пономаренко до прибытия в Анголу командовал в Союзе гвардейской армией, развернутой по штатам военного времени. А генерал-полковник К. Курочкин получил назначение в Африку с должности заместителя командующего элитными воздушно-десантными войсками ВС СССР. Имел опыт Великой Отечественной войны и боевых действий в Афганистане. Кандидатов в Анголу старались подбирать из самых опытных и испытанных офицеров. Только по официальным данным, в ходе выполнения задач по строительству вооруженных сил и обучению личного состава ФАПЛА в 1975 – 1991 годах в Анголе побывало 107 генералов и адмиралов, 7 211 офицеров. Все они были не только опытны, но и многократно проверены. Достаточно сказать, что за годы нашего сотрудничества с Анголой не было зафиксировано ни одного «невозвращенца». Несмотря на то, что в Луанде открыто работали

посольства и представительства многих западных стран, а многие иностранные «фирмачи» имели возможность активно контактировать с нашими военнослужащими. Ни один из наших офицеров или прапорщиков, даже не сделал попытки сбежать или перебраться в какую-нибудь из сопредельных стран. Хотя такие предложения поступали к нашим неоднократно. Особым объектом для западных спецслужб были советские граждане, попавшие в плен к унитовцам и юаровцам. Прапорщика Пестрецова, в южноафриканской тюрьме активно «обрабатывали», например, в течение нескольких месяцев.

ФАПЛА строились по образу и подобию Советской армии и Военно-морского флота. Организация и вооружение основной боевой единицы сухопутных сил – моторизованной пехотной бригады соответствовала в основном организации советского мотострелкового полка, батальоны и дивизионы с некоторыми незначительными вариациями повторяли оргштатную структуру советских частей. Соответственно адекватными были методы и способы обучения и воспитания личного состава, внедряемые нашими советниками в ангольскую действительность.

Советским советникам, специалистам и переводчикам, работавшим в большинстве из пехотных частей ФАПЛА, зенитно-ракетных бригадах в Лубангу, Намиб, Мулонду, радиотехнических подразделениях южных фронтов пришлось принять на себя основную тяжесть участия в боевых действиях. Наши ассессоры, так называли в Анголе советских советников, учили ангольцев планированию боя в наступлении и обороне, грамотной организации сопровождения колонн с грузами, установке и снятию минных полей, ведению разведки и даже... военному делопроизводству. Неоценимую помощь ангольцам оказывали наши специалисты в ремонте и обслуживании советской военной техники. Многие советники зачастую становились как бы

вторым, «резервным номером расчета» при ангольских командирах и начальниках, их своеобразной «тенью». А, случалось, в самые ответственные моменты брали функции подсоветных на себя. Им нередко доводилось, защищая свою жизнь и жизнь товарищей своих товарищей, брать в руки автоматы и пулеметы, садиться за штурвалы боевых машин пехоты и танков, пульта управления огнем ракетных и зенитных установок. Многим приходилось по долгу жить в палатках и землянках, постоянно испытывая серьезные бытовые неудобства и лишения: отсутствие воды, электричества, полноценного питания и медицинского обеспечения.

Как правило, в ангольской бригаде работало от 2-3 до 8-12 человек, включая переводчиков. При учебных центрах СВАПО и АНК, расположенных на территории Анголы функционировали отдельные группы советских советников. Они «трудились» в обстановке полной закрытости и об их работе знали немногие даже из числа советских специалистов. Однако после принятия в середине 80-х годов решения о привлечении двух бригад СВАПО и нескольких батальонов АНК к боевым операциям против УНИТА, советские специалисты также приняли в них участие. При управлениях большинства из 10 военных округов также функционировали небольшие группы советников. В дальнейшем, когда были сформированы управления военных фронтов, в них также были назначены военные советники и специалисты. Причем, советников, проработавших в «боевых» частях 6 –10 месяцев перебрасывали в более спокойные места, и наоборот.

Вот, например, как вспоминает о таком «вахтовом» методе советский советник Вадим Сагачко. «С августа 1988 г. по май 1989 г. работал советником командира 10-ой пехотной бригады ФАПЛА. В нашу группу вошли советник начальника артиллерии подполковник Яцун, специалист по ПВО Поливанов и переводчик А. Поборцев. До

этого советников в бригаде не было. Ее перебросили из Кабинды для усиления группировки войск в район Куиту-Куанавале. Основными нашими задачами были охрана шоссе на участке Менонге – Куиту-Куанавале (ангольского «Саланга», или «дорого смерти», как ее называли в Анголе – авт.) и проведение частных операций против УНИТА. Затем я был назначен специалистом по боевому применению пехотных и танковых подразделений при штабе Южного фронта. Но в штабе сидели мало, из нас периодически комплектовали оперативные группы и направляли в те районы, где войска готовились к операциям. За год я побывал и на Восточном фронте в провинции Мошику, и на Южном фронте в Куиту-Куанавале, при подготовке и проведении операции «Зебра». Затем в «горячих точках» провинции Кунене – Ондживе, Кааме и Йонгу; приходилось выполнять боевые задачи и в провинции Уила, в Шибембе. А перед окончанием командировки меня перебросили готовить военные кадры в относительно спокойной провинции Уиже, когда оттуда уходили кубинские интернационалисты».

Советские военные миссии были разбросаны всей Анголе. Они представляли собой, как правило, один или несколько 1-2-х этажных коттеджа, расположенных обычно в наиболее безопасных местах города, с хорошо простреливаемыми подходами, окруженные несколькими рядами колючей проволоки или металлической сеткой. Миссии имели автономное энерго- и водоснабжение, оборудованную русскую баню. Причем обустроивали миссии обычно собственными силами, не особо полагаясь на ангольцев. На территории в боевой готовности стояло 1-2 БТРа или БРДМ, в зависимости от ее численного состава, располагались служебные и личные помещения. Миссии оборудовались радиостанций для связи с Луандой, киноустановкой, столовой, бомбоубежищем (обычно в красной сыпучей ангольской земле для этих целей вырывалась глубокая яма – «щель»). Охрану советских «военных

поселений» несли солдаты ФАПЛА или кубинцы. В самых опасных районах подступы к советским военным миссиям охраняли танки и БТРы правительственной армии. В некоторых воюющих округах жены наших советников даже не имели возможности выйти за ворота миссий, знали только одну дорогу: из аэропорта и обратно.

В Луанде и некоторых других городах, где условия были более безопасными, советники и специалисты жили по всему городу. В столице насчитывалось 17 мест «компактного проживания» советских военнослужащих. Наиболее крупные из них носили даже своеобразные «кодовые названия». Например, на центральной площади города «Кинашише» располагалось здание «Кука» (по огромной, когда-то по ночам святающейся надписи «Суса» на крыше, рекламирующей один из сортов популярного луандского пива). Другое крупное поселение наших «совзагранспециалистов» - «Арарат» располагалось недалеко от военно-политического училища имени команданте Жика. По одной версии свое название дом получил по первым его жильцам – армянским летчикам личного самолета Як-40 министра обороны Педале. По другой – из-за своей повышенной этажности. А поскольку лифт никогда не работал, то восхождение на верхние этажи требовало поистине альпинистской подготовки. В этом же здании располагался культурный центр нашего торгпредства, кинотеатр, выставочный зал. Только что прибывшие из СССР советники и специалисты, или те, кто не успел или не смог по каким-то причинам вызвать жен, размещались на территории советской военной миссии в Луанде рядом с министерством обороны и в специальных общежитиях.

За пять лет пребывания в Анголе мне довелось видеть в работе десятки военных советников и специалистов, в том числе трех из семи главных военных советников в Анголе: В. Шахновича, Г. Петровского, К. Курочкина, многих их заместителей: генералов Инюцина, Кирсанова,

Черных и других. Наиболее плотно пришлось работать с советническим аппаратом командования ВВС и ПВО: полковниками Шрубом, Кислицином, Борисовом, Савельевым, Кожевниковым, Турчинским, Баськовым, Фалеевым, Николаевским. Доводилось видеть в работе и многих «провинциальных» советников.

В своем подавляющем большинстве это были настоящие военные профессионалы, много сделавшие для создания вооруженных сил Анголы. В том, что ФАПЛА, начиная с середины 80-х годов XX века, стала практически на равных «вести разговор» с самой боеспособной армией африканского континента – армией ЮАР огромная заслуга десятков тысяч советских офицеров и генералов, в разное время работавших в Анголе.

Кто-то может задать вопрос: почему одних наших военнослужащих, работавших в национальных армиях стран третьего мира, именуют «советник», а другого «специалист»? Какая разница? Не все ли равно? В принципе, в понимании обывателя, любой военный советник – это специалист. Но не любой военный специалист был советником. Почему? Статус был разный. В этом коренное различие. Советские военные специалисты работали в армиях десятках стран. Их были десятки тысячи. А вот советников было всего несколько тысяч.

Советский военный советник считался как бы полноправным представителем министерства обороны СССР, государства, КПСС. На него возлагалась не только чисто военная миссия по оказанию помощи в создании и организации деятельности военных структур в этих странах, но и широкие идеологические задачи. По замыслам тогдашнего партийно-политического руководства СССР он был призван «вразумить» только что слезших с пальмы (верблюда, горы) аборигенов, на практике продемонстрировать все достоинства не только строительства вооруженных сил по советскому образцу, но самого

социалистического пути развития. Специалист же в понимании местного военного командования был наемным работником, призванным обучать личный состав, и в случае необходимости самим обслуживать технику, проводить ремонтные и регламентные работы.

Количество необходимых специалистов и их категории, как правило, определялись местным командованием исходя из поставляемой в страну советской боевой техники. Список же советников утверждался и предлагался советской стороной. Но он мог быть полностью или частично отвергнут национальным командованием. Так бывало в разное время в Перу, Египте, Ливии, Йемене и других странах, которые не желали иметь в своих рядах «идеологических диверсантов», проводников политики «КПСС и советского правительства». Многие из генералов национальных армий считали «хабиров», «асессоров», «консельейрос» ни за что ни отвечающими на хлебниками, которые только «выдают рекомендации». А дальше хоть трава ни расти. А им нужны были технари, пахари-помощники, которые в случае чего смогут заменить вышедшего из строя авиатехника или сапера, сесть за пульт управления ракетной установки или за штурвал боевого истребителя.

Тогда советская сторона пошла на хитрость. Мол, без консультантов на высоком уровне, вам все равно не обойтись. Оружие то наше, значит, и тактика и организация должны ему соответствовать. Давайте направим вам советников, и сами будем оплачивать. Они не помешают, только помогут. Многие станы соглашались с таким предложением. А почему бы и не принять даже такую помощь, если на халяву? Однако руководство многих «умеренных» стан, особенно арабских, старалось максимально ограничить влияние советских советников на личный состав. Никаких политинформаций, идеологических оценок и «промывания мозгов» среди солдат и

офицеров национальной армии не допускалось. Вместе с тем, усилиями наших советников даже в армиях некоторых ортодоксальных исламских государств были созданы некие подобия политорганов Советской Армии. Они назывались органами моральной (политической) ориентации. Такие институты при помощи наших советников долгое время функционировали в вооруженных силах Сирии, Ливии, Южного и Северного Йемена.

В Анголе и других странах, в то время безоговорочно принявших советский путь строительства вооруженных сил: Афганистане, Вьетнаме, Мозамбике, Эфиопии, Гвинее-Бисау и некоторых других местные власти никаких политических и идеологических ограничений на деятельность советников не налагали. Однако для того чтобы обеспечить независимость советника от местного командования, все же действовало правило: они содержались за счет бюджета Минобороны. А труд специалистов оплачивал наниматель, т. е. местная сторона. Основные должности советников, как правило, были выведены из допсоглашений по базовому контракту и оплачивались из кармана советского налогоплательщика. (Могли быть и варианты в зависимости от страны и ее финансовых возможностей. Например, в Анголе практически все советники и специалисты, по сути, содержались за счет СССР, который выделял стране долгосрочные кредиты. В конце 90-х годов XX века многомиллиардный долг Анголы по этим кредитам был практически списан). Советники имели более солидную оплату труда (на 20-30%), чем у специалистов, значительно выше были и их должностные категории: от полковника вплоть до генерала армии.

В эпоху расцвета военной помощи СССР странам третьего мира (с конца 60-х до середины 80-х годов XX века) считалось, что для укрепления нашего влияния в армиях дружественных стран третьего мира, следует направлять как можно больше советников.

Соответственно росли и расходы. Однако по мере того, как Советский Союз начал сталкиваться со все возрастающими экономическими трудностями, советники все чаще стали подменяться специалистами. Делалось это, по крайней мере, в Анголе, достаточно неуклюже. Например, на место советника командующего ВВС Анголы полковника Шруба приехал, уже в качестве специалиста полковник Лакуста. Он был молод и амбициозен. Но опыта было маловато для такой должности. Хотя с его приездом она и стала именоваться «специалист при командующем ВВС и ПВО по ВВС». Но его должностное прохождение в Союзе никак не соответствовало его фактическому статусу «консультанта при командующем видом вооруженных сил». В дальнейшем он практически самоустранился и превратился в обыкновенного советника командира эскадрильи, предпочитая по привычке общаться с рядовыми летчиками. С трудом представляю, как бы он осилил такую миссию, как организация спасения нашего экипажа, сбитого в Менонге в 1980 году. В дальнейшем эта тенденция стала необратимой. А с 1991 года даже главный военный советник в Анголе стал содержаться целиком за счет местной стороны, превратившись в некоего «специалиста-консультанта при министре обороны» без каких бы особых прав и претензий на влияние.

Самой существенной проблемой в организации советнической деятельности в Анголе стала «профпригодность». Учитывая масштабы привлечения советских специалистов в этой стране, конечно, было трудно рассчитывать на индивидуальный подход при выборе кандидатов на должности советников и специалистов. Нельзя забывать также, что огромную массу квалифицированных офицеров «забирал» Афганистан. Однако даже не в квалификации дело. Подавляющее большинство наших советников и специалистов, находившихся в разное время в

Анголе, были компетентны в военной области. Проблема заключалась в другом. В полном отсутствии у большинства прибывающих даже элементарных представлений о местных реалиях: особенностях быта, поведения, психологии ангольцев, национальном составе армии, обычаях и традициях народов Анголы. А без этих знаний усилия многих советников пропадали, по сути даром, а иногда приводили к неприятным последствиям, что наносило ущерб нашему престижу за рубежом.

Не умеешь, научим, не хочешь – заставим

Как-то вновь назначенный советник командующего ВВС и ПВО полковник Петр Петрович Ксенофонтов решил навестить начальника штаба ВВС и ПВО Алберту Нету. Недавно назначенный командующим член политбюро ЦК МПЛА - Партии труда полковник Ндалу был обременен массой других обязанностей, и фактически его функции исполнял начальник штаба. По этой причине Ксенофонтов оказался как бы без подсоветного. Но рвался в бой и решил перенести тяжесть «выдачи советнических рекомендаций» на начальника штаба. По этому поводу, кстати, чуть не произошел скандал: два советских советника: Ксенофонтов и Савельев никак не могли поделить одного ангольца. Но нередко случалось и так, что наш советник оставался без протекции. Например, прибывший в 1982 году из Союза советник главного штурмана ВВС неожиданно обнаружил, что его подсоветного не существует в природе! Ну не было у ангольцев в то время подготовленного руководителя штурманской службы в ВВС. Но существовал план строительства ВВС и соответствующая ему штатная структура. А он предписывал иметь на этой должности советника. Вот он и приехал. Впрочем, несостоявшемуся советнику тут же нашли работу. С подачи нашего замполита полковника Станислава

Турчинского он стал... секретарем партийной организации соввоенколлектива при ВВС и ПВО Анголы.

По дороге в штаб ВВС и ПВО, который располагался на одной из самых красивых улиц Луанды – авениде, носившей имя национального героя Анголы команданте Володи, новый мой ангольский шеф, «камарада Педру», как его окрестили ангольцы, вдруг решил похвастаться своими знаниями местных реалий. «Когда начнем говорить, сначала поинтересуйся здоровьем родственников товарища Нету. Спроси, как себя чувствует товарищ Мария Эужения». Пытаюсь сообразить: жену начальника штаба зовут совсем по-другому, сестер, по-моему, у него нет. Кто эта Мария Эужения? Может быть, за два месяца моего отсутствия в стране анголец женился на другой? Я только приехал из отпуска, в котором задержался по случаю дурацкой травмы ноги, полученной на раскорчевке дерева: помогал родителям обустроить только что купленный садовый участок под Волоколамском. Пока я размышлял, как бы поделикатней разузнать у советника хоть что-нибудь про эту таинственную персону, он сам открыл секрет. «А все-таки ВВС и ПВО Анголы повезло, что его штаб возглавляет племянник первого президента страны. Думаю, многие вопросы будет легче решать, как думаешь, старший лейтенант?» - обращается ко мне «камарада Педру».

Все становится ясно. Новый шеф перед отправкой в «десятке» прослушал лекцию какого то горе-специалиста по истории страны. Лектор и ляпнул, что, мол, в Анголе все вышестоящие должности в армии занимают родственники руководителей партии и государства. И все они - «Нету». Эдакое кумовство, возведенное в ранг кадровой политики. Сопоставив фамилию первого президента с фамилией начштаба, советник и сделал далеко идущий вывод. Даже узнал, что

вдову первого президента Анголы Агоштињу Нету, умершего в 1979 году, зовут Мария Эужения Нету...

Пришлось деликатно объяснять, что фамилия Нету – одна из самых распространенных в Анголе. Приставка «нету» по-португальски переводится как «внук», а иногда трактуется и в более широком смысле: как свояк, родственник. И ассимилированные колонизаторами африканцы, перейдя на португальские имена, старались таким образом сохранить свою самобытность. Поэтому и стали именовать себя: такой-то внук такого-то. Но имя получалось очень громоздким, и со временем после приставки перестали употреблять имена родственников. А она сама утратила прямое значение и превратилась в элемент фамилии. Поэтому к прямым родственным связям слово «нету» никакого отношения не имело. А так бы пол-Луанды были бы родственниками.

Камарада Педру был страшно обескуражен моим объяснением: «Надо же, при первом же визите к подсоветному чуть не вляпался». Но полковник все-таки «вляпался» и, не менее капитально, сбив через две недели насмерть на своей «Волге» ангольца. И был по решению посла «в 24 часа» отправлен в Союз. В этой аварии он был, по большому счету не виноват: анголец выскочил на перекресток внезапно, в месте, где не имелось пешеходного перехода. А Ксенофонтов, человек в возрасте, с ослабленной реакцией, и, к тому же, практически не обладал опытом вождения легкового автомобиля. А тут положенная по штату «Волга» при отсутствии персонального шофера (он полагался только главному военному советнику), и вдобавок, незнакомый город. Кстати, возраст некоторых наших советников не только отрицательно сказывался на их здоровье (когда человеку под пятьдесят, жаркий и влажный тропический климат переноситься очень тяжело), но и в ряде случаев, препятствовал психологической совместимости с ангольцами. Подавляющее большинство подсоветных были молоды, темпераментны, жизнь «била в

них ключом», и наши «старички», как они их называли «вельётеш», не всегда вписывались в схему отношений.

Кстати, как потом выяснилось, отправили Ксенофонтова в Союз зря. Перестраховались. Но такие были в наших посольствах правила: быстренько выслать человека из страны, спасти его от тюрьмы и законного наказания. К тому же Африка, есть Африка и не всякий государственный закон имеет здесь силу. Там правят обычаи, традиции, подчас жестокие и кровавые. За убийство соплеменника (автомобильный наезд - то же убийство), можно было получить по полной программе. И в Луанде, и других городах были случаи кровавых расправ над иностранцами в подобных ситуациях. Так, в 1982 году в районе столичных трущоб - «мусекеш», разъяренной толпой был буквально разорван на куски болгарский гражданин, задавивший в нетрезвом виде африканскую девочку. Ему не смогли помочь даже кубинцы, чей военный автомобиль проезжал в это время мимо...

Однако в случае с советским военным советником Петром Ксенофонтовым, как раз ангольские обычаи и сыграли прямо противоположенную роль. Пострадавшего ангольца нашими усилиями доставили в кубинский военный госпиталь. Но там ему помочь не смогли, удар был слишком силен. Вскоре в госпиталь приехала группа родственников погибшего. Мы приготовились к самому худшему, и потихоньку с помощью кубинских врачей вывели Ксенофонтова через запасной выход и отправили домой.

Вскоре от группы родственников, некоторые из которых были одеты в национальные одежды, отделился человек. Это был, как оказалось, дядя покойного. Выслушав наши соболезнования и заверения, что «камарада советику» не виноват в происшедшем, он спокойно, без истерики задавал нам всего два вопроса. Как высоко положение человека, убившего его племянника (он так и сказал

«убившего», а не «совершившего наезд, аварию и т.п.), и где конкретно это произошло: на прямой дороге или перекрестке? Получив ответ, что советский советник - «большой шеф», а дело случилось на разъезде перед национальным аэропортом, он с удовлетворением кивнул и вернулся к родственникам.

По оживленной реакции ангольцев и даже почти доброжелательным взглядам в нашу сторону, мы поняли, что сведения, сообщенные семье, ее полностью удовлетворили. Через несколько минут обсуждения «дядя» вновь подошел к нам и бросил несколько слово, среди которых явно различался термин: кименга.

Так у племен баконгу называется натуральный вид штрафа, который уплачивается провинившимся в пользу родственников пострадавшей семьи при ранении соплеменника и какого либо другого ущерба. В случае убийства полагалась смерть, но семья сделала «скидку», во-первых, на знатное, по их убеждению, происхождение и положение виновного, а во-вторых, место пересечения нескольких дорог у баконгу считается священным. Они и вождей своих всегда хоронили только у перекрестков. Поэтому семья и решила ограничиться штрафом. Словом пришлось нам быстренько скинуться и собрать, кто что мог. В общий котел «полетели» несколько бутылок водки, пара брюк и рубашек, поношенные фапловские ботинки с берцами, нехитрая кухонная утварь. Словом, кто, что мог. Одна из советнических жен выделила в уплату «кименга» отрез ткани, который привел в восторг женскую половину семьи погибшего. Таким образом, конфликт «на семейном уровне» был исчерпан, а полиция, в то время крайне лояльно относившаяся к «советским интернационалистам», ввиду отсутствия иска со стороны родственников прекратила дело. Но Ксенофонов был к тому времени уже в Союзе.

Помимо слабого знания обычаев и традиций народов, населяющих Анголу, большой бедой многих наших и специалистов, и советников стало, если так можно выразиться, слишком уж прямое перенесение своих знаний и опыта на ангольскую действительность. Многие советские командиры рот, батальонов, полков, ставшие в одночасье советниками и специалистами действовали по старому советскому армейскому принципу: «Не умеешь, научим, не хочешь – заставим». Кто-то пытался вместо «тени» превратится в реального персонажа, попросту подменяя собой ангольских офицеров. Другие норовили решить стоявшие проблемы «горлом», частенько матерясь при этом на полную катушку. Нельзя сказать, чтобы для ангольцев такие обращения были в диковинку: в португальском языке имеется немало экспрессивно окрашенных слов. Но до знаменитого русского, набившего оскомину русского мата, им далеко.

С этой проблемой сталкивались очень многие. В 1981 году советник командира радиотехнического батальона на базе ВВС в Луанде майор Трушкин, отличавшийся страшным рвением по службе, поставил перед собой цель сделать «из вверенной ему ангольской части показательный батальон, не хуже, чем тот, который был у него в Союзе». Он настолько вошел в роль, что, кажется, уже не отличал где ангольский личный состав, а где советский. По утрам устраивал «разборки», частенько матерясь перед строем. Как-то вместе с заместителем майора капитаном Микнявичусом я стал свидетелем одной неприятной сцены. Советник стал распекал командира ангольской радиотехнической роты. «Ты, чтоб твою мать, - кричал он на молоденького лейтенанта, опоздавшего на утреннее построение личного состава, - где шляешься, почему твои подчиненные разболтаны и расхлябаны? Твоя родина в опасности, а ты на службу опаздываешь?!». Говорил он это по-русски, явно с удовольствием перемежая речь

недавно выученными португальскими выражениями. У худенького лейтенанта после такого выступления вдруг задрожали губы, и он, едва сдерживая слезы, прошептал: «Не надо, не смейте трогать мою мать, она недавно умерла». Не владевший русским, но понимающий отдельные слова, анголец воспринял выражение «чтоб твою мать» буквально. Как оскорбление в адрес умершего предка. И в истерике убежал.

То, что у ангольского лейтенанта умерла мать, я не знал, но не мог не заметить на руке у ангольского офицера черной траурной повязки. Ангольцы траур по своим близким родственникам носили долго и аккуратно. Советник, будь он внимательнее и, самое главное, полюбопытнее мог бы обратить на это внимание. А так, отношения с командиром роты у майора были испорчены надолго. «Недоразумения» с употреблением и к месту, и не к месту традиционных русских экспрессивных выражений стоили десяткам наших советников испорченных отношений с ангольцами.

Нельзя сказать, чтобы, «особенностями национальной советнической деятельности» не было озабочено руководство «десятки» - 10 Главного управления Генерального штаба, основного органа по руководству нашими «соввоензагранколлективами». С начала 80-х годов старались объединить группы отъезжающих по «страноведческим» направлениям, и устраивали занятия, на которых будущих советников и специалистов знакомили с особенностями их деятельности, нравами и обычаями «стран пребывания». Но, что можно успеть за неделю? Офицер, командированный за рубеж, едва успевал за этот срок оформить все документы, выкупить билеты, получить на складе и подогнать под себя гражданскую одежду (она выдавалась вместо форменного офицерского обмундирования и, как правило, и не отличалась большим разнообразием. Поэтому, вновь прибывающие в

Анголу офицеры, выглядели, как довоенные североамериканские гангстеры или агенты царской охраны: все в одинаковых костюмчиках, плащах и шляпах от Минобороны). Где там до лекций о каких-то нравах и обычаях?

К подготовке высшего состава наших военных миссий за рубежом подходили более тщательно. В учебном центре «Курсы «Выстрел» под Москвой периодически проводились сборы главных военных советников и их заместителей. В середине 80-х годов, при генерал-полковнике К. Я. Курочкине этой проблемой серьезно занялись и в Луанде. Прибывшие советники и специалисты прослушивали трехдневный курс «национальных особенностей». Для занятий привлекались наиболее подготовленные и опытные советники и переводчики. Приходилось и мне несколько раз читать курс лекций о быте и нравах народов Анголы. Все это было очень полезно, но, к сожалению, не решало вопроса кардинально. Поэтому многие наши офицеры и генералы ухватывали суть советнической деятельности, начинали понимать психологию ангольцев лишь поднабравшись опыта, спустя год, а то и два после приезда в страну.

Многие наши советники высшего и среднего звена никак не могли, например, понять сущности ангольских военно-партийных псевдонимов. Большинство партизанивших или работавших в период колониального господства португальцев подполье членов МПЛА, имели боевые клички, которыми искренне гордились. Например, первый министр обороны Анголы Энрике Телеш Каррейра звался «Ику». Сменивший его Педру Мария Тонья имел псевдоним «Педале». Начальник генерального штаба Антониу душ Сантуш Франса носил прозвище «Ндалу», а тогдашний командующий ВВС и ПВО Жоау да Консейсау был известен как «Гату». Имел соответствующую кличку и начальник Национального политуправления ФАПЛА Франсишку

Магальяеш Пайва – «Нвунда», а также многие должностные лица рангом пониже.

Эти клички, как правило, на русский язык официально никогда переводились. Однако их происхождение было достаточно любопытно и для человека любознательного многое могло сказать об ангольском руководителе. Например, псевдоним «Педале» происходил от португальского разговорного глагола «педалар» - крутить педали, быстро ездить на велосипеде. Как рассказывал мне старый партизан МПЛА по кличке «Мона» («обезьяна»), прозванный так за фантастическую ловкость и умение бесшумно пробираться через джунгли, будущий министр обороны получил ее за свой энтузиазм, энергичность и способность к многочасовым африканским танцам. Кличка «Гату», в переводе с португальского «кот», была дана будущему командующему ВВС и ПВО его боевыми соратниками за необычную живучесть и способность удачно уходить от португальских патрулей. В 1977 году во время попытки государственного переворота в Луанде «Гату» блестяще подтвердил ее: будучи захваченным заговорщиками, со связанными руками, раненый, он сумел выбраться из подожженного автомобиля и спастись. Некоторые клички ангольских руководителей были прямо связаны с советской действительностью. Национальный герой Анголы команданте «Володя» взял такой псевдоним в честь вождя мирового пролетариата Владимира Ленина, а знаменитый политработник ФАПЛА Дину «Матросс», по слухам преклонялся перед подвигами революционера-большевика матроса Железняка.

Псевдонимы могли отражать и национальные особенности, физические достоинства или недостатки бывших партизан. Клички давались не только на португальском языке, но и на местных наречиях. Например, начальник отдела пропаганды Национального политуправления ФАПЛА носил кличку «Лелу Кизуа», что в переводе с

кимбунду означало «Солнечный день»: широколицый, с блестящим лицом, удивительно дружелюбный негр действительно как бы излучал солнечное тепло на окружающих. А начальник кабинета министерства обороны по внешнеэкономическим связям товарищ «Дибала» был лыс, словно бильярдный шар. Слово «дибала» на языке кимбунду и означало «лысый».

Так вот, многие советники никак не могли привыкнуть, что их подсоветные пользуются кличками, иногда и не совсем благозвучными. Поэтому, многие предпочитали обращаться к ним, используя длинное, в несколько слов и зачастую не совсем понятное окружающим, официальное португальское имя. Многих ангольцев это удивляло и даже раздражало.

На своеобразии цепочки отношений «советник – подсоветный» часто накладывал свой отпечаток и характер ангольцев: многие из них были откровенно ленивы и безынициативны. Однако при этом обладали природной смёткой и просто-таки первобытной хитростью. Такие ангольские командиры нередко буквально «ездили верхом» на своих советниках. Справедливости ради нужно сказать, что таких ленивых и не желавших учиться ангольских офицеров было немного. Но, если советник требовал от них слишком многого, или просто не нравился, те принимали свои меры. Дело в том, что ангольцы очень быстро «просекли», что «советскому товарищу» (генералу, полковнику, подполковнику, майору и т.д.) повезло: вместо морозной Сибири или заснеженного Забайкалья он оказался в их жаркой стране и при этом неплохо зарабатывает. А поэтому сделает все возможное, чтобы продлить срок своего пребывания или, по крайней мере, его не сократить. Для укрощения чрезмерно ретивого советника в ход шел даже шантаж: «мол, «камарада ассессор», сообщу, что пьешь водку в рабочее время, после обеда на службу не выходишь, продукты

получаешь со военной части склада, а кванзы за них не платишь и т. д.». Если шантаж не помогал, в дело шли прямые доносы.

Таких специалистов, «не сумевших найти общий язык с подсоветной стороной» руководство советской военной миссией прорабатывало по служебной и партийной линии. Зачастую, не разобравшись в сути конфликта, их переводили в другой округ, а иногда и досрочно откомандировывали в Союз. Многие боялись этого. Поэтому были и такие, кто шел на поводу у своих визави, откровенно лебезил и даже угодничал перед ангольцами. Другие, отчаявшись, найти общий язык, попросту самоустранялись от работы. Но большинство, несмотря на препоны, честно продолжали выполнять свой долг.

Так, например, советник начальника связи ВВО и ПВО, майора Багорру, занимавший эту должность в начале 80-х годов в Луанде был эдак на четверть века младше своего советника. Майор, не имевший соответствующей подготовки, получил свою должность за то, что когда-то в период национально-освободительной борьбы с португальцами исполнял обязанности личного радиста лидера МПЛА Агоштиньо Нету. Учиться он не хотел, а своего советника, пятидесятилетнего полковника, прошедшего Великую Отечественную заставлял делать за себя всю черновую работу: составлять планы и докладные, анализировать работу радиосвязи, выезжать вместо себя в командировки в районы боевых действий. При этом вел себя чрезвычайно высокомерно, по-барски. Заставлял уже немолодого человека подолгу ждать в своей приемной, опаздывал, а то и вовсе не являлся на встречи.

Прекрасно понимая, что без квалифицированной помощи советника ему не обойтись, он все время держал его «на крючке». Свой шантаж он осуществлял предельно просто. На совещаниях периодически жаловался командующему ВВС и ПВО команданте Гату,

не слишком лояльно относившемуся к советским военным специалистам, что советник «не всегда дает ему правильные рекомендации по организации связи». Добросовестного полковника чуть инсульт не хватил, когда он первый раз услышал из уст своего буквально заваленного рекомендациями подсоветного подобные обвинения. Потом привык. Ссориться с бывшим личным радистом президента никто не хотел, и нам, переводчикам, приходилось прилично «вспахивать», делая объемные письменные переводы для этого бездельника. А советник, которому оставалось всего полгода командировки, а впереди маячила заслуженная пенсия, стиснув зубы и втихаря матерясь, только философствовал о странностях местных нравов.

Мне часто приходило в голову вопрос: а как бы поступили в подобной ситуации наши оппоненты с той стороны. Те, кто работал на УНИТА и ФНЛА, на ЮАР, те, кого мы называли наемниками? Как поступил бы тот же Питер Маккализ и Роберт Маккензи? Наверное, плюнули бы на все и отправились зарабатывать деньги в другую страну.

Советским оружием и кубинскими руками

Сегодня можно с полным основанием сказать, что победа МПЛА в Анголе в 1975 – 1976 гг. была завоевана «советским оружием и кубинскими руками». И, если кто-то захочет опровергнуть это утверждение, то шансов у него не много. Потому, что это правда. Если проанализировать ситуацию, сложившуюся в стране перед провозглашением независимости, то можно сделать вывод: силы трех национально-освободительных движений МПЛА, ФНЛА и УНИТА были приблизительно равны. Центральное разведывательное управление США оценивало численный состав повстанцев таким образом: МПЛА по их данным имело около 20 тысяч бойцов, ФНЛА – 15 тысяч, а

УНИТА располагало немногим более 4 000 солдат. Вместе с тем, аналитики ЦРУ считали, что эти цифры явно завышены и их нужно уменьшить, как минимум, в двое.

Позиции МПЛА были сильны на побережье, в столице – Луанде и прилегающих к ней районах, в то время как ФНЛА контролировала Север страны. Жонас Савимби и его организация пользовались поддержкой населения центральных районов Анголы. Учитывая, что собственные боевые отряды движений были немногочисленны, а подавляющее большинство населения составляли неграмотные крестьяне, слабо разбирающиеся в особенностях политики их лидеров, решающим фактором в вопросе, кто победит, стала поддержка извне. Координатор операции ЦРУ по оказанию помощи движениям Роберту и Савимби в период 1974-1976 гг. Джон Стоквелл откровенно признавался: «Победителем в гонке с Советским Союзом за обладание Анголой станет тот, кто сможет первым и в достаточном количестве предоставить оружие противоборствующим сторонам». Первым это сделал Советский Союз.

Мощный поток оружия хлынул в Анголу сразу после провозглашения 11 ноября 1975 года лидером МПЛА Агоштиньо Нету независимости страны. Сотни тонн вооружений и другого «материально-технического имущества», так по документам 10-го Главного управления Генерального штаба СССР проходила эта статья помощи, были предварительно сосредоточены на территории соседнего с Анголой государства - Конго (Браззавиль), с руководством которого у МПЛА были давние дружеские связи. Оттуда, через Пойнт Нуар это оружие, в основном кубинскими судами, тайно доставлялось на базы МПЛА внутри страны. После провозглашения независимости, когда А. Нету, в качестве главы государства уже официально обратился к СССР, Кубе и другим странам о помощи из СССР в Луанду был организован

«воздушный мост». Советские военно-транспортные Ан-22 под «аэрофлотовским» флагом в первые недели ноября 1975 года совершили до 40 рейсов в Луанду. Несколько позже в морском порту Луанды стали швартоваться советские суда с боевой техникой. Только за три месяца, прошедших после провозглашения независимости из СССР в порты Анголы, контролируемые отрядами МПЛА, прибыло 27 крупнотоннажных транспорта с боевой техникой, автомобилями, оружием и боеприпасами. Оружие для МПЛА поставляли и другие страны «соцсдружества» – Югославия, Румыния, ГДР.

Всего в период до апреля 1976 года только из СССР в адрес МПЛА, а затем сформированного им правительства, было поставлено до 30 вертолетов Ми-8, 10 истребителей МиГ-17 и МиГ-19, 12 машин МиГ-21 различных модификаций, 70 танков Т-34, 200 танков Т-54, 50 плавающих танков ПТ-76, более 300 штук БТР-152, БТР-60ПБ, БМП-1 и БРДМ, около 100 единиц 122-мм и 140-мм установок залпового огня БМ-21 и БМ-14. Поставлялись также 122-мм артиллерийские системы Д-30, минометы, зенитные установки ЗИС-3-76, ЗПУ-1, ЗУ-23-4, ЗУ-23-2, переносные зенитно-ракетные комплексы «Стрела-2» и в огромных количествах современное стрелковое вооружение.

Когда начались первые советские военные поставки в Анголу? Известно, что отдельные партии советского оружия начали завозиться для партизан МПЛА через третьи страны еще с начала 60-х годов XX века (по данным из западных источников СССР поставил ангольским повстанцам в течение 1958 - 1974 годов оружия на общую сумму в 55 млн. долларов). Но это было в основном стрелковое оружие, легкие минометы, мины, гранаты, переносные средства ПВО. Но начало массовых поставок боевой техники, в том числе и тяжелой, началось приходиться на весну 1975 года, когда в стране, по сути, началась гражданская война. Точную дату сегодня назвать трудно. Однако

достоверно известно, что уже летом 1975 года боевые отряды МПЛА в столкновениях с ФНЛА использовали минометы советского производства, и бронированные машины БРДМ.

Было бы нелогично предположить, что огромное количество тяжелой и сложной боевой техники, хлынувшей в страну предназначалась только МПЛА. Движение не имело подготовленных кадров даже для десятой части этого оружия. Массовые поставки боевой техники велись «в интересах кубинцев», которые стали перебрасываться в Анголу с Кубы.

Кубинцы далеко не новички в Африке. Первые солдаты с острова Свободы вступили на землю Анголы задолго еще в середине 60-х годов. Мне довелось встречаться с некоторыми из этих легендарных «бойцов революции», прибывших в Африку в 1964 году во главе со знаменитым Че Геварой. Как-то на приеме в кубинской военной миссии «Кинта Роза Линда», которые часто и с размахом устраивались тогдашним командующим кубинскими войсками в Анголе генералом дивизии Томассевичем я услышал рассказ кубинского полковника Родриго Торреса. На вид ему было лет 45. В перерывах между тостами «за советско-кубинско-ангольскую дружбу», он с увлечением поведал мне и бывшему тогда советником начальника штаба ВВС и ПВО Анголы полковнику Александру Яковлевичу Савельеву, о своей работе в составе группы кубинских революционеров, переброшенных в Африку «для организации партизанских действий». Рассказ был настолько интересный, что я зафиксировал его почти дословно в своем дневнике.

«Наш отряд состоял приблизительно из 100 – 120 человек, которые тайно через сопредельные страны небольшими группами перебрасывались в Конго. В него входили опытные революционеры-энтузиасты, многих из которых отбирал лично товарищ Че. Боевыми действиями руководили сам Че Гевара и его заместители Дреке и

Мартинес Томайо. Все мы действовали под псевдонимами и кличками. Че Гевару звали «Тату», его заместителей «Моха» и «Мбили».

Сам я прибыл туда где-то в мае 1964 года, а Че находился в Конго с апреля. Меня определили в группу, которая обучала методам партизанской войны повстанцев в провинции Катанга. Сами «катангские жандармы», как они себя называли, происходили из племени, которое проживало как в Конго, так и в Анголе. И я подумал: вот шанс распространить наши действия и на Анголу. Почему мы тогда выбрали именно Конго, а не сразу Анголу или Мозамбик? Да потому, что в португальских колониях борьба только зарождалась, а на территории тогдашнего Конго действовали довольно значительные повстанческие силы под руководством молодого, и как нам тогда казалось, перспективного национального лидера Кабила. Но очень скоро товарищ Че разочаровался в нем. Он несколько раз встречался с 26-летним Кабиллой и понял, что тот больше заботился о своей личной безопасности, а не о том, как освободить страну от гнета.

Кабила находится в ситуации, когда, как говорят русские, «и хочется и колется». С одной стороны он был не прочь нашими руками разжечь огонь революции в джунглях Конго и на волне народного гнева прийти к власти. А с другой, страшно боялся последствий. Ему вполне хватало его статуса «короля джунглей». Кроме того, у повстанцев не было единого руководства, сам Кабила и его помощники погрязли в пьянстве и безделии. Тогда Че Гевара и обратил внимание на сопредельную Анголу. Нам удалось войти в контакт с руководством МПЛА, и некоторые из наших товарищей были переправлены в Анголу для обучения активистов движению обращению с оружием и тактике партизанских действий. Сам я попал в центр революционной подготовки, располагавшийся в освобожденных МПЛА районах Кабинды».

На мой вопрос, посещал ли сам Че Гевара во время своей «революционной» миссии в Конго Анголу, кубинец, ответил, что точно в этом не уверен. Но вот в том, что легендарный революционер неоднократно встречался с лидерами МПЛА в приграничных с Анголой районах, он нисколько не сомневался.

Мне довелось хорошо знать руководителя того самого «центра революционной подготовки МПЛА» в провинции Кабинда. Звали этого старого партизана Мона. Вернее это была его боевая революционная кличка. Фамилию свою он никогда не называл, предпочитая, чтобы к нему обращались именно так. Впервые я познакомился с ним в ноябре 1976 года, когда Мона во главе делегации ангольских партизан-ветеранов приехал в Москву на празднование очередной годовщины Великого Октября. Его пригласил Советский комитет ветеранов войны, а меня курсанта Военного института определили в его личные переводчики. Кстати, это был мой самый первый опыт общения с носителем языка и я, естественно, жутко волновался: за плечами было лишь два с половиной семестра учебы. Однако мы очень быстро нашли с Моной общий язык: говорил он незамысловато, короткими фразами на достаточно чистом португальском языке. Наш преподаватель Анатолий Анатольевич Киселев, помню, тоже беспокоился, отправляя меня с моим коллегой Володей Фищуком в эту «командировку». А вдруг африканцы (Володе достался ветеран из Гвинеи-Бисау) будут говорить на «калау» - жаргоне? Но все обошлось.

Поэтому в переводе выступлений Моны и его встреч с председателем комитета Маресьевым, его заместителем Корчмитом трудностей практически не возникало. Встречался я Моной и позже, уже в Анголе. Именно из его рассказов я и узнал, что кубинские инструкторы довольно долго обучали в конце 60-х годов XX века новобранцев МПЛА в его центре и лагере имени Ожи Йя Энда

(ангольский партизан, национальный герой, погибший при штурме португальского форта в районе Карипанде на северо-востоке Анголы. 1 августа 1974 МПЛА на месте его гибели провозгласила создание своих вооруженных сил ФАПЛА). В своих рассказах он часто упоминал кубинцев-добровольцев Рамоса Маэстро, каких-то Коэльо и Мендосо Барбудо. Скорее всего, это были клички, и возможно, за одной из них скрывался именно Родриго Торрес.

Кубинцы, приехавшие в Анголу, воспринимали помощь ангольцам, как свой долг. Фидель Кастро так и провозгласил: «Мы должны отдать долг нашим братьям. Когда-то наших предков привезли из Анголы и сделали рабами, но теперь мы свободны и должны помочь освободиться ангольским братьям». Народ с энтузиазмом воспринял решение своего лидера, стал записываться в отряды «интернационалистов», которые после подготовки и направлялись за океан. Душевный подъем этих людей был отнюдь не показным, в этом я убеждался не раз. Кстати, если в первые годы в страну прибывали в основном кадровые военные, имевшие боевой опыт, то в последствии их процент значительно снизился. Рядовой состав многих кубинских частей состоял из людей, призванных с «гражданки» на военную службу. В этом не было ничего удивительного, Куба страна небольшая и Кастро говорил: «Каждый кубинец – солдат». Многие приезжали в Анголе по несколько раз. Всего за десять с лишним лет в странах Африки побывало более полумиллиона граждан с острова Свободы. Значительная их часть приходится именно на Анголу.

Начало массовому присутствию кубинских войск в Анголе было положено отправкой с Кубы в августе - сентябре 1975 года контингента численностью 460 человек. Кубинское судно «Героический Вьетнам» доставило тогда в Анголу и тайно высадило его в порту города Порту Амбоинь, контролируемого силами МПЛА. Сегодня в некоторых

источниках упоминается, что это были специально подготовленные подразделения. То есть спецназ. В состав контингента действительно входили бойцы специального парашютно-десантного батальона, предназначенного для диверсионно-подрывных действий и организации партизанской войны. Он был создан на Кубе в 1964 году с помощью советских спецназовцев и хорошо зарекомендовал себя во многих странах Африки и Латинской Америки. В частности его бойцы, участвовали в ряде акций под руководством Че Гевары.

Однако костяк первого кубинского контингента все же составляли не спецназовцы. Это были советники и инструкторы по боевому применению советского оружия. Среди них преобладали артиллеристы и минометчики, механики-водители БТР, подрывники-саперы, операторы портативных зенитно-ракетных комплексов «Стрела-2». Все они были добровольцами. Многие кубинцы рассказывали мне, что при отборе «желающих помочь ангольским братьям» на Кубе особое внимание обращалось не только на владение военной профессией и физические данные, но и на... цвет кожи. Предпочтение при всех остальных равных параметрах отдавалось неграм. В результате первый кубинский контингент, прибывший в Анголу, в целях маскировки поголовно состоял из афрокубинцев, которые внешне мало, чем отличались от ангольцев.

Кубинские инструкторы рассредоточились среди формирований движения и занимались обучением солдат МПЛА, а спецназовцы стали готовить вокруг Луанды базы для приема оружия и людей с территории Конго.

Одновременно с этим президент Мариан Нгуаби под предлогом защиты от своего заирского визави Мобуту выпросил у Фиделя Кастро целый танковый полк, который был доставлен и разгружен в Поэнт Нуаре. Этот полк, в последствии переброшенный в Анголу, и стал

основой кубинского контингента. К этому времени Луанда была уже целиком в руках МПЛА. Ощущая за своими спинами хоть и небольшой по численности, но боеспособный контингент кубинцев, пользуясь явной симпатией тогдашнего руководителя португальской администрации адмирала Кардозу, который передал значительное количество стрелкового вооружения в распоряжение МПЛА, силы МПЛА выбили вооруженные отряды УНИТА и ФНЛА из города. В создании решающего перевеса над противником сыграли всего лишь три(!) стареньких советских БТР-152, тайно переправленных алжирцами сторонникам А. Нету. Они произвели на унитовцев и сторонников ФНЛА устрашающее действие. Тогда в боях в Луанде погибло несколько сотен человек. В частности, в одном из столкновений 27 июля 1975 года погиб один из основателей ФАПЛА Нелиту Соареш и 20 его бойцов.

По сути дела МПЛА нарушило соглашение, заключенное в городе Алвор, предусматривавшее, что к власти будут приведены представители всех трех движений: МПЛА, ФНЛА и УНИТА. Однако есть свидетельства, что руководство ФНЛА также стремилось устранить МПЛА и единолично провозгласить независимость. В моем архиве есть несколько интересных документов, проливающих свет на взаимоотношения этих движений накануне независимости. Но не буду утомлять читателя, приводя их, поскольку их смысл сводить к взаимным обвинениям и стремлением переложить вину на начавшуюся конфронтацию друг на друга.

Но вернемся к кубинцам. Когда изгнанные из столицы силы оппозиции в лице сторонников лидера ФНЛА Холдена Роберту при поддержке заирских войск двинулись на Луанду, у МПЛА возникла прямая угроза потерять контроль за городом. Вопрос стоял так: кто будет владеть столицей страны к 11 ноября, дате которую ООН

официально определила для провозглашения независимости, тот и станет владеть Анголой.

Вот тогда то кубинцы сделали «коронный ход». Они высадили в Луанде свой десант. В ночь с 4 на 5 ноября 1975 года на трех стареньких самолетах «Бристоль-Британия» национальной авиакомпании «CUBANA» в столицу Анголы был доставлен «ударный» контингент кубинцев в составе 280 человек, который должен был удержать город. Причем решение кубинская сторона приняла самостоятельно, не поставив в известность советское руководство. Возможно, это и был импульсивный шаг Фиделя Кастро, единолично принявшего решение оказать помощь МПЛА. Но не вызывает сомнения, что уже последующие действия четко координировались с советским руководством.

Об этом свидетельствует то, что следующие контингенты кубинских войск переправлялись из аэропорта им. Хосе Марти в Гаване в Луанду уже самолетами «Аэрофлота». Этой операции было даже присвоено специальное кодовое название «Карлотта». В ней, помимо самолетов, участвовали и советские суда. Чтобы создать ударную группировку в Анголе кубинскому и советскому командованию потребовалось всего две недели. К концу ноября 1975 года в стране насчитывалось уже около 2 800 отборных кадровых кубинских солдат и офицеров. В феврале следующего года, когда боевые действия против ФНЛА, УНИТА и поддерживавших их с регулярных частей армии ЮАР, развернулись по всей стране, контингент кубинских войск составлял уже около 12 тысяч бойцов. В дальнейшем численность кубинских войск в Анголе достигла 40 тысяч человек и стабилизировалась. Только в 1987-1988 годах, когда в провинции Кванду-Кубангу развернулись широкомасштабные боевые действия с участием войск ЮАР, контингент кубинских войск был усилен до 50 тысяч человек.

Первое крупное боевое столкновение кубинцев с оппозиционными МПЛА силами произошло 10 ноября 1975 года примерно в двадцати километрах от Луанды в местечке Кифангонду. В ангольской истории эта победа, одержанная объединенными силами МПЛА и кубинских войск над вооруженной оппозицией, состоящей из отрядов ФНЛА подразделений армий Заира и ЮАР и сотни наемников известна как «Битва при Кифангонду». На этом событии я остановлюсь позже подробнее, поскольку, в современной истории Анголы ему придается весьма важное значение.

«Битва при Кифангонду» сыграла решающую роль в том, что именно лидер МПЛА. Агоштинью Нету единолично поднял над Луандой флаг нового независимого государства. Силы ФНЛА были рассеяны, а южноафриканские бронетанковые колонны и основные подразделения УНИТА двигавшиеся с Юга к Луанде уже никак не успевали к официально объявленной ООН дате провозглашения независимости. Дальнейшее их продвижение было остановлено кубинскими войсками. Одним из решающих столкновений между юаровцами и кубинцами стал бой 11 декабря 1975 года недалеко от города Кибала, расположенном в 250 км от Луанды. Через этот населенный пункт проходит трансангольское шоссе, ведущее в Намибию. По нему то и катилась к Луанде одна из колонн армии ЮАР, состоящая из пятидесяти танков, бронемашин и грузовиков с солдатами. Их сопровождало не менее тысячи унитовских солдат. Южноафриканцы, проведя разведку, попытались зайти в тыл кубинскому батальону, прикрывавшему город. Однако их бронетехника наткнулась на позиции кубинской противотанковой батареи. В неравном бою пало 33 воина-интернационалиста. Кубинцы, перегруппировав силы, отразили наступление и нанесли мощный удар по южноафриканцам и унитовцам. В том бою погиб командующий

кубинскими войсками в Анголе генерал Рауль Диас Аргуэльяс. Он был сподвижником Че Гевары, стоял у истоков кубинского проникновения в Африку. Аргуэльяс участвовал в миссии Че Гевары в Конго, готовил партизан ПАИГК в другой португальской колонии - Гвинее-Бисау. В боях за Кибалу кубинские военнослужащие захватили двух первых пленных южноафриканцев. Лидеры МПЛА позже предъявили их на сессии Организации африканского единства, состоявшейся в Аддис Абебе, в качестве доказательства «не спровоцированной агрессии ЮАР против суверенного африканского государства», чем склонили мировое общественное мнение на свою сторону.

Еще одно сражение с южноафриканцами и частями УНИТА произошло 17 декабря 1975 года под населенным пунктом Села (Ваку Кунгу). В западной историографии это и последующие столкновения известны как «Сражение у двенадцати мостов». В нем кубинцы задействовали помимо танков Т-34 нескольких машин Т-54, доставленных из СССР, а также вертолеты Ми-8 с подвешенными блоками НУРС, установки БМ-21 «Град» и дальнобойные 122 мм гаубицы Д-30. В ожесточенном сражении под Селой кубинцы действовали не поначалу столь успешно, но им все же удалось одержать победу при помощи прибывшего подкрепления. В этих боях погибло несколько сотен человек, а шестнадцать кубинских солдат попало в плен к унитовцам. Военнослужащим армии ЮАР удалось захватить несколько образцов современного советского вооружения, которые лидеры УНИТА представили в городе Лузу (ныне Луэна) на пресс-конференции как доказательство вмешательства СССР во внутренний конфликт в Анголе.

После боев под Селой кубинцы усилили свою группировку и продолжили наступление. Вскоре стало ясно, что решающее слово

остается за МПЛА и кубинскими войсками. Кубинская военная машина мощным катком неудержимо теснила врага на Юг. 8 февраля 1976 года был освобожден второй по величине город Анголы Уамбу. Лидер УНИТА Жонас Савимби, потеряв в ожесточенных боях за него около 600 своих отборных бойцов, понял, что на помощь ЮАР рассчитывать уже не приходится. Он приказал своим сторонникам перейти к партизанским действиям. К началу марта 1976 года все было кончено. ЮАР вывела свои войска из страны. ФНЛА, как политическая и военная организация, практически прекратила свое существование, а лидер УНИТА со своими ближайшими сторонниками скрылся в лесах Байлунду зализывать раны. Забавно было читать в официальной ангольской газете «Жорнал де Ангола» как «доблестные войска ФАПЛА громят отборные, регулярные части расистской армии». Формирования ФАПЛА безусловно участвовали в боях, но решающее слово оставалось за кубинскими частями.

Можно только гадать, сколько бы продержались без помощи ЮАР и Заира формирования Х. Роберту и Ж. Савимби, насчитывающие к тому времени не более 4-5 тысяч разутых и раздетых солдат. (Лидер ФНЛА Холден Роберту так и заявил американцам: «Если вы сможете обуть моих солдат, то они пойдут за мной...», но американцы этого сделать так не смогли). Скорее всего, они не смогли бы продержаться под ударами «кубинских интернационалистов» и нескольких недель. Официально считается, что последний южноафриканский солдат покинул Анголу 27 марта 1976 года, хотя основные части армии ЮА были выведены из страны еще в январе-феврале.

Рядовых погибших кубинских солдат и офицеров на родину не отправляли, хоронили здесь же. Практически по всей Анголе, «от Кабинды до Кунене» (Кабинда – самая северная провинция Анголы, а по реке Кунене проходит южная граница государства) разбросаны

кубинские военные кладбища. Самое крупное из них сиротливо спряталось на территории бывшей кубинской военной миссии «Кинта Роза Линда» под Луандой. Точные данные о потерях кубинской стороны в ангольском конфликте никогда нигде не публиковались. По оценке командования кубинской военной миссии на февраль 1984 года в Анголе погибло более 800 солдат и офицеров. Об этом свидетельствовал советский главный военный советник генерал-полковник К. Я. Курочкин, находившийся в доверительных отношениях с кубинским военным командованием. Тем не менее, оценка эта представляется несколько заниженной. Учитывая тяжелые столкновения с унитовцами и южноафриканцами в последующие годы, общие потери кубинского военного контингента к моменту вывода войск Кубы из Анголы в 1991 году превысили три-три с половиной тысячи человек.

По началу кубинцев, захваченных в плен, повстанцы УНИТА и ФНЛА просто убивали. Члены организации Холдена Роберту, печально прославившиеся своей жестокостью, вырывали еще живым людям сердце и печень. «Армия» Жонаса Савимби в отместку за поражение под Уамбу в конце войны зверским образом казнила тех самых шестнадцать кубинских солдат захваченных в плен в ходе боевых действий. Они были все обезглавлены, тела их растерзаны и сожжены. Во время церемонии, происходившей в горах Байлунду, над прахом кубинских добровольцев плясал ангольский шаман, призывая духов племени овимбунду покарать «чужеземцев, которые помешали их вождю одержать победу».

В глазах международной «белой» общественности такое отношение к пленным представлялось жестоким и бесчеловечным. Для многих же африканцев в таких действиях по отношению к врагам не было ничего необычного. Дело в том, что традиции народностей,

населяющих Анголу, просто обязывали к подобной жестокости. У многих групп баконгу и овимбунду убийство соплеменника, например, наказывалось сожжением заживо на костре. А достойного охотника у многих племен награждали сердцем и печенью убитой им добычи. А ведь война – это тоже своего рода охота.

Однако позже отношение к пленным изменилось. С их помощью лидер УНИТА Жонас Савимби пытался получить политические дивиденды. Пленных и тех, кто перешел на сторону УНИТА «добровольно» предъявляли на пресс-конференциях, как доказательство «кубинской экспансии». О кубинцах, не выдержавших издевательств и согласившихся сотрудничать с унитовцами известно лишь то, что их были единицы. О двух таких людях, с которыми он встретился в южноафриканском плену, упоминает в своих воспоминаниях Федор Пестрецов. Но, и они, не выдержав бремени предательства, позже покончили с собой в южноафриканских застенках. Многим пленным кубинцам повезло больше. Их в дальнейшем обменивали на южноафриканцев, захваченных правительственными войскам. Так, унитовцы поступили, например, с подполковником Мануэлем Рокасом Гарсия и капитаном Рамосом Какадосом, чей учебно-боевой МиГ-21 был сбит унитовским «Стингером» под городом Луэна в 1986 году.

Масштабы присутствия кубинцев в Анголе впечатляли. Их авиация и зенитно-ракетные комплексы и бронетанковые, моторизованные части прикрывали аэродромы, важные промышленные объекты, мосты и дороги. В городе Матала, например, где расположена крупная ГЭС, снабжавшая электричеством половину провинции Уила, была расквартирована кубинская танковая бригада, насчитывающая в своем составе более 100 танков Т-55 и Т-62. При угрозе городу и электростанции, на которой работало несколько десятков советских гражданских специалистов, она была готова в кратчайшие стоки

развернуться в боевые порядки и отбросить вторгшиеся южноафриканские части вплоть до границы с Намибией. Другие крупные группировки кубинских войск (поместным масштабам, разумеется) были сосредоточены на основных направлениях возможного вторжения агрессора - ЮАР.

Это собственно и было основной причиной, призванной оправдать перед ООН присутствие на территории суверенной страны войск другого государства. Однако кубинцы вмешивались в ситуацию при малейшей опасности для режима МПЛА: будь то всплеск активности партизан УНИТА, или попытка государственного переворота в мае 1977 года, предпринятая крайне левой фракцией в руководстве МПЛА во главе с членами политбюро МПЛА Ниту Алвешем и Зе Ван-Дуненом. Тогда растерявшееся ангольское правительство Агоштиньо Нету спасли только введенные в столицу кубинские танки.

Кстати после этого случая президентов Анголы стал охранять только кубинский спецназ. Местным солдатам эту миссию не доверяли. Причем, в личную охрану Агоштиньо Нету, а затем и сменившего его на этом посту Эдуарду душ Сантуша, подбирались только афрокубинцы, которых издали невозможно было отличить от ангольцев. Делалось это для того, чтобы избежать обвинений в «отсутствии патриотизма». Кубинцы охраняли внутренние покои президентского дворца, его загородную резиденцию, сопровождали президентский кортеж при выездах в город. Подчинялся командир спецназа только двум лицам: Президенту Анголы и кубинскому лидеру Фиделю Кастро.

Приведя МПЛА к власти в стране, кубинское военное руководство поняло, что Ангола может служить прекрасным полигоном для обучения солдат и офицеров острова Свободы. Прибывающие с Кубы молодые военнослужащие могли, не считаясь с авариями и поломками, осваивать советскую боевую технику, поставленную для ФАПЛА.

Расчеты зенитно-ракетных комплексов, особенно не жалея ракет, проводили регулярные боевые стрельбы. Кубинские летчики, повышая свое летное мастерство, откровенно «выбивали ресурс» у ангольских самолетов и вертолетов. Боеприпасы, топливо и запасные части при этом списывались «на борьбу с бандитами УНИТА» и безропотно оплачивались ангольской стороной.

Командир кубинского авиаполка в Луанде полковник Салинес как-то хвалился мне, что благодаря «ангольским» курсам кубинские ВВС получили не один десяток подготовленных пилотов. В результате, когда в начале 80-х на родину прибыли первые окончившие советские училища ангольские летчики на самолеты МиГ-21, то оказалось, что летать им практически не на чем. Несколько десятков машин этого типа, поставленных ранее из СССР в Анголу, требовали капитального ремонта двигателей. В дальнейшем ангольцы стали «умнее» и потребовали разделить технику на «ангольскую» и «кубинскую».

К «своему» же имуществу, кубинцы относились чрезвычайно бережно и умудрялись годами эксплуатировать старое вооружение и технику. Кстати по существовавшему тогда межправительственному соглашению вся кубинская военная техника, поставленная в Анголу с Кубы подлежала замены на более современную советскую. Тем не менее, привезенные с Кубы советские «ЗИЛы» и «ГАЗки», несмотря на преклонный возраст, исправно бегали по дорогам Анголы не один год. Ангольцы же умудрялись в считанные месяцы «раздолбать» и надежнейшие шведские «Вольво» и мощные советские «Уралы». В 1989-1991 годах, когда Куба в соответствии с международными соглашениями стала выводить свои войска из Анголы, кубинцы правдами и неправдами стали вывозить все, что попадалось под руку. По ночам грузили в порту на свои корабли ящики с запчастями и оборудованием. Умудрились даже, разобрав на части, тайком вывезти

несколько самолетов МиГ-21 и МиГ-23. И это несмотря то, что Фидель Кастро приказал оставить всю технику ангольцам.

«Ратный труд» основной массы кубинцев в Анголе оплачивался более чем скромно. Рядовые кубинские солдаты, выполняя «интернациональный долг», помимо бесплатного питания, довольствовались двумя пачками низкосортных сигарет в день и бутылкой рома на 5-6 человек по праздникам. То, что удавалось скопить, переправляли на Кубу. Конечно, у кадровых кубинских офицеров и летчиков существовала система надбавок, которые выплачивались кубинским военнослужащим по приезду на родину. Но эти суммы ни в какое сравнение не идут с «валютными» окладами советских советников и специалистов, ни тем более с суммами, выделенными из бюджета ЦРУ наемникам Холдена Роберту и Жонаса Савимби. Например, двадцати двум французам, завербованным ЦРУ в 1975 году для ФНЛА было заплачено за шесть месяцев в общей сложности более 500 тысяч долларов. А вот, сколько десятков миллионов долларов сэкономила Куба на льготных поставках ангольской нефти, в обмен на «интернациональную помощь» своих солдат, вероятно, никто никогда не узнает.

Отношения между ангольцами и кубинцами были не так просты, как может показаться на первый взгляд. Они простирались в достаточно широком диапазоне, начиная от неизменных заверений в вечной дружбе до политики «холодного нейтралитета». На высшем партийном и государственном уровне и на совместных «политико-культурных» мероприятиях все обстояло абсолютно пристойно. Взаимные признания в интернациональной солидарности, любви и преданности. Когда в 1978 году Фидель Кастро приехал в Анголу с визитом, его буквально носили на руках. В аэропорту кубинскую делегацию приветствовали тысячные толпы ангольцев, многочисленные представители общественных

организаций: пионерских, женских, профсоюзных, которые с умиленными улыбками забрасывали кортеж цветами. Луандские газеты, радио и телевидение публиковали и передавали бравурные репортажами о нерушимости анголо-кубинского союза и вечной благодарности Фиделю Кастро и руководству кубинской коммунистической партии за «неоценимую интернациональную помощь».

Однако на уровне, где решались практические вопросы, все шло не так гладко. Кубинцы вели себя в Анголе скорее как хозяева, а не как гости. Например, в 1976 году, когда на базе ВВС Луанды разместился кубинский смешанный авиационный полк, кубинцы сразу забрали себе все лучшие помещения военной инфраструктуры, оставленные португальцами. Казармы, штаб базы, топливные хранилища, ангары для проведения ремонтных и регламентных работ и т. д. Причем, привыкшие в любых ситуациях обустроиваться всерьез и надолго, они привели их в образцовый порядок. Отремонтировали (естественно за счет ангольцев), установили взамен испорченного и разграбленного новое оборудование и, главное, содержали все в чистоте и порядке.

По этому поводу между ангольцами и кубинцами периодически возникали определенные трения. Например, в 1980 году по рекомендации советских советников ангольское командование хотело было разместить на базе в Луанде школу младших специалистов радиотехнических войск. Но помещения по нее были заняты кубинцами. Возник конфликт. В результате советнический аппарат «выдал рекомендацию»: переместить школу в другую провинцию, что было не совсем удобно и обосновано. Затем разгорелись «прения» по поводу использования открытого кинотеатра на базе. (База строилась португальцами по натовским стандартам и имела все необходимые капитальные строения). Кому-то из ангольского начальства показалось, что кубинские военнослужащие ущемляют их права: их слишком много

и в кинотеатре не хватает мест. В ответ кубинцы поступили просто: построили своими силами, но за счет ангольцев, свой собственный кинотеатр. Он был, хотя и меньше по размерам, но зато функционировал исправно: каждый день, кроме понедельника и четверга в нем демонстрировали фильмы, в основном советские, с субтитрами на испанском и португальском языке. Ангольский же кинотеатр после ухода кубинцев проработал ровно неделю: по небрежности кинотехника-ангольца сгорела киноустановка. По вечерам ангольские солдаты толпой ломались в кубинский кинотеатр на фильм, но выставленные вооруженные патрули кубинской военной полиции их решительно отсеивали: мол, у вас свой есть. наших советников и специалистов пропускали беспрепятственно, уступая им самые лучшие места в первых рядах. Аналогичным образом ангольцами были «загублены» душевые и туалеты. Как только кубинцы ушли, тут же засорилась канализация (заметим, работавшая до этого момента абсолютно исправно).

Спустя пару лет, на базе ВВС образовались две дублирующие друг друга структуры: ангольская и кубинская. Отдельные автопарк, мастерские, прачечные, рукомойники, туалеты и даже... два спортивных стадиона – кубинский и ангольский. Только у кубинцев все функционировало, а у ангольцев прибывало в полном запустении...

Решительно и бескомпромиссно действовали кубинцы в случаях, когда ангольская сторона, по их мнению, в чем-то ущемляла их интересы или не полностью обеспечивала в соответствии с условиями пребывания войск в стране. Причем, даже тогда, когда речь шла не только об обеспечении боевых действий, оружия и боеприпасах, запасных частях и т. д. Как-то пивоваренные заводы в Луанде встали из-за отсутствия хмеля, импортируемого из-за границы. А на носу у кубинцев был национальный праздник «День штурма казарм Монкады».

По этому поводу планировалось грандиозное торжество. А какой же кубинский праздник без пива?! Полковник Салинес тут же явился в кабинет командующему ВВС и ПВО и корректно, но решительно потребовал «обеспечить его солдат и офицеров всем необходимым для «фиесты». Никакие аргументы ангольской стороны, в т. ч. отсутствие денег на расчетном счету у служб тыла ВВС, ссылки на экономические трудности в стране на него не действовали. В результате на следующий день по приказу командующего были отменены два рейса грузовых ангольских Ан-26, спланированных в одну из «воюющих» провинций. Вместо этого самолеты отправились в Уиже за пивом к кубинскому празднику.

Многие кубинские солдаты и офицеры осуждали ангольцев за леность и неспособность «к революционному порыву и самопожертвованию». Открыто этого, конечно, никто не высказывал. Но в разговорах с нами это неизменно проскальзывало. Видимо этот фактор сыграл решающую роль в том, что кубинцы не прижились в войсках ФАПЛА как военные советники. Они были импульсивны, нетерпеливы и не привыкли подолгу и несколько раз объяснять одно и то же. Многим из них было проще самим сделать то, что нужно, а не тратить время и усилия на вдалбливание в голову ангольцев необходимых сведений.

«Русский, кубинец – дружба на век»

Наши же отношения с кубинцами всегда были сердечными. Причем, чем ниже был ранг, тем больше проявлялось доверительности и откровенности. Характерным жестом кубинцев, когда они хотели продемонстрировать крепость нашей дружбы, были намертво сцепленные указательные пальцы рук и одновременно произносимая

фраза: «Русский, кубинец – дружба на век». При проезде кубинских постов достаточно было помахать рукой, сказать «советико» и машина беспрепятственно пропускалась. Причем, это касалось не только военных советников в форме, передвигавшихся на машинах с желтыми номерами серии «CD» министерства обороны Анголы. Любым гражданским автомобилям, принадлежащим посольству, торгпредству или ГКЭС, том числе и транспорту ПМТО с так и не замененными на ангольские советскими номерами с русскими буквами «СП» (!) кубинские часовые давали «зеленую улицу». Впрочем, даже если бы мы и захотели бы, то никаких других документов, кроме пресловутого «сертификаду» с фотографией в гражданке и надписью, что «предъявитель сего является гражданином СССР, паспорт которого находится на хранении в посольстве», показать бы не смогли. Но о «документальном» обеспечении нашей советнической деятельности разговор особый: практически никаких документов, свидетельствующих о законном пребывании в стране, советские советники НЕ ИМЕЛИ!

В советском посольстве при сдаче загранпаспорта выдавался этот самый «сертификаду», представлявший собой маленькую книжицу из двух страниц, выполненной на плохой бумаге с грамматическими ошибками в тексте на португальском языке. Использовался он в основном при проходе в нашу миссию: чисто формально предъявлялся кубинским часовым. Служба безопасности кубинцем периодически проставляла на этих документах какие-то «секретные» знаки: изображения кошек, то собак, для того, что бы, якобы, отсеять настоящих «советико» от т. н. мнимых.

Тем не менее, как это ни странно, в Анголе существовала реальная документальная база обеспечения законного пребывания в стране. Но советские военные советники в эту систему почему-то не попадали. Целое министерство Анголы «по кооперации и сотрудничеству с

иностранными государствами» только и занималось тем, что выдавало законно въехавшим в страну иностранцам, документы на право пребывания в стране. Но наши советники об этих легальных документах ...даже не знали. Почему? Ведь они не только легализовали их пребывание в стране, но и предоставляли ряд льгот по продовольственному обеспечению «иностранных кооперантов». Причем, ангольские власти никакой разницы в между военными, или гражданскими иностранными специалистами не усматривали. Все дело было в наших внутренних инструкциях. Ну, представьте, что захваченный в южноафриканский плен прапорщик Пестрецов вместо «сертификаду» с непонятным статусом имел бы реальное удостоверение ангольского Министерства по сотрудничеству, свидетельствующее о том, что перед ними **«иностраный специалист, работающий по контракту с Минобороны на местную сторону в области вооруженных сил»**. Вот тогда был бы точно скандал.

Дело, вероятно, было в том, что в удостоверениях, выдаваемых ангольским министерством, было бы точно сказано, кем является данный человек: сельхозработником, специалистом по рыбному хозяйству и т. п., и где он работает. Однажды, ради интереса, мы заехали в офис министерства и поинтересовались, а можно ли нам, военным ВВС ПВО получить такие удостоверения. Ответ ангольского чиновника был: «Без проблем, хоть сейчас». Мы с моим коллегой Федором Жаворонковым, сфотографировавшись на «Полароид» тут же получили свидетельства того, что мы находимся на ангольской земле совершенно легально, являемся специалистами при ВВС и ПВО Анголы и вдобавок можем пользоваться специальными продовольственными магазинами для иностранных специалистов. Точно такие же удостоверения на абсолютно законных основания получили наши жены.

Слух о том, что переводчики ВВС и ПВО получили якобы «незаконно» какие-то «продовольственные карточки» тут же был распространен по военной миссии «доброжелателем». Главный военный советник на утренней разборке публично разоблачил старших лейтенантов С. Коломнина и Ф. Жаворонкова, и приказал полковнику Савельеву пресечь незаконную деятельность «переводяг ВВС». Что в этом было плохого, я так и не понял, но до сих пор храню эти «незаконные», с точки зрения наших кадровиков документы в своем архиве.

Но вернемся к кубинцам. В своем подавляющем большинстве они были африканского происхождения т.е. чернокожие. Были, конечно, и мулаты, и даже кубинцы в облике которых угадывались индейские черты лица. Но, самое удивительное, что, встретив на улице Луанды или другого города африканца, сразу можно было определить, что перед тобой кубинец. Даже после того, как кубинские войска перешли со своей полевой, оливкового цвета формы, на камуфляж ФАПЛА не узнать «кубанос» было практически невозможно. И дело отнюдь не в языковых различиях.

В их выражении лица, манере двигаться, жестикулировать было что-то такое, что коренным образом отличало их от ангольцев. Ну, а если и были сомнения, то они развеивались тот час, когда «кубанос» открывал рот. Кубинцы никогда, ни под каким видом даже не пытались говорить по-португальски. У переводчиков того периода даже существовал такой термин «портуньо́л». Он означал совершенно дикую смесь португальского и испанского языков, на которой «осуществлялась коммуникация» ангольцев и кубинцев. Но употребляли ее только советские переводчики и ангольцы. Кубинцы никогда не опускались до этого. Они всегда говорили только на испанском. Вернее «на кубинском». Поскольку фонетические и, в определенной степени,

лексические отличия кубинской речи от натуральной кастильской были более чем ощутимы.

За пять лет моего пребывания в Анголе в «идентификации» кубинцев я ошибся только один раз. Где-то в году 1978-м в одной из поездок по пригороду Луанды мы заблудились и выехали к объекту, охраняемому здоровенным негром, вооруженным автоматом Калашникова.

По виду он был типичным ангольцем, одетым в фапловскую камуфлированную форму, но без знаков различия. Каково же было мое удивление, когда в ответ на мою просьбу показать дорогу, произнесенную, естественно по-португальски, я услышал испанскую речь. Как позже выяснилось, это был въезд в загородную резиденцию президента Анголы, охраняемый кубинским спецназом, замаскированным «под ангольцев».

При всей бедности кубинцев, они готовы были поделиться с нами последним, причем не только тем, что им принадлежало. Идя на жертвы, отдавая свои жизни во имя «светлого будущего Анголы», многие из них не считали зазорным брать у ангольцев и то, что «плохо лежит» и не только...

«Компаньерос кубанос», трудившиеся на базе ВВС в Луанде, частенько приглашали нас по субботам на «фиесту» с жареным поросенком и огромным количеством пива. Причем, и то, и другое в условиях всеобщего местного дефицита считалось, чуть ли не роскошью. На вопрос, откуда такое богатство, они, смеясь, отвечали, что, мол, местные снабжают. Причем, в отношении пива, это было правдой. Протокольному отделу, обслуживавшему прилетавший два раза в неделю из Гаваны Ил-62 авиакомпания «CUBANA», полагалось за счет ангольской стороны несколько десятков ящиков пива. А вот, что

касается поросят, то их происхождение выяснилось при весьма неприятных обстоятельствах.

Переводчикам ВВС и ПВО повезло. Мне и моему коллеге Федору Жаворонкову в наследство достался «внештатный» транспорт – «джип» индийского производства, типа американского «Виллиса» времен второй мировой войны. Когда-то он принадлежал кубинцем, но веселый инструктор по боевому применению ЗРК «Стрела» группы ВВС и ПВО киевлянин Женя за какую-то услугу получил его в «безвозмездное пользование». Джип был латанный-перелатанный, но бегал резво. Машина эта, предмет зависти других луандских переводчиков, была известна, пожалуй, всему городу. Огненно красного цвета, с характерным закрытым кузовом «фургон», он был заметен издалека. Это была, пожалуй, единственная «иномарка» (не считая «мерседеса» и «рейндж-ровера» главного военного советника) в автопарке советской военной миссии. Наши советники ездили сплошь на «Волгах» и «уазах».

Кубинцы периодически просили у нас внедорожник. Конечно, давали, о чем разговор! Мы же - братья, друзья. Брали они машину обычно на ночь, а утром возвращали. Процедура была четко отработана, ребята из «протокола» просто пригоняли «тачку» к дому советников и оставляли ключи под сиденьем в заранее условленном месте. Как-то, в очередной раз, одолжив кубинцам «джип», утром спускаюсь вниз и осматриваю машину. Это было обязательной процедурой: советнические «волги» и «УАЗы» в Луанде не охранялись и ночью вполне могли подложить какую-нибудь гадость. Так, однажды советник начальника связи ВВС и ПВО полковник Баськов обнаружил утром к кабине своего «УАЗика» гранату-лимонку на растяжке....

И вдруг во время осмотра машины на бампере (в его качестве выступала мощная балка, из куска железнодорожного рельса) обнаруживаю свежие следы крови. Воображение тут же рисует

дорожное происшествие, наезд и т.п., отправку в Союз « в 24 часа» (машина приметная, пойдя докажи, что не ты сидел за рулем). Как в тумане, еду к кубинскому «протоколу». Ребята еще не проснулись. С трудом расталкиваю своего тезку, которому вечером отдал машину - «компаньеро» Серхио. «Что-нибудь произошло ночью?». «Ничего, все в полном порядке, - отвечает кубинец. Или машина неисправна?». Что-то мямлю по поводу остатков крови на бампере... «А, это? Ну, ты извини, забыли стереть», - абсолютно спокойно, зевая, отвечает кубинец. «Что!!! Кого сбили?!». «Как, кого? - удивляется Серхио, свинью, конечно. Ты же с Федором придешь сегодня вечером на «фиесту?»».

Все выясняется довольно быстро. Оказывается, кубинцы использовали наш «джип» для ночной охоты на... местных свиней. Пикантность ситуации заключалась в том, что свинки то были домашние. Ангольские крестьяне не держат этих животных, кстати, все они исключительно черного цвета, в загонах. Хрюшки сами по себе бродят по деревне в поисках пропитания. Пользуясь этим, кубинцы выезжали в близлежащую деревню, ослепляли животного фарами и затем давили его (вот для чего нужна была мощная чугунная балка бампера нашего «джи́па»), быстренько грузили его в кузов и... «фиеста» обеспечена. Наш юркий внедорожник идеально подходил для такого рода охоты, ибо тот же «УАЗик» имел слишком высокую «посадку» и слабенький бампер. Местные крестьяне, для которых свиньи часто были единственным средством дохода, люто ненавидели кубинцев за эти проделки, но сделать ничего не могли: сильный всегда прав.

Вечерний праздник удался на славу. Заваленная пошедшей ночью хрюшка потянула килограмм на пятьдесят, а пива было вдоволь. Народу собралось человек тридцать. Но только кубинцы и мы. Ангольцев на такие «интимные» мероприятия не приглашали. «Кубонос», кстати, большие мастера по части приготовления свинины. Ту свинью они

зажарили целиком и подали с рисом, сваренным в шафране. Это, по настоящему деликатесное блюдо я вспоминаю до сих пор. Наша доля, как всегда состояла из нескольких бутылок водки «Столичная» и столь любимого Серхио соуса, который я по своему рецепту готовил из помидоров и огнедышащего ангольского перца джиндунгу.

Чтобы не создалось превратного представления о наших гастрономических изысках, скажу, что такие праздники были скорее исключением, чем правилом. Кубинские и ангольские военнослужащие питались в основном рисом, фасолью и рыбой и, весьма в ограниченных количествах. Мясо на столе считалось для них большой удачей. А в отдаленных гарнизонах ангольских солдат часто совсем не кормили, те довольствовались «подножным кормом», который состоял из кукурузных или маниоковых лепешек и маниоковой же каши на воде.

СССР, сам в ту пору испытывающий трудности с продовольствием, ни ангольскую, ни кубинскую армию накормить был не в состоянии. А редкие советские поставки круп, сгущенного молока и консервированного мяса изменить ситуацию, конечно, не могли. Как-то на базу ВВС завезли несколько тонн поставленной из Союза гречки, но ангольские солдаты отказались употреблять в пищу этот диковинный для них продукт. Мешки с гречневой крупой, которую местные окрестили «советским рисом» так и провалялись на складе, пока ее не сожрали крысы.

«Миг», «Калашников» и «Град»

Как-то один высокопоставленный ангольский военный, посетивший СССР уже на закате советско-ангольского военного сотрудничества в конце 90-х годов XX века сказал мне, что самые популярные русские слова в ангольской армии – это те, которые

образованы от аббревиатур названий советской боевой техники: «миг», «акм», «тзм» и т. д. Ангольцы начали воевать русским оружием, они продолжают воевать с ним и теперь, несмотря на почти десятилетний перерыв в наших отношениях. Точные данные о поставках советской боевой техники» ангольской стороне в 1975 - 1991 годах остаются секретными. Срок давности по таким сведениям составляет не менее 30 лет. Поэтому, даже сейчас кропотливый исследователь, взявший на себя задачу описания истории помощи молодому государству, столкнется с массой проблем по публикации этих данных в открытой печати. Тем не менее, при условии обладания некоторыми аналитическими способностями, сведения о масштабах советской помощи Анголе можно извлечь из открытой советской и ангольской печати, западных публикаций, воспоминаний очевидцев.

По самым минимальным прогнозам, советская военная помощь Анголе с 1974 по 1991 годы оценивается в гигантскую по тем временам сумму в 3-4 млрд. долларов США. Так ее оценили западные исследователи, привыкшие к определенным критериям. Современный танк – 2-5 млн. долларов, самолет-истребитель – 10 млн. и т. д. Согласно советской шкале оценок того времени, выражавшейся в не существовавших реально «инвалютных рублях», она может быть и другой. Поэтому, чтобы понять реальные масштабы советских военных поставок в Анголу необходимо обратиться к цифрам.

Сразу оговорюсь, это данные без учета поставок до апреля 1976 года, уже приводимых ниже. Также не учитываются прямые поставки кубинской стороне. Дело в том, что вся кубинская техника, перевезенная в Анголу с острова Свободы по соглашению возмещалась советской стороной Кубе на более современную. Поэтому кубинцы поначалу воевали в Анголе основном на танках Т-34, но потом им пришлось

перейти на Т-54 и даже Т-62. Часть этой современной боевой техники доставлялась с Кубы, а часть - напрямую из Союза.

По моим оценкам после за пятнадцать лет советско-ангольского военного сотрудничества, плавно сведенного на нет в начале 90-х годов XX века, из СССР в для сухопутных частей ФАПЛА было поставлено не менее 500 танков Т-54 Т-55, более тысячи единиц БТР-152, БТР-60ПБ, БРДМ-2, БМП-1. Плавающих танков ПТ-76 не менее 200 шт, а также около 600 единиц артиллерийских систем: 122 мм гаубиц Д-30, пушек Д-85 и других орудий. Продолжились и поставки хорошо зарекомендовавшими в условиях Анголы реактивных систем залпового огня (РСЗО) БМ-21 «Град». Их было завезено не менее 400 штук. Не испытывали недостатка части ангольской правительственной армии и в минометах. Мощных полковых, 120 мм, составлявших основу артиллерии пехотных бригад, было поставлено более 600 шт., а менее мощных, но не менее эффективных минометов калибра 83 мм более 1000 единиц.

Ввиду превосходства южноафриканской авиации, большое внимание уделялось поставкам средств ПВО. В этот период ФАПЛА получили более 600 зенитно-артиллерийских установок различных типов (ЗИС-3-76, ЗПУ-1, ЗГУ-1, ЗСУ-23-4 «Шилка», ЗУ-23-2). По мере того, как Ангола втягивалась в прямое противостояние с регулярной армией ЮАР, в частях ФАПЛА появились и самые современные по тому времени средства. В первую очередь это был стационарный комплекс ПВО С-125 «Печора». По два дивизиона были развернуты в 1980 -1982 гг. вокруг городов Лубангу и Мосамедеш (Намиб). Позднее в Анголу начал поставляться мобильный комплекс ПВО «Куб» (экспортный его вариант именовался «Квадрат»). Кроме того, для защиты пехотных бригад от нападения с воздуха было поставлено несколько тысяч ПЗРК «Стрела-2», «Стрела-3», «Игла-1» и несколько десятков мобильных

комплексов: «ОСА» различных модификаций, «Оса-АКА» и «Стрела-10». Не испытывали недостатка пехотные части правительственных войск и в оружии «поля боя». Например, автоматических гранатометов АГС-17 «Пламя» было поставлено более тысячи штук, а количество завезенного в Анголу стрелкового оружия: АКМ, РПК, противотанковых ручных гранатометов, мин всевозможных систем, ручных гранат и боеприпасов ко всем системам оружия просто не поддается учету. Что касается средств транспорта, то только для военных нужд в этот период было поставлено в Анголу несколько десятков тысяч грузовиков ГАЗ-66, ЗИЛ-130, ЗИЛ-131, Урал, КРАЗ, КАМАЗ и легковых вездеходов УАЗ-469.

Не менее значительны были и поставки авиационной техники. На смену допотопным истребителям МиГ-17 (12 штук), служившим в основном учебным целям, пришли не утратившие своей актуальности в тех условиях МиГ-21ПФМ, и МиГ-21Бис (20 единиц). Затем на вооружение ВВС Анголы поступили и самые современные советские боевые машины МиГ-23МЛ. Они превосходили по своим летным возможностям истребители Мираж-F1Z, стоявшие на вооружении ВВС ЮАР. Их, начиная с 1984 г., общей сложности было поставлено не менее 30 штук. В 1984-1985 годах в ангольские ВВС получили 12 легких фронтовых бомбардировщиков Су-17 (Су-22), а в 1986-1987 годах к ним добавились 12 штурмовиков Су-25 и 12 и Су-22М4. В 1982-1983 годах в связи с резким обострением обстановки в Анголу начались срочные поставки бронированных вертолетов огневой поддержки сухопутных войск Ми-24. Первая партия из 12 штук была собрана в середине 1983 года. Однако к концу 1985 года в интенсивных боях с южноафриканцами и унитовцами все они были выведены из строя. В 1986 году СССР поставил для ФАПЛА более 30 новых машин Ми-24 и Ми-35. Транспортно-боевых вертолетов Ми-8 и Ми-17 за весь период

советско-ангольского сотрудничества их было передано ангольской стороне не менее ста машин.

Кроме того, по сообщениям южноафриканской печати, УНИТА в 1999 году закупила на деньги, полученные от контрабанды алмазов, до 9 машин Ми-24. Они были поставлены для Савимби из Украины через Уганду. Их обслуживали украинские техники, летчики также, видимо, были украинцами. Однако участия в боевых действиях эти вертолеты почти не принимали. По состоянию на 2002 год на вооружении правительственных ВВС Анголы находилось на менее 20 истребителей Миг-21, 15 истребителей Миг-23, 18 фронтовых бомбардировщиков Су-22 и 8 штурмовиков Су-25. Вертолетный парк ангольских войск состоял из двух десятков вертолетов Ми-24, 22 машин Ми-8 и 12 Ми-17. Кроме них в ВВС Анголы насчитывается около 20 легких вертолетов «Алуэтт» французского производства.

Транспортная авиация Анголы состояла из транспортно-десантных машин Ан-26, в различное время поставленных из СССР (около 12 единиц), а также нескольких американских «Геркулес» Си-130 и «Боинг» 737, выполнявших задачи в интересах ФАПЛА. Однако главной «ударной силой» транспортной авиации народной Республики Ангола стали советские военно-транспортные самолеты Ан-12 и Ил-76. Это было, пожалуй, главным достижением правительства Жозе Эдуарду душ Сантуша. В стране с крайне неразвитой транспортной инфраструктурой, где, по сути, отсутствует железнодорожное сообщение, связь между провинциями осуществлялось только самолетами. Регулярные авиарейсы имели решающее значение для консолидации нации и веры населения в ее руководителя. Пассажирское сообщение, худо, бедно обеспечивала национальная кампания ТААГ с ее самолетами «Боинг» 737. А вот грузовые перевозки, начиная с середины 80-х годов, практически полностью обеспечивала советская военно-транспортная

авиация, летавшая, правда, под флагом «Аэрофлота». С 1980 года в стране работали, сначала два, потом четыре Ан-12, подчинявшиеся советскому главному военному советнику. По мере втягивания СССР в ангольский конфликт количество транспортных машин авиационного отряда ВВС СССР в Анголе постоянно увеличивалось, и к 1990 году достигло восьми Ан-12 и четырех Ил-76. Их ежедневные рейсы из Луанды во все провинции обеспечивали не только весь объем транспортных перевозок ФАПЛА, но и значительную долю гражданских нужд страны. С 1995 года в Анголе под эгидой ООН работала российская вертолетная эскадрилья в составе 8 вертолетов Ми-8МТ, которая за несколько лет перевезла более 12 тыс. человек из состава миротворческих сил ООН и около 400 тонн грузов.

Замечу, что транспортные самолеты, находившиеся в Анголе, стали основой для создания многочисленных частных авиаперевозочных фирм после ухода из страны советского военного советнического аппарата. Кому-то в Генштабе пришла в голову плодотворная идея: чего гонять обратно уже почти выработавшие свой ресурс самолеты. Давайте оставим их в Анголе, (акционируем, приватизируем, сдадим в аренду, лизинг и т. п.). А министерство обороны будет получать законную прибыль, и хоть таким образом возместит свои прежние расходы. На деле значительная часть прибыли, правда, почему-то потекла не в госказну, а в карманы особо приближенных к ней генералов. Тем не менее, реальную помощь, оказавшемуся в труднейшем положении ангольскому правительству после ухода СССР трудно переоценить. И пускай ангольцы помнят об этом!

Советский план строительства современных вооруженных сил предусматривал и создание мощных, но компактных ВМФ Анголы с преобладанием в составе флота малых и средних боевых кораблей. Боевой флот Анголы состоял в основном из торпедных и ракетных

катеров, средних десантных кораблей (СДК), тральщиков и сторожевиков, поставленных из СССР. В 1989-1990 гг. перед уходом советских военных советников ВМФ Анголы имели в своем составе 16 боевых кораблей, 13 из которых были поставлены из Советского Союза. При техническом содействии СССР в 1982 - 1983 гг. была развернута сеть наблюдательных береговых постов, приемный и передающий радиоцентр флота, мастерская по ремонту торпед, хранилище торпед, оборудована достаточно сложная в техническом отношении позиция подготовки и приготовления ракет П-15У. Неоценимую помощь в ремонте ангольского военного флота в течение 15 лет оказывала советская плавмастерская из состава ПМТО, постоянно базировавшаяся в Луанде с 1975 г.

Всего с 1976 по 1983 год в Анголу из СССР было поставлено: шесть ракетных катеров проекта 205ЭР, четыре торпедных катера проекта 206, три средних десантных корабля (СДК) проекта 771, сторожевой пограничный катер проекта 1400МЭ «Гриф», три сторожевых катера проекта 368П, и два проекта 1398Б «Аист», а также два рейдовых тральщика проекта 1258Б.

Большинство боевых кораблей, поставленных из СССР, остается в составе флота и по сей день. Чего нельзя сказать о бронетанковой технике, средствах ПВО, боевых самолетах и вертолетах. Огромное количество этой боевой техники было уничтожено в боях с южноафриканцами и унитовцами. В период расцвета советско-ангольского сотрудничества эта «естественная убыль» постоянно возмещалась поставками из СССР.

Мифы ангольской военной истории

В истории Анголы, советско- и российско-ангольских отношений много «белых пятен». Как было сказано выше, до сих пор остается тайной, недоступной для рядовых исследователей, точные объемы и стоимость советских военных поставок в страну, точное количество и состав кубинских войск, участвовавших в операциях в Анголе. Согласовывалась ли переброска кубинских войск в Анголу с советским руководством или нет? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Много неясного остается и в действиях кубинских войск против УНИТА и войск ЮАР. А о действиях кубинских спецподразделений на территории Анголы практически ничего не известно. Представляется абсолютно загадочным и практически полное списание в конце 90-х годов XX века многомиллиардного ангольского долга СССР и России. Кроме этих, достаточно объективных сокрытий информации (тут хоть можно приводить правдоподобные объяснения: секретность, коммерческие и государственные интересы и т. п.), существует несколько, так называемых мифов, которые прочно укоренились в нашем сознании.

Миф первый. «В 1974 - 1975 году МПЛА поддерживали не только Советский Союз, но все прогрессивные силы Африки, все свободолюбивое человечество».

Если проанализировать советскую, да и ангольскую, печать того времени, можно сделать вывод о «всеобщей и безоговорочной поддержке МПЛА всем прогрессивными силами планеты». Это, однако, далеко не так. Сегодня, например, мало кто помнит и знает, что долгое время движения ФНЛА и УНИТА, помимо «империалистических» держав НАТО: США, Англии, Франции и рассадника «апартеида» ЮАР активно поддерживали... социалистические Китай и Северная Корея. И уж тайной «за семью печатями», наверное, навсегда останутся

тогдашние интимные связи ФНЛА с режимом Чаушеску в Румынии. Но эта тема еще ждет своего исторического расследования.

Китай субсидировал ФНЛА не только деньгами и оружием. Многие активисты ФНЛА прошли подготовку на китайских военных базах и привнесли в движение не только военный опыт НОАК, но и идеологические постулаты, исповедуемые тогдашней китайской верхушкой. Сам Роберту не скрывая своих симпатий к китайской модели развития, носил столь любимый китайскими руководителями полувоенный френч и темные очки, придававшие ему таинственно-зловещий вид. Задолго до провозглашения независимости Анголы Китай и КНДР начали поставлять Роберту и Савимби вооружения, в том числе и тяжелое: танки, БТРы, минометы и артиллерийские системы. Например, в мае 1974 года Роберту была направлена партия оружия и снаряжения общим весом 450 тонн. Многие из этого имущества так и осталось в Заире: что-то физически не успели переправить в Анголу, что-то подмял под себя охочий до чужого добра заирский президент Мобуту Сесе Секу. Однако многое из китайских поставок все-таки попало на поля сражений. Солдаты ФНЛА были вооружены автоматами АК китайского производства, несколько орудий и минометов северокреյского производства участвовала в боях при Кифангонду. А в 1976 году в одном из боев в районе Донду в 200 км от Луанды был захвачен китайский танк Т-59. Участвовавший в этой операции советский военный специалист капитан Владимир Заяц был даже награжден за это медалью «За боевые заслуги». Капитан лично передал по акту вражескую машину представителям Главного разведывательного управления МО СССР. Танк был перевезен в порт Луанды и погружен на советский БДК для отправки в СССР. Так что из китайских орудий и пулеметов по нашим военным служащим стреляли не

только на острове Даманском, во Вьетнаме или Камбодже. Стреляли и в Анголе...

Для оказания помощи солдатам ФНЛА в овладении китайской военной техникой в мае 1974 года из Пекина прибыла группа китайских и северокорейских инструкторов и военных советников в составе 112 человек. Они в течение нескольких месяцев вели подготовку солдат и командиров Х. Роберту на приграничной с Анголой военной базе на территории Заира. Предполагалось, что китайцы должны были войти в Анголу вместе с боевыми подразделениями ФНЛА. И если бы не приказ из Пекина свернуть их деятельность, то советским военным советникам и кубинским добровольцам пришлось бы... столкнуться с военнослужащими НОАК лицом к лицу. Как это было в случае с американскими и английскими наемниками. А такое столкновение могло бы стать началом более глубокого конфликта между ядерными державами. Но этого не произошло: 24 октября 1975 года, т. е. менее чем за три недели до провозглашения лидером МПЛА Агоштинью Нету независимости в Луанде они покинули Заир... Почему? Это и по сей день остается загадкой.

Мало кто знает сегодня, с какими трудностями столкнулся Советский Союз при доставке вооружений для МПЛА. Основная масса оружия поставлялось морем. Но первые партии оружия, перевесившие чашу весов на сторону МПЛА, перебрасывались по воздуху. А загруженными под завязку автоматами, минометами, РПГ, «Стрелами» и боеприпасами мощным Антеям, направлявшимся в Африку, нужно было где-то садиться и дозаправляться. Подавляющее же большинство независимых африканских стран во избежание опасности разжигания гражданской войны в Анголе выступили в поддержку эмбарго на поставки оружия воюющим сторонам. В этом не было чего-то необычного. Все три национально-освободительных движения

рассматривались африканскими лидерами как отражающие законные чаяния народа. Достаточно сказать, что после заключения 15 января 1975 года Алворского соглашения (по названию г. Алвор в Португалии) МПЛА, ФНЛА и УНИТА были признаны законными представителями народов Анголы, должны были участвовать во всеобщих выборах и совместном провозглашении независимости. Под этими документами стояли подписи А. Нету, Х. Роберту и Ж. Савимби. Тогдашние газеты просто пестрели фотографиями жмущих друг другу руки и в порыве страсти и любви мило улыбающихся лидеров. Поддержка одного из них в ущерб другим воспринималась африканцами с непониманием. Поэтому, например, Египет и Судан, которые располагали аэродромами, на которых могли бы сесть самолеты, следовавшие в Анголу, категорически запретили не только посадку советских лайнеров с оружием, но и пролет их через свое воздушное пространство. Правда, руководство советских ВВС быстро нашло выход. Был освоен другой маршрут через Алжир, Триполи, Конакри. По такому маршруту мне и пришлось лететь в 1977 году на транспортнике, загруженном оружием.

Сложнее было реагировать на политические демарши авторитетных африканских лидеров. Так, президент Уганды Иди Амин, пригрозил разорвать дипотношения с Советским Союзом, если поставки оружия не прекратятся. Советское руководство тех времен очень болезненно реагировало на такие высказывания африканских лидеров. Причем не только тех, кто при приходе к власти заявлял о своей «социальной ориентации». Но и тех, кто намеревался в перспективе «двигаться антиимпериалистическим, антиколониальным путем». Таким государством была, например, сказочно богатая нефтью Нигерия. И для СССР настоящим ударом стала реакция только что пришедшего к власти правительства этой африканской страны. В советской прессе его

именовали «дружественным и прогрессивным». И вдруг это «дружественное и прогрессивное» «выразило серьезную озабоченность» поставками советского оружия в Анголу для МПЛА. Вдобавок, один из столпов идеи «африканского самосознания и самоопределения» президент Замбии Кеннет Каунда (кстати, большой друг не только Советского Союза, но и лидера УНИТА Жонаса Савимби), открыто начал критиковать советские поставки оружия в Анголу. Он заявил, что СССР, поставляя вооружение одной из «свободолюбивых ангольских националистических партий, подрывает доверие африканцев в веру их права на свое самоопределение». Открыто высказался против действий СССР и другой уважаемый африканский лидер президент Танзании Джулиус Ньерере.

«Новость» об участии кубинских войск в боях на стороне МПЛА также была встречена африканским сообществом более чем сдержанно. А многие африканские лидеры публично осудили «вторжение в Анголу иностранных войск». (Поскольку с Кастро никто не хотел ссориться, кубинских добровольцев называли, как правило, «иностранным контингентом»). Это, однако, мало успокаивало советских лидеров, ибо эта терминология уж больно напоминала афганские реалии). И уж совсем неприятным сюрпризом для советского руководства стало решение сессии Организации Африканского Единства, состоявшейся в Аддис-Абебе 12 января 1976 года, в самый разгар яростных боев между объединенными силами МПЛА и кубинцев с войсками ЮАР. При голосовании по ангольской проблеме голоса на сессии разделились: 22 участника поддержали режим МПЛА и ее кубинских союзников, а 22 выступили против! Нельзя сказать, чтобы МИД СССР и ЦК КПСС не реагировали на эти демарши. В соответствующие страны были направлены дипломатические ноты, разъясняющие позицию Советского Союза, делегации и доверенные лица из ЦК КПСС, соответственно

обещана помощь по партийной, а главное, по экономической линии. Так, что советская помощь Анголе стоила не только денег, вложенных в оружие и обучение ФАПЛА. Многие африканские режимы в порядке «компенсации» за поддержку МПЛА получили свой «пай» советской помощи.

В результате этой работы через шесть недель после «ничейного счета», зафиксированного на сессии ОАЕ в Аддис-Абебе, на следующем пленарном заседании уже сорок одно государство из 46 членов ОАЕ официально поддержали правительство МПЛА. Мощным фактором победы МПЛА стали документально подтвержденные факты участия в боях на стороне Савимби и Роберту южноафриканских солдат, двоих из которых делегация Анголы представила на сессии.

В целом безоговорочную поддержку МПЛА, кроме СССР и Кубы предоставили: ГДР, Болгария и другие союзники СССР по Варшавскому договору. Из африканских стран безоговорочно поддержали МПЛА только Алжир, Мозамбик, Эфиопия, Конго (Браззавиль), Гвинея (Конакри) и Гвинея-Бисау. Революционное правительство последней даже направило в Анголу батальон своих войск и несколько танков. Одними из самых преданных союзников МПЛА стали несколько тысяч «катангских жандармов». Эти выходцы из заирской провинции Катанга (Шаба) переселились в Анголу, спасаясь от преследования властей еще в середине 60-х годов XX века, после неудачной попытки Моизеша Чомбе добиться независимости провинции. Восстание было жестоко подавлено с привлечением вооруженных сил ООН, бельгийских и французских парашютистов. Происходившие из племени лунда, проживавшего по обе стороны заирско-ангольской границы, они нашли убежище в центральных районах Анголы. И пользовались поддержкой МПЛА. Ненавидя Мобуту, они сражались плечом к плечу с партизанами движения, возглавляемого А. Нету. Их хорошо организованные и

вооруженные отряды доставили Ж. Савимби и его бойцам немало беспокойства в центральных районах страны. А во время южноафриканской агрессии смогли даже задержать колонну армии ЮАР, так и не допустив ее в северные провинции.

К этому мифу вплотную примыкает и другой: **«УНИТА и ФНЛА получили в 1974-1976 годах огромную военную и финансовую помощь от США, ЮАР и других стран Запада».**

Помощь движениям Х. Роберту и Ж. Савимби действительно предоставлялась. Однако ее масштабы ни в какое сравнение не шли с советскими поставками МПЛА и кубинским войскам. В отличие от СССР, который делал ставку на современные типы вооружений: боевые вертолеты и самолеты, танки, реактивные установки залпового огня, дальнобойную артиллерию, ангольская оппозиция довольствовалась в основном легким стрелковым вооружением и минометами. Из поставленной западными странами тяжелой техники, можно отметить лишь 9 французских БТР «Панар», которые никак не могли противостоять советским танкам Т-34 и Т-54/55. (Количество танков китайского производства, поставленных ФНЛА, ограничивалось всего несколькими машинами). С авиацией дело обстояло и того хуже: французы передали Заиру для использования в Анголе четыре легких вертолета «Алуэтт, оснащенных установками НУРС. Самолетами ВВС США С-141 они были доставлены в Киншасу лишь в январе 1976 года. Однако французы не предоставили в распоряжение ангольской оппозиции ни летчиков, ни техников, и вертолеты так и не были задействованы в ангольском конфликте.

В своих поставках в Анголу американцы были буквально связаны по рукам и ногам поправкой сенатского «Комитета 40», запрещавшей администрации США после поражения во Вьетнаме любую военную помощь другим странам без одобрения Конгресса. За весь период

ангольского противостояния им удалось только один раз направить к берегам Анголы корабль с военными грузами. 12 сентября 1975 года в заирском порту Матади бросило якорь судно «Американский чемпион», которое доставило в район вооруженного конфликта 9 000 автоматических винтовок М-16, 50 пулеметов М-6, 5 810 карабинов и 810 пистолетов-пулеметов (устаревших моделей), более тысячи реактивных противотанковых гранатометов («Базука») различных типов, а также около 100 единиц 81-мм и 106-мм минометов. На корабле было доставлено большое количество боеприпасов, снаряжение, в т. ч. армейские палатки (500 шт.), форменное обмундирование, обувь и транспортные средства: более 100 грузовиков и «джипов». Однако американцы столкнулись с большими трудностями при переброске этого имущества в Анголу, поскольку практически все морские порты на побережье страны контролировались силами МПЛА.

Поэтому военное имущество перегружалось в железнодорожные вагоны и отправлялось в Киншасу (всего было отправлено 144 грузовых вагона). Оттуда из аэропорта Нджили американскими и заирскими транспортными самолетами оружие и военное имущество должно было переправляться на базы ФНЛА и УНИТА в Амбриш и Силва Порту. Однако огромное количество груза с «Американского чемпиона» так и осталось в Заире: его, по сути, прикарманили заирские военные чиновники.

В критический период боев между кубинскими войсками и южноафриканцами ЦРУ пыталась оказать им помощь противотанковыми средствами. С 19 декабря 1975 года по 29 января 1976 года из США и Франции в Киншасу было совершено пять рейсов самолетов С-141, на которых в числе другого военного имущества были доставлены орудия С-147 и минометы калибра 105 мм. Доставленный груз пытались перевезти в Анголу. В начале февраля было вершено

около 30 полетов небольших самолетов из Киншасы на аэродром Гагу Каутиню на востоке страны. Однако эти мощные средства так и не были задействованы в боях на ангольской территории, поскольку до южноафриканцев не дошли. Не могло их использовать и ФНЛА, большинство боевых отрядов которого к тому времени уже были рассеяны кубинцами по ангольским лесам. Савимби же не имел специалистов для такой сложной техники, и к тому же не контролировал ни один из подходящих для этих целей аэродромов.

В этот же период ЦРУ через представителей Мобуту передало для Х. Роберту и Ж. Савимби около 5 млн. долларов для покрытия расходов по переброске оружия и боеприпасов в Анголу. Насколько эффективно использовались эти средства трудно сказать. Известно, однако, что Роберту, например, вложил около 50 тыс. долларов из этих сумм в покупку собственного завода по производству льда для замораживания рыбы в Заире.

По оценкам американцев, СССР к концу ноября 1975 года поставил в Анголу оружия и боеприпасов на сумму в 225 млн. долларов, а к февралю 1976 года советская помощь МПЛА и кубинским войскам превысила уже 400 млн. долларов. Поддержка же оказываемая ЦРУ ФНЛА и УНИТА оценивалась к этому периоду всего в 25 млн. долларов. По признанию американцев они вчистую проиграли гонку с СССР в поставках оружия воюющим сторонам. «На семь судов из СССР с оружием для МПЛА приходилось лишь одно наше, а сотне рейсов советских транспортных самолетов мы смогли противопоставить только семь американских...», - признавался руководитель операции ЦРУ в Анголе Джон Стоквелл. Даже если учесть, что на операцию «Саванна» по поддержке ФНЛА и УНИТА в 1975-1976 года правительство ЮАР израсходовало более 130 млн. долларов, счет все равно остался в пользу Советского Союза и МПЛА...

«Первая и главная победа**ФАПЛА»**

К мифам ангольской истории можно отнести и такое утверждение: «Победа при Кифангоду была одержана силами МПЛА». Останавливаясь на этом событии подробно, поскольку ему в современной истории Анголы придается весьма важное значение. Оно трактуется, как победа исключительно сил МПЛА и ее вооруженных сил – ФАПЛА (официально Народные вооруженные силы освобождения Анголы были созданы 1 августа 1974 года, но во многих источниках, описывающих тот период упоминаются вооруженные отряды МПЛА. По сути, между этими названиями в тот период можно поставить знак равенства). Лишь вскользь, да и то не всегда, упоминается о некой помощи «кубинских интернационалистов».

Чтобы не быть голословным, давайте обратимся к документальным свидетельствам и рассказам очевидцев этого события. Для начала официальная версия. Вот как описывают ангольские источники эту «битву» в книге «ФАПЛА – оплот мира в Анголе». (Кстати, в португальском языке есть более подходящий термин, - «комбате», «бой». Но ангольцы именуют это событие не иначе как «битва», «сражение», тем самым, придавая ему особую значимость).

«Силы ФАПЛА, насчитывающие не более 890 человек в составе только начавшей формирование 9-ой пехотной бригады, двух недоукомплектованных батальонов военной школы в Ндалатанду, одной батареи БМ-21 (реактивные установки залпового огня, видимо 2 шт. – авт.), батареи безоткатных орудий, двух батарей 120 мм и 82 мм минометов под прикрытием взвода ПВО (скорее всего имеются в виду бойцы, вооруженные советским переносным комплексом ПВО «Стрела-2» – авт.) заняли позиции в районе Пангилы с целью вынудить противника покинуть стратегические позиции, которые он занимал.

Бои начались 23 октября 1975 года наступлением противника с высоты Кал в направлении позиций ФАПЛА с целью прорвать нашу оборону и устремиться к Луанде. В составе войск противника находились рота португальских наемников, три роты других армий, взвод 130 и 140 мм пушек южноафриканской армии. Под натиском врага части ФАПЛА вынуждены были отойти и занять более выгодные позиции на холме Кифангонду. Для того чтобы задержать противника при отступлении они взорвали мост через реку Кифангонду (сейчас река Бенгу - авт.). 6 ноября противник вновь атаковал позиции ФАПЛА и, используя огонь артиллерии и автоматического оружия, попытался взять высоту, обороняемую нашими войсками.

9 ноября противник обрушил всю мощь своего огня на позиции ФАПЛА, однако, наши войска, по тактическим соображениям не отвечали. 10 ноября состоялся решительный бой. Противник бросил в атаку португальских наемников под командованием полковника Сантуша и Каштру (один из военных советников Холдена Роберту, начальник штаба вооруженных сил ФНЛА – авт.), которые при поддержке бронетранспортеров AML 60 и AML 90 (имеются в виду заирские БТР французского производства «Панар» - авт.) и южноафриканской артиллерии практически достигли линии обороны ФАПЛА. Но тут, ФАПЛА, используя всю свою мощь, отбили атаку и после 10 часового ожесточенного боя обратили противника в бегство».

Не правда ли интересное повествование? Отступали, отступали, под натиском наемников и подразделений каких-то мифических «других армий», не отвечали на огонь «по тактическим соображениям». Потом, вдруг собрали силы в кулак и... погнали наемников. Между тем, дело объясняется весьма просто. Как раз в это время к месту боев подошли первые подразделения кубинских войск. Они то и решили исход «битвы».

В Анголе мне довелось встречаться с несколькими кубинцами, которые, участвовали в тех событиях. Был среди них и Серхио Рамос. Здоровенный и очень доброжелательный негр, он работал на базе ВВС в Луанде. Ему довелось воевать при Кифангоду в качестве заряжающего реактивной установки БМ-21. Конечно, Серхио был рядовым бойцом, и ему не были известны все подробности и тонкости того боя. Но он очевидец и это главное. Вот его поистине уникальный рассказ.

«О том, что мы участвовали в той самой знаменитой битве при Кифангонду, я узнал только несколько месяцев спустя. Для нас это был всего лишь эпизод в череде кровопролитных боев на севере Анголы. Мы прибыли в Луанду ночью 8 ноября 1975 года из Гаваны на гражданских самолетах без какого-либо оружия. Нас было около трехсот человек. Сразу же направились в порт, где из корабельного контейнера выдали новенькие автоматы АКМ и боеприпасы. Они были доставлены кубинским кораблем из Поэнт Нуара с конголезской территории. В порту Луанды мы встретили наших братьев, которые, прибыли из раньше для того, чтобы принять грузы. Они очень помогли нам.

Наш командир, майор Мендес, распределил бойцов по подразделениям. Я, как служивший до этого в артиллерии, был назначен в батарею из двух машин БМ-21. Их мы получили тут же недалеко от порта Луанды. Установки были не до конца расконсервированы, все в масле, видимо, только с корабля. Пришлось сильно попотеть, чтобы привести их в порядок. Майор поставил задачу, из которой следовало, что мы должны воспрепятствовать вторжению в Луанду контрреволюционеров и иностранных наемников. В случае захвата столицы предстояло сражаться с ними в городе. Наш командир сравнил врагов с «гусанос», которые в 1957 году при поддержке ВМС

США высадились на Кубе в «Заливе свиней». О силах противника и его составе мы и понятия не имели. Но были готовы умереть за Фиделя и ангольскую революцию.

На тупорылых зеленого цвета грузовиках, которые португальская армия оставила МПЛА, и автобусах с разбитыми стеклами мы поехали через весь город. Луанда была похожа на город-фантом: народу на улицах практически не было, только кое-где в домах еле горели огни. Впереди колонны следовал БРДМ с экипажем МПЛА и танк Т-34. Танк, впрочем, вскоре отстал: то ли кончилось горючее, то ли подвел мотор. Позже я узнал, что дорога, по которой мы ехали, вела в Кашиту, северный пригород Луанды».

От Луанды до Кашиту максимум час езды на «УАЗике». Этот путь в 1977-1978 годах я проделывал десятки раз. В Кашиту располагался брошенный португальцами сахарный завод и многочисленные плантации бананов, ананасов, манговых деревьев, авокадо и орехов «кешью». Мы частенько наведывались туда, чтобы пополнить наши продуктовые запасы. Местные жители радушно принимали «советских товарищей», и в обмен на тушенку, обувь и одежду загружали машину фруктами.

Интересуясь историей Анголы, я неоднократно пытался узнать, где же произошла та легендарная битва? Как-то местные жители показали мне обычное поле, покрытое, правда, многочисленными, но успевшими зарости травой, рытвинами. Я, признаюсь, был разочарован. Мое воображение рисовало сгоревшие остовы от бронетехники, разрушенные строения и взорванные мосты. Но ничего подобного я так и не обнаружил. А ведь с момента «сражения при Кифангонду» пошло чуть более года. В той же Луанде спустя несколько лет после ухода португальцев можно было без труда отыскать зримые следы столкновений МПЛА с УНИТА и ФНЛА. Тут и там высились горы

разбитых автомобилей и прочей техники, в центре несколько зданий носили следы штурма и ружейно-минометного обстрела. На дороге же в Кашиту попадались лишь рытвины, да колдобины, никакой поверженной боевой техники «интервентов». Единственным материальным свидетельством того боя был заирский бронетранспортер «Панар», брошенный под Куфангону и установленный на площади им 1-го Мая в Луанде в скульптурной композиции: «Ангольский БРДМ таранит бронемашину наемников». Но вернемся к рассказу Серхио.

«Мы ехали около полутора часов. Последовала команда разгрузиться и занять оборону. Мы быстро освоились с «катюшей», зарядили ее при помощи находившихся уже здесь нескольких ангольцев и дали залп. Открыла огонь и другая машина БМ-21, занявшая позиции неподалеку. Снарядов хватило еще на один залп, после чего мы, вооруженные только автоматами, вместе с немногочисленными активистами МПЛА заняли оборону, готовые умереть за Фиделя и наших ангольских братьев. Но время шло, а нас никто не атаковал. Мы выслали разведку. Она обнаружила впереди на дороге несколько развороченных и дымящихся бронемашин. Около них валялось с десятка полтора чернокожих солдат в камуфлированной форме».

Серхио Рамос и его друзья не могли тогда знать, что мощный залп из двух советских БМ-21 буквально разметал колонну сторонников ФНЛА, двигавшихся по дороге от Кашиту на Луанду. Рвущиеся один за другим снаряды реактивной артиллерии не только нанесли огневое поражение наступающим, но оказали такое мощное психологическое воздействие, что те побежали, бросая технику и оружие. Рассказ моего кубинского знакомого подтверждается из других источников. В частности и свидетельствами «с той стороны».

Много лет спустя, я наткнулся на воспоминания участника тех событий, который «играл» на противоположенной стороне, за ФНЛА

Джона Стоквелла. Вот как описывает американец бой под Кифангоду: «Накануне 11 ноября 1975 года солдаты ФНЛА и поддерживавшие их части: 7-й и 4-й батальоны заирской армии и около сотни ангольских «коммандос» португальского происхождения, всего около полутора тысяч человек, начали движение к Луанде по широкой и ровной долине Кифангоду, что в двадцати километрах от столицы. В колонне находилось около дюжины легко бронированных машин и шесть джипов, в кузовах которых были смонтированы 106 мм безоткатные орудия. Наступление поддерживали четыре 140-мм пушки, обслуживаемых южноафриканцами и два 130-мм орудия северокорейского производства, которые заняли позиции в тылу наступающих. Здесь же расположилось и мы: несколько американских и южноафриканских советников Холдена Роберту.

Моральное состояние наших войск было прекрасным. Солдаты верили в себя и доверяли своим офицерам. Кроме того, все предыдущие стычки с МПЛА заканчивались неизменной победой, и это придавало им силы. Цель казалась так близко: на горизонте уже показались нефтеналивные резервуары, расположенные в пригороде Луанды (это был виден нефтеперегонный завод «Петрангол» – авт.).

В этот момент раздался звук, похожий на раскаты грома, который с каждой минутой все усиливался. Это на головы наступающим начали падать 122 мм кубинские ракеты. Первый залп оглушил солдат ФНЛА, внес смятение в их ряды. Второй, более короткий заставил их сбиться в кучу и почувствовать себя абсолютно беззащитными. Охваченные ужасом наступающие в панике рассеялись по долине, бросая оружие, технику и раненых товарищей. А ракеты все продолжали падать и взрываться...

Наша артиллерия нечего не смогла противопоставить кубинцам. У одного 130 мм орудия при первом выстреле разнесло ствол и поубивало

всю заирскую прислугу. Только южноафриканские пушки произвели несколько прицельных выстрелов. Но дальность их огня составляла едва ли половину от дальности полета снарядов кубинских реактивных установок. Смонтированные на грузовиках они, сделав несколько залпов, перемещались на новые позиции и возобновляли стрельбу. Продвижение вперед сил МПЛА и кубинцев было медленным, но методичным. Они не преследовали отступавших. Как только их реактивные установки выходили на новые позиции и начинали стрелять, солдаты ФНЛА и «коммандос» Мобуту в панике бежали. Через две недели после Кифангонду армия Роберту представляла собой деморализованную, никому не подчиняющуюся толпу. Лучшие заирские части, посланные Мобуту в Анголу, разбрелись по лесам. В поисках пропитания и добычи заирские солдаты начали грабить и убивать своих соплеменников. (Север Анголы населяет то же племя, что и приграничные территории Заира – авт.). Они так запугали местных жителей, что те с восторгом встретили МПЛА и кубинцев как своих освободителей».

А вот другое свидетельство. Но уже наемника. Оно было опубликовано в одной из французских газет тех лет. «Исповедь» португальца Жоакима Франсишку Каштру, который проживал в ЮАР и «был приглашен» для участия в походе ФНЛА на Луанду в качестве водителя броневедомобиля «Панар» достаточно откровенна. Может быть, дело в том, что наемник попал в плен к кубинцам и был позже осужден ангольским судом? При вербовке ему объяснили, «что президент ФНЛА и полковник Сантуш и Каштру собирают в армию ФНЛА как можно больше белых солдат, а точнее, 5 тысяч, чтобы вместе с ними войти в Луанду». Португальцу пообещали заплатить «хорошие деньги», а после овладения столицей присвоить офицерское звание и предоставить работу. «Луанду предполагалось захватить, бросив в бой

девять броневедомобилей «Панар», два батальона заирских солдат (это те самые подразделения «других армий», упомянутые в ангольском источнике - авт.), половину состава инженерного взвода и до десяти 120-мм минометов, обслуживаемых французами. Между 7 и 9 ноября из Саскалемба были доставлены три 140-мм орудия и два 130-мм миномета с заирской прислугой. Считалось, что для взятия города этого было достаточно. Разрабатывали операцию и непосредственно руководили боевыми действиями полковник Сантуш и Каштру и полковник заирской армии, командовавший заирскими частями. По дороге на Луанду мы попытались захватить Кифангону, но понесли большие потери. Французские специалисты со своими минометами так и не рискнули ввязаться в бой. Кубинские части, пришедшие на помощь МПЛА, буквально смели нас. Каждый думал, как бы поскорее унести ноги. После боя под Кифангону Холден Роберту и полковник Сантуш и Каштру немедленно уехали в Амбриш (город-порт на побережье Анголы, который лидер ФНЛА избрал в качестве своей резиденции – авт.), приказав майору Алвешу Кардозу удерживать занятые позиции. Они заявили, что сами поедут в другие страны за новым оружием».

Можно добавить, что бывшему майору колониальной армии, белому ангольцу на службе у ФНЛА Алвешу Кардозу так и не удалось выполнить приказ. Кубинцы получили подкрепление а, главное боеприпасы. Их подразделения, двигаясь по дороге на Кашиту, наносили из «Градов» удар за ударом дороге и ее прилегающим к ней районам. Через неделю после «битвы при Кифангону» кубинские подразделения и отряды МПЛА заняли Кашиту, а через месяц выбили сторонников Холдена Роберту из Амбриша. Заирские солдаты, участвовавшие в этой неудачной операции, окрестили дорогу на город Кашиту «дорогой смерти». Франсишку Каштру еще повезло. Ему удалось унести ноги и остаться в живых. Он, как и тринадцать других

наемников во главе с английским полковником Калланом, предстали перед судом в Луанде.

Что касается советских военнослужащих, то они в боях под Кифангону не участвовали. Вот свидетельство Андрея Токарева, который был переводчиком в той самой первой группе из 40 человек советских специалистов во главе с полковником Василием Трофименко, прибывших в Луанду из Браззавиля. Их самолет приземлился на столичном аэродроме только 16 ноября 1975 года, когда бои под Кифангону и Кашиту уже закончились. «В первые дни мы даже не знали, - пишет Токарев, - что буквально накануне провозглашения независимости, севернее столицы, в местечке Кифангону, произошло решающее сражение, в котором объединенными силами фапловцев и кубинцев была остановлена колонна войск Заира и ФНЛА, стремившаяся успеть до 11 ноября взять штурмом Луанду и провозгласить независимость Анголы под своей администрацией».

«Битва при Кифангону» сыграла решающую роль в том, что именно лидер МПЛА. Агоштинью Нету единолично поднял над Луандой флаг нового независимого государства. Силы ФНЛА, наступавшие с Севера были рассеяны, а южноафриканская бронетанковая колонна и подразделения УНИТА двигавшиеся из Намибии к Луанде по трансангольскому шоссе уже никак не успевали к официально объявленной ООН дате провозглашения независимости.

Таким образом, главной ударной силой в боях при Кифангону выступили не подразделения ФАПЛА-МПЛА, а кубинцы, число которых не превышало 300 человек. Никаких «танковых сражений», спецопераций и, тем более, применения авиации не было. Противостоящие друг другу силы в бою были приблизительно равны. На стороне МПЛА в общей сложности сражалось около 1000 – 1200 человек: около 900 ангольцев и 300 кубинцев. Силы ФНЛА

насчитывали около 1500 человек. Их основу составляли два батальона заирских войск: 7-й и 4-й батальоны «коммандос». Эти части считались одними из самых боеспособных в армии Заира и были переправлены в Амбриш самолетами Си-130 в течение первой декады сентября 1976 года по личному указанию президента Заира Мобуту.

В бою под Кифангонду на стороне ФНЛА участвовало около ста бывших военнослужащих португальской колониальной армии поставивших на Холдена Роберту. Причем называть всех их наемниками будет не совсем верно. Они не состояли «на жаловании» ни у ФНЛА, ни у ЦРУ США. Эти белые ангольцы находились на своей родине и рассчитывали в случае победы Роберту занять соответствующее положение в новой армии и государстве. Среди них, конечно, были настоящие наемники, как, упомянутый выше Жоаким Франсишку Каштру. Но, их было меньшинство. Массовая вербовка платных ландскнехтов со всего мира в армию ФНЛА началась несколько позже, когда стало ясно, что на заирские формирования рассчитывать не приходится.

Победа «при Кифангонду» была достигнута благодаря внезапному применению высокоэффективной боевой техники советского производства и высочайшему ратному мастерству кубинских военнослужащих. Причем главную роль в разгроме сторонников ФНЛА, сыграли всего лишь ДВЕ советские реактивные установки БМ-21 «Град».

Кстати, появлению у ангольцев и кубинцев установок БМ-21, они по сути дела обязаны тогдашнему резиденту ГРУ в Конго Борису Гавриловичу Путилину, работавшему «под крышей» первого секретаря советского посольства в Браззавиле. Именно он «курировал» все военные поставки МПЛА накануне решающей битвы. Много раз встречался с руководителями МПЛА: Агоштиньо Нету и Эдуарду душ

Сантушем. Зная, что характеристики конголезского аэродрома в Поэнт Нуаре не позволяют ему принять тяжелые советские Ан-22, Борис Гаврилович в телеграмме в Центр все же настоял на переброске установок «Град» в Конго. Весь риск он взял на себя.

«В каждый «Антей» для максимального облегчения взлетной массы самолета загрузили по одной БМ-21, - вспоминал он. В конце полосы в Поэнт Нуаре поставили два кубинских танка на случай, если летчикам все же не хватит пробега, и шасси увязнут в грунте. Тогда танки смогли бы вытащить самолеты. Но летчикам удалось посадить тяжелые машины, и кубинцы в тот же день на своем судне, том самом, что доставил с Кубы танковый полк, отправили установки в Луанду. Конечно, проще было бы посадить «Антей» в Луанде, где был прекрасный аэродром, и МПЛА полностью контролировала ситуацию. Но советское руководство категорически запретило посадки наших самолетов и заходы советских кораблей в порты Анголы до официального провозглашения независимости. Поэтому пришлось пойти на риск, который себя, в конечном счете, оправдал». Так что Бориса Гавриловича Путилина с полным основанием можно назвать «крестным отцом» «первой и главной победы ФАПЛА», исторической победы при Кифангонду. Кто знает, как бы развивались события под Луандой в преддверии 11 ноября 1975 года, не будь в то время в Конго такого настойчивого и рискованного «первого секретаря советского посольства».

«Переводчик специального назначения»

Рассматривая «мифы ангольской войны» не могу не остановиться одном, ставшем в последнее время буквально массовым явлением. Чем дальше отдаляются события той войны, тем больше появляется на российском горизонте «героев Анголы», которые, по их рассказам, чуть

ли не в одиночку уничтожали целые легионы унитовцев и юаровцев. Сегодня многим не дает покоя слава «ангольских Рембо».

И, что интересно все они, как на подбор, «спецназовцы». Поэтому создается впечатление, что на стороне МПЛА (ФАПЛА) в массовом количестве сражались подразделения советского спецназа ГРУ, КГБ, ВДВ, морской пехоты и т.п. Этот феномен объясняется просто: та война и сегодня остается во многом неизвестной. Вокруг пребывания советских военнослужащих в Анголе создается ореол таинственности и загадочности. Поэтому можно, сыграв на незнании людей того, что происходило на самом деле, пофантазировать и попросту приврать. Тем более, что и бойцов специальных подразделений, да и морских пехотинцев через Анголу действительно прошло немало.

Как-то, на одной из международных выставок в Москве, к стенду журнала «Солдат удачи» подошел посетитель. Увидев обложку журнала со специфической ангольской тематикой, он тут же представился: «Бывший старшина подразделения разведки морской пехоты Николай. Воевал в Анголе в 1975-м. Как мы там крошили черных!» И, как бы, в доказательство, отвернув рукав рубахи, продемонстрировал татуировку: из чрева грозного БДК на берег с явно африканским пейзажем вкатывается советский БТР... Однако после двух-трех моих вопросов Николай начал явно нервничать, путаться, откровенно «плавать» в ангольских реалиях и вскоре быстренько ретировался...

Тема войны в Анголе и участия в ней наших ребят становится все более модной в литературе, кинематографе. В российском фильме «Мужская работа» главные герои, элита спецназа ГРУ, по причине временной ненадобности взявшие «тайм аут» у себя на службе, несколько лет воюют «в качестве офицеров удачи» в некой африканской стране, имеющей признаки сходства с Анголой. Или взять фильм

«Мусорщик», с мужественным актером Гуськовым в главной роли. В одном из эпизодов заезжая столичная журналистка со знанием дела спрашивает бывшего спецназовца, а ныне отошедшего от дел киллера, о происхождении замысловатой татуировки на руке: «Афганистан?». В ответ герой Гуськова «скромно» признается: «Нет, Ангола!». И зритель понимает: да что там Афган, Афган – это так, для детей. Вот Ангола – это да! Именно там и воевал наш спецназ, там наши хорошие белые парни крошили в непроходимых джунглях Африки плохих негров.

Не отстает от отечественного, и западный кинематограф. Чего стоит только американский фильм «Чистильщик» с Дольфом Лундгреном в главной роли. Главный герой фильма, сапер-асс, выполняет свой контракт в ангольских джунглях, попутно круша черепа белых наемников, среди которых в основном «русские и украинские спецназовцы».

В формирование мифов о массовом участии в событиях в Анголе советских бойцов спецподразделений вносят свой вклад некоторые российские средства массовой информации. Так, в газете со звучным названием «Спецназ России» мне как-то попало на глаза интервью некого Джавохира Кабилова (скорее всего, это псевдоним) с «бывшим лейтенантом войск специального назначения ГРУ МО СССР» по имени Владимир.

Автор материала, не моргнув глазом, сделал из обыкновенного переводчика, да еще, и не кадрового военного, а парня, призванного в армию после гражданского иныза, матерого спецназовца. Вот, что пишет журналист о своем герое: «Прекрасное владение английским и испанским, плюс отменная спортивная подготовка (он мастер спорта по дзю-до и плаванию, в его активе прыжки с парашютом, знание приемов рукопашного боя), скорее всего и стали причиной того, что ему

предложили попробовать себя в качестве переводчика в составе советской военной миссии в Перу».

Вот так то. Оказывается, обыкновенных переводчиков в армию не брали. Только альпинистов, парашютистов, да мастеров кунг-фу! Но в Латинскую Америку Володя не попал, его ждала более значительная миссия: лейтенант был срочно направлен на спецстажировку «в жаркую южную республику» и оказался в «секретном тренировочном лагере». Там он «прошел усиленную специальную подготовку: «тропа разведчика», уроки альпинизма, стрельба и т.п.» Для чего? Оказывается окончательная цель изнурительной подготовки «переводчика специального назначения» была все та же Ангола.

Но, прибыв в страну, Владимир почему то оказался не на фронте, а в тихом и уютном городке Негаже, расположенном далеко от основных районов боевых действий с унитовцами и юаровцами (те, кто прошел Анголу, это почти курортное место, видимо, знают). И ему, переводчику, поручают немного, нимало, а «подготовку разведвзвода бригады!».

В псевдоангольских воспоминаниях новоиспеченного грушника, растиражированных газетой со звучным названием, содержится и такое сенсационное признание «спецназовца Владимира»: **«Все диверсионные и специальные операции против УНИТА проводили советские военные. Небольшими группами, а то и в одиночку, наши рейнджеры уходили в джунгли и всегда возвращались, выполнив задачу. Нередко им приходилось действовать за пределами Анголы, в соседней Намибии и даже в ЮАР».** Утверждения эти, правда, так и осталось голословным: никаких доказательств или примеров в статье приведено не было.

Давайте попробуем спокойно разобраться, где тут правда, а где вымысел. Об обстановке в армии Народной Республики Анголы и

многих особенностях нашего сотрудничества я могу судить с достаточной долей объективности. В ходе своего пребывания в Анголе я объездил всю страну, участвовал во многих, в том числе, как сейчас бы назвали, «специальных мероприятиях». Об одном из них: спасении силами ангольского спецназа советского экипажа самолета Ан-26, сбитого унитовцами под городом Менонге осенью 1980 года читатель уже знает из книги. С 1984 по 1991 год я продолжил службу уже в министерстве обороны, продолжая заниматься анализом военно-политической обстановки в стране и ее армии. В этот период мне часто приходилось выезжать в Анголу самому, а также встречался с прибывающими из страны советскими военными советниками и специалистами, представителями ангольского командования, что добавляло к этой картине новые штрихи. Кроме того, в ходе работы над этой книгой я встречался с десятками наших военнослужащих, прошедших Анголу: и главными военными советниками, их заместителями, рядовыми специалистами и переводчиками. Поэтому о степени участия наших специалистов в диверсионных и специальных операциях в этой стране имею достаточно четко представление.

Конечно, не обо всем сегодня можно рассказать, не все имена и фамилии назвать. Архивы по военно-политическому сотрудничеству с Анголой до сих пор засекречены. Однако даже без всякого доступа в секретной информации можно с уверенностью сказать, что, например, подготовку разведвзвода ангольской бригады никогда бы не доверили переводчику, «пусть и владеющему дзю-до». Этой нелегкой и кропотливой работой наверняка занимался советник в звании майора или подполковника с опытом работы в войсковой разведке, а «псевдогрушник Володя» был при нем всего-навсего обыкновенным переводчиком...

**«Разрешить советским военным специалистам
принимать участие в боевых действиях на стороне сил МПЛА и
кубинских войск»**

Были ли в Анголе сотрудники ГРУ и КГБ? Конечно, были. Наше посольство в Анголе было самым многочисленным по штатам и, естественно, сотрудники спецслужб «под крышей» посольских работников занимались своей работой, осуществляя сбор информации и другую деятельность в соответствии со своими функциональными обязанностями. Причем, как заметил однажды один мой знакомый, носивший ранг «офицера по безопасности посольства» их больше интересовала деятельность дипломатов из западных стран, аккредитованных в Луанде. Режим в стране был союзным, дружественным, к тому же обо всем, что происходило в партии, армии и других государственных органах Москва получала информацию из первых рук: от многочисленных советских советников в этих структурах. Сотрудники ГРУ и КГБ СССР работали также в качестве советников и инструкторов в учебных центрах по подготовке партизан СВАПО и АНК, а также при министерстве внутренних дел Анголы.

Но много ли было в Анголе «настоящих» спецназовцев? Сразу определимся, что под этим термином мы будем иметь в виду не только бойцов спецназа ГРУ и КГБ, но и специалистов по разведке и диверсиям, принадлежавшим к другим ведомствам: армии, морской пехоте, ВМФ и ВДВ. То есть людей, с особой подготовкой, которые и могли бы выступать в качестве «ангольских рейнджеров» в тылу противника.

Среди 12 тысяч советских военнослужащих, официально прошедших Анголу с 1975 по 1992 год было немало специалистов такого профиля. Так как ангольская армия - ФАПЛА строилась по

советскому образу и подобию, в ней, как это положено, формировались диверсионные, разведывательные и другие специальные подразделения, в том числе и первые в вооруженных силах десантно-штурмовые бригады: 13-я и 18-я. В середине 80-х годов XX века ФАПЛА имели в своем составе 45 бригад, разбросанных по 10 военно-политическим округам. Кроме них были еще специальные формирования пограничных войск, войск министерства внутренних дел и госбезопасности. Личный состав этих ангольских специальных подразделений обучали советские специалисты соответствующей квалификации, в том числе и прошедшие Афганистан. Но хочу подчеркнуть: все они были рассредоточены по местам дислокации частей ангольской армии, выполняя советнические и инструкторские функции, не составляли какого-либо отдельного специального подразделения.

Так что, наши спецназовцы в Анголе были. Это факт. Но вопрос: возлагались ли советским, либо ангольским командованием на представителей войск специального назначения СССР (ГРУ, КГБ, армейская разведка, разведка ВДВ, морской пехоты) в Анголе задачи, например, по проведению специальных операций внутри страны, на территории Намибии, ЮАР, отправлялись ли они в самостоятельные «рейды и поиски по тылам унитовцев и юаровцев»?

Вот мнение человека вполне компетентного, с которым читатель уже знаком: Бориса Гавриловича Путилина. Напомню, что в 1974 году он был центральной фигурой через которую осуществлялась координация не только поставок оружия МПЛА из СССР, но и планов помощи со стороны советских военных специалистов и кубинцев. Браззавиль и после провозглашения независимости в Луанде оставался центром по координации такой работы. Только спустя несколько месяцев, когда кубинские войска добились кардинальных успехов в

боях в южноафриканцами и угроза Луанде миновала, туда был переведен весь штаб, включая «советников по партии» и «советников по противопартизанской борьбе».

По словам Путилина, в то время на случай захвата наших людей в Анголе, при неудаче миссии по помощи движению МПЛА, существовал ряд планов «специальных операций» в случае неудачи их миссии в Анголе. Поэтому в самый ответственный период ноября 1975 года, когда решалась судьба ангольской революции, к берегам Анголы прибыл большой десантный корабль (БДК) ВМФ СССР с техникой и личным составом на борту. В его задачу входила эвакуация наших советников и лидеров МПЛА. Таким образом, личный состав был готов принять участие в боевых действиях при соответствующих указаниях Москвы.

Могли ли советские морские пехотинцы, в случае неудачи МПЛА и кубинцев захватить и удержать Луанду, пока Агоштинью Нету провозгласит независимость? Видимо могли. Во всяком случае, силенок у мощного БДК с десантом на борту вполне бы хватило, чтобы «раздолбать пол-Луанды». Но ни корабль, ни личный состав десанта задействован в операции не был. Кубинцы и вооруженные активисты МПЛА справились сами.

Косвенно о готовности морпехов ступить в бой подтверждает шифротелеграмма, которая буквально накануне решающих событий была получена из Москвы. По словам Б. Г. Путилина, **шифровка прямо разрешала нашим военным специалистам принимать участие в боевых действиях на стороне сил МПЛА и кубинских войск.** «Это беспрецедентное решение объяснялось крайне напряженной ситуацией, возникшей в стране в канун провозглашения независимости 11 ноября 1974 года, - вспоминал Б. Путилин. Москва ни в коем случае не хотела упускать Анголу. Поэтому, когда около сорока советских специалистов по боевому применению и переводчиков во главе с полковником В. Г.

Трофименко, находившихся в то время в Конго, после 11 ноября были переброшены в Луанду, они имели своеобразный «карт бланш» Москвы на участие в боевых действиях. Однако основной удар южноафриканской военной машины и отрядов сепаратистов приняли на себя кубинцы. Наши военнослужащие ограничились советническими и инструкторскими функциями». Что же касается возможности проведения каких-либо «специальных диверсионных» рейдов силами советских военных специалистов, Борис Гаврилович ответил отрицательно. «Таких задач в тот период Центром не ставилось».

Рейд на Куэбе

Но война в Анголе разрасталась, в страну поехали уже не десятки, а сотни и тысячи советских советников. Изменилась ли ситуация с «массовым применением советского спецназа» в Анголе середине и конце 80-х годов, когда УНИТА при поддержке армии ЮАР развязала широкомасштабную гражданскую войну?

Бывший первый заместитель, а затем и главный военный советник в Анголе в 1988 – 1991 годах генерал-полковник В. Н. Беляев, человек в этой области вполне компетентный, в одной из бесед со мной сказал: **«Что касается рейдов наших военнослужащих в Намибию и ЮАР с целью уничтожения каких-либо объектов, в этом никакой необходимости не было. Да и не было в Анголе разведывательно-диверсионных групп, составленных из советских военнослужащих. Кроме того, это не было предусмотрено договором о нашем сотрудничестве. С такими задачами прекрасно справлялись специальные группы бойцов, ФАПЛА, СВАПО и АНК, подготовленные нашими спецами. Но, хочу подчеркнуть, на территории Анголы, там, где велись боевые действия, наши советники выходили вместе с ангольцами на операции. И тогда специалисты по разведке могли сопровождать отдельные**

разведгруппы в тылу противника. Особенно когда была необходима информация из первых рук».

Да, сейчас можно сказать, что, оказывая помощь руководству спецподразделений ФАПЛА, а также боевых отрядов Африканского Национального Конгресса «Умконто ве сизве» и СВАПО (ПЛАН), **в составе некоторых таких групп действовали и наши офицеры.** Об этом, в частности свидетельствует генерал армии В. И. Варенников, неоднократно бывавший в Анголе в качестве спецпредставителя Генерального штаба СССР. **«О многих планировавшихся операциях УНИТА и ЮАР нам было достоверно известно из первых рук: наши офицеры-разведчики, действуя в составе отрядов СВАПО на территории Намибии и на юге Анголы, имели прямые контакты со сторонниками УНИТА и ЮАР, способными за плату дать точные данные о группировке войск ЮАР».**

Вместе с тем, зная, что у руководства советской военной миссии в те времена было довольно жесткое указание Москвы о соблюдении всех мер безопасности наших советников и специалистов, можно с уверенностью сказать, что такие «выходы» не были массовыми. Об одном из таких рейдов я хочу рассказать. Но подчеркну, на такие задания ходили настоящие профессионалы, которые и никогда не опустятся до саморекламы недостойными способами, как «лейтенант войск специального назначения ГРУ МО СССР» по имени Владимир.

Валентин Гаева работал в Анголе специалистом при командире разведроты в 6-м военном округе. О своих похождениях он говорит достаточно скупно, считает, что ничего особенно героического и не совершал. Вот его рассказ. «Мой подсоветный, первый лейтенант (ангольское воинское звание, соответствующее приблизительно нашему старшему лейтенанту - авт.) Жоакинъ Нзажи был парнем непростым, с характером. В СССР не учился, зато прошел подготовку в 1982 году у

португальских инструкторов специальных сил где-то на севере страны. Считал себя и умнее и способнее нас и сначала не очень доверял мне. Особенно в том, что касалось методов и способов ведения противопартизанской войны. Но, однажды во время занятий по рукопашному бою анголец решил продемонстрировать мне какой-то мудреный прием. И тут же оказался на полу, досыта накушавшись красноватой ангольской земельки. А уж после того, как я показал, как надо стрелять с двух рук, дело и вовсе пошло. Распили мы с Нзажи после всего этого бутылку водки, ну и вроде нашли общий язык. (К тому времени я уже немного начал изъясняться по-португальски, а анголец немного говорил по-русски).

Как-то моему подсоветному пришел из округа приказ: найти сбитый в районе реки Куэбе юаровкий «Мираж». Средства ПВО ФАПЛА «завалили» его при подходе к городу Менонге и, по наблюдениям, летчик не успел катапультироваться. Попутно была поставлена задача провести разведку. Были данные, что южноафриканцы активно разыскивают самолет и пилота, привлекая к поискам унитовцев. У меня руки зачесались: как ни как, боевая задача.

А идти с ангольской разведгруппой в поиск формально нельзя, запрещено. Я командировался в страну по линии 10-ки (10-е Главное управление Генерального штаба – авт.). В Генштабе при инструктаже наставляли: только обучать, тренировать, консультировать, но за «анголан» ни в коем случае не «работать». В руководстве же советской военной миссии в Анголе в те времена существовала некая двойственность позиции по нашему участию в боевых действиях. Москва, страхуясь, от международных скандалов, боясь, что при гибели или захвате в плен советских советников наш «идеологический противник» получит в полемике преимущество, их, мягко говоря, не поощряла. А новый главный военный советник генерал-полковник К.

Куручкин, практически вопреки Москве, дал добро. Боевой был мужик. Так и сказал: «Где подсоветный, там и советник, специалист. А иначе вы здесь не нужны».

Сходить в поиск страсть как хотелось, я же разведчик. Столько лет учился, тренировался, когда еще доведется побывать в боевых условиях. Большое начальство в округе я даже спрашивать не стал: бесполезно, там советник командующего был такой перестраховщик, к тому же ждал со дня на день генеральские погоны. Ему неприятности на одно место были не нужны. Просто доложил советнику при начальнике разведки округа, правда, без особых деталей. Но была еще одна сложность. Нужно было Нзажи упротить, чтобы взял. У ангольцев была масса каких-то директив и инструкций о соблюдении нашей безопасности. В случае чего ему могло сильно влететь от командующего округом. Но мой «анголанен», поразмыслив, согласился.

Десантировались мы с группой с вертушки Ми-8 в предполагаемом районе падения самолета. Экипировка, боезапас – по-полной, район-то контролировался УНИТА. Двое суток лазили по саванне и прибрежной «шане» - так ангольцы называют заболоченную, покрытую высокой травой прибрежную полосу. Вымотались вчистую. Но самолет нашли. Вернее то, что от него осталось. Даже тело летчика обнаружили, хоть и труп уже разлагаться начал, жара и влажность сделали свое дело, да и местные четвероногие хищники «приложили зубы». Взрывом ракеты юаровского пилота буквально перерубило пополам, но «верх» под обломками самолета довольно хорошо сохранился. Его и сфотографировали: не тащить же гниющие останки на себе. Эти фотографии фапловцы вместе с кубинцами позже использовали в пропагандистских целях, выпустили листовку на английском языке Что-то вроде того, что «такой конец ждет всех

империалистических и расистских стервятников в небе независимой Анголы».

Собрали все что можно, выломали несколько приборов с «Миража» в доказательство успешного рейда. Вызвали вертолет, и домой, в Менонге. С унитовцами и юаровскими спецназовцами повстречаться не пришлось. Но самолет они искали, это факт. Южноафриканцы почти никогда не оставляли своих летчиков в беде ни живых ни мертвых. Так что нарваться могли запросто.

С того рейда у меня осталась пачка противомаларийных таблеток «Камохин», найденных в «НАЗе» сбитого юаровского пилота. Здорово они меня потом выручали. Это не «Дилагил» какой-нибудь. Приступ малярии «Камохин» снимает сразу и в качестве профилактики годится. Что и говорить, снабжали юаровцы своих летчиков со знанием дела. Приходилось и потом пару раз ходить на подобные задания. Но на рожен мы никогда не лезли, и дело до открытых столкновений с унитовцами и юаровцами не доходило».

«Служба в Атлантике была не медом»

А как обстояло дело с «рейдами советских морских пехотинцев в Анголе»? Участвовали ли в боевых действиях в Анголе части советской морской пехоты? Часто ли приходилось им «крушить унитовцев и юаровцев»?

В условиях тогдашнего противостояния США и СССР Ангола превратилась в главный форпост советского военного присутствия в юго-восточной Атлантике. Поэтому в прилегающей к берегам Анголы акватории Атлантики с 1975 по конец 80-х годов XX века постоянно находились корабли оперативной эскадры, среди которых, как правило, было 2-3 больших и средних десантных корабля (БДК, СДК) Северного

флота. Все они периодически заходили на базы ВМФ и морские порты Анголы (Луанда, Порту Амбоинь, Амбриш, Кабинда, Лобиту, Бенгела, Намиб, Порту Алешандре). Каждый нес в своем чреве от усиленной роты до батальона морской пехоты, несколько десятков БМП, БТР и плавающих танков ПТ-76. По свидетельствам моего отца, капитана 1 ранга Коломнина А. С., работавшего в тот период в Главном штабе ВМФ «в задачу морской пехоте участие в ангольском конфликте не ставилось. Но наши БДК, СДК и противолодочные корабли являлись мощным сдерживающим фактором на случай вмешательства в конфликт США и других стран»

Нелегкую лямку «морпеха» на одном из БДК Северного флота, регулярно ходившего в Анголу в середине 80-х годов XX века, тянул мой родственник, двоюродный брат жены Иван Маков, к сожалению, трагически погибший осенью 2002 года в Москве. Из многочисленных воспоминаний морских пехотинцев, прошедших Анголу и хранящихся в моем архиве, я выбрал именно воспоминания Ивана. Почему? Не только потому, что он мой родственник. Он получил во время службы в Анголе серьезную травму и вернулся в Москву в «позвоночном корсете». И потом еще долго пришлось долечивать в подмосковном госпитале ангольскую травму. Ему, хлебнувшему в Анголе лиха можно было бы и приукрасить свой рассказ «эффектными деталями», «производственной ангольской травмой» Но он этого сделать не захотел. Мужественный был парень и честный.

«Служба в Атлантике была не медом. Подъем в 6 утра, физзарядка, завтрак, развод на работы. В 12 обед и три часа отдыха, когда самая жара. В десантном отсеке духотища страшная: штатный кондиционер не справляется, а если выходил из строя, а такое бывало часто, то температура до 50 градусов поднималась. А на палубу ни-ни, это привилегия экипажа. Каждый заход в порт был праздником.

Приоткроем аппарель десантного шлюза, свежий ветерок подует, хоть спать можно. Чем занимались? В свободное время «качались», обслуживали технику, отрабатывали приемы рукопашного боя. Несколько раз проводили «спарринги» с местным подразделением – аналогом нашей морской пехоты. Когда стояли в Луанде, в свободное время на пляже часто играли в футбол и волейбол. Купались, рыбку ловили и с берега и с «борта». С ангольцами любили общаться, они «по жизни» ребята приветливые и вежливые. Объяснялись в основном жестами, «на пальцах». Кое-кто из наших на тушенку и сигареты менял у них побрякушки: маски, статуэтки из дерева. Особой удачей считалось выменять фигурку из слоновой кости, но происходило редко: слишком дорого просили. Когда стояли у стенки, в город несколько раз возили: посмотреть достопримечательности. В крепость «Сан Мигель», в музей естественной истории. Запомнилась первоклассная коллекция чучел рыб и морских животных. Кроме Луанды, заходили в Мосамедиш (теперь город называется Намиб – авт.) и еще в несколько портов, названия не помню. Да и из трюма ни черта не видно.

Основным нашим, если так выразиться, «развлечением» были ночные «дуэли» с подводными пловцами ЮАР. Это называлась «противодиверсионная вахта». Сам я, правда, диверсантов никогда не видел. Но они существовали, это факт. Подрывали в основном гражданские транспорты с оружием, снаряжением, продовольствием. При нас пустили на дно наше судно «Комсомолец Донбасса», стоявший далеко на рейде, и пару сухогрузов из ГДР. Но советские боевые корабли южноафриканцы не трогали. Видимо боялись. Да и меры мы принимали соответствующие. Какие? Да глушили их «лимонками». Еще были у нас такие штучки: гранатометы «Огонек» и «Дуэль».

На ночь бортовые огни гасили: опасались снайперов. На палубу по периметру выставляли несколько ящиков с ручными гранатами -

«лимонками», которые морячки из экипажа БДК периодически бросали в воду. Причем старались взорвать пару гранат еще при свете, чтобы успеть собрать с воды и пожарить на камбузе к вечернему чаю «допоек» - глушенную рыбу. К утру ее на поверхности уже не оставалось, сжирали акулы. Ручными гранатами защищали ближние подступы к кораблю. Чтобы обезопасить себя на дальних подступах из морпехов формировался расчет гранатомета МРГ-1 «Огонек». Он представлял собой блок из семи вертикальных стволов калибра 55 мм, закрепленных стационарно на треноге. Этот «тюльпан» наводили на сектор возможного появления аквалангистов-диверсантов. Расчет осуществлял зарядание и прятался в укрытие. По команде открывался огонь. Кто давал команду? Обычно наблюдатель, если что-то увидит. Но, как правило, это были ложные цели: палки или другой плавняк. Мало ли что в бухте плавает. А иногда надоедало ждать, да и нажимали на электроспуск. Пламя, грохот, реактивные струи: любо-дорого посмотреть. Потом зарядим и опять ждем. На это дело боеприпасов не жалели.

Если стояли у стенки, то «Огонек» нельзя было использовать. Слишком мощный. Реактивной струей можно и своих поджарить. Тогда додумались снять один ствол от «Огонька» и закрепить его с помощью специальных подвесов на плече стреляющего. Смонтировали на трубе и устройство электроспуска, позаимствовав его от реактивного гранатомета «Удар». Боец с таким тубусом мог свободно перемещаться по палубе или по причальной стенке. В случае появления на воде вероятной цели открывал огонь. Называлась вся эта конструкция «Дуэль». Но и эта штука была крайне опасна. Не дай Бог, во время залпа кто-то окажется сзади – получится кусок жареного мяса. Поэтому на палубе его не применяли редко, в основном пользовались «Дуэлью» только на берегу, например, когда стояли в Мосамедише. Там

военно-морской базы не было, только гражданский порт. Вот и приходилось БДК не только со стороны океана охранять, но и с суши. Командир роты десанта «нарезал» каждому расчету из трех человек свой «кусок» – метров 200-300 отличного песчаного пляжа. Один морпех с «Дуэлью», и двое с АКС. Это, кстати, была любимая наша «вахта». Можно было расслабиться, даже искупаться. На пляже в изобилии росли пальмы. Лазили на них за кокосами и финиками. Финики, правда, были какие-то странные, абсолютно несъедобные. Но зато экзотика!

Еще боевые стрельбы в море проводили. В общем, обычная, нормальная служба. Да, многие парни татуировки себе кололи. Ангола, пальмы, якоря и всякое такое. Чтоб память была, да и похвастаться после: был там и видел Африку. А вот с юаровцами и унитовцами повоевать в открытую не пришлось. Не было этого. И не только в наш поход. Если что и было раньше, то нам бы рассказали: такие вещи как по беспроводному телеграфу передаются».

Могу добавить, что части морской пехоты помимо того, что занимались боевой подготовкой, выделялись в качестве усиления для охраны некоторых береговых объектов, связанных с пребыванием в Анголе советских людей. Например, территории нашего Пункта материально-технического обеспечения (ПМТО), жилых помещений, топливных складов, машин ЗАС, также в отдельных случаях, нашего посольства и военной миссии. Принимали морские пехотинцы участие и в охране советских гражданских и рыболовецких судов. Хочу подчеркнуть: эти задачи были боевыми. И все советские морские пехотинцы в любой момент могли оказаться лицом к лицу с южноафриканскими диверсантами и готовы были дать им надлежащий отпор. И тот, факт, что они не ходили «в героические рейды по унитовским и юаровским тылам» отнюдь не умаляет их заслуг перед ангольским народом и своим Отечеством.

Колдун в камуфляже»

О смерти главного ангольского оппозиционера, «африканского террориста №1» генерала Жонаса Мальейру Савимби мы с друзьями узнали, наверное, одними из первых в России. Решив по старой традиции отметить 23 февраля 2002 года, мы отправились в московские Сандуны: пообщаться, обменяться новостями. Собрались мои однокурсники по Военному институту иностранных языков: Сергей Антонов, Шура Гореленков, Славка Орлов, Андрей Сидоров. Между парилкой и пивом зашел разговор о «наших»: где, кто. Оказалось, что многие из тех, с кем мы работали в Анголе и Мозамбике до сих пор в Африке, кто по линии Минобороны, кто по контрактам с ООН, а кто, как говорится, «частным порядком». Некоторые даже преуспели, кое-то обзавелся собственными фирмами, занимаются авиаперевозками, торгуют рыбой. Вдруг запиликал сотовый. Звонил из Луанды один из общих знакомых, работавших по контракту на правительственную армию. Поздравил с праздником и как-то между делом сказал: «Все, ребята, спецназовцы Савимби прикончили. Так что войне конец, наверное, скоро всех по домам распустят». Официальное сообщение о смерти главы УНИТА последовало лишь через несколько дней...

Трудно переоценить то, что означала колоритная личность Савимби для Анголы. Он имел неограниченное влияние на полевых командиров УНИТА, жестоко пресекая в зародыше даже мысль о возможности договориться с правительством президента Эдуарду душ Сантуша. Последнего он презрительно называл «филинью» – «сынок», намекая не столько на возраст президента Анголы, сколько на отсутствие у него «опыта революционной и партизанской борьбы». Авторитетный генерал на протяжении нескольких десятилетий

руководил мощной вооруженной оппозиционной группировкой Анголы, опирающейся на самый многочисленный этнос Анголы – овимбунду. Ее боевые возможности начиная с середины 80-х годов XX века постоянно росли, что позволяло бойцам Савимби в отдельные годы контролировать чуть ли не половину территории Анголы. УНИТА была разветвленной военно-политической организацией с многочисленными дочерними структурами: собственными профсоюзами, молодежной и женской организациями. Вот подлинная справка, содержащая оценку деятельности УНИТА и подготовленная в середине 80-х годов в ГРУ ГШ за подписью тогдашнего руководителя этого ведомства генерал-полковника Г. Михайлова.

*Для служебного
пользования
Экз. №1*

Военно-политическая обстановка в Анголе продолжает оставаться сложной и напряженной. Основным фактором, оказывающим дестабилизирующее воздействие на положение в стране, является вооруженная деятельность внутренних контрреволюционных организаций: Национального союза за полную независимость Анголы - УНИТА, Фронта национального освобождения Анголы - ФНЛА и Фронта освобождения анклава Кабинда - ФЛЕК.

Наибольшую опасность для существующего в Анголе прогрессивного строя представляет Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА). Эта организация была создана 13 марта 1966 года на базе отколовшейся от Фронта национального освобождения Анголы (ФНЛА) группы лиц во главе с Жонасом Савимби. В период борьбы против португальского колониализма УНИТА, опираясь на помощь западных стран и КНР, проводил раскольническую

политику в национально-освободительном движении Анголы, стремясь занять в нем лидирующее положение. После прихода в ноябре 1975 г. к власти МПЛА под руководством А. Нето (Народное движение за освобождение Анголы) лидеры организации начали открытую вооруженную борьбу против нового ангольского правительства.

В настоящее время программа-максимум УНИТА ставит конечной целью захват власти в стране. Ближайшая задача - заставить нынешнее руководство НРА и, в первую очередь президента Ж. Э. душ Сантуша, пойти на переговоры с ним и сформировать коалиционное правительство "национального единства", обеспечивающее Союзу равноправное с МПЛА-ПТ участие во всех сферах государственной деятельности.

Высшим органом УНИТА является съезд (последний очередной VI съезд проведен в августе 1986 года). Рабочие органы: исполнительный комитет (18 чел.) и национальный комитет (55 чел.). Председатель - генерал Ж. Савимби (он же верховный главнокомандующий вооруженными формированиями УНИТА), вице-председатель Ж. К. Шитунда, генеральный секретарь - Мигел Н'Зау Пуна. В рамках УНИТА созданы массовые «организации»: Союз революционной ангольской молодежи (ЖУРА), Самостоятельная лига ангольских женщин (ЛИМА), Синдикат ангольских крестьян и рабочих (СИНДАКО), детская организация (АЛВОРАДА). В контролируемых организацией районах (юго-восточная часть Анголы) действуют созданные унитовцами местные органы власти.

Социальную опору УНИТА составляет этническая группа овимбунду (около 2,4 млн. чел.), населяющая центральные и южные провинции страны.

Решение задач по захвату власти в стране руководство УНИТА осуществляет путем достижения промежуточных целей, устанавливаемых на определенные сроки. Так, на 1987 год УНИТА ставит целью: продолжить диверсионно-террористические акции по всей стране, уделяя, по-прежнему, главное внимание подрыву экономики и дестабилизации политической жизни; сорвать проведение крупномасштабной операции правительственных войск на юго-востоке страны; создать выгодные условия для восстановления утраченных позиций на востоке провинции Мошику; активизировать боевую деятельность в северных и восточных экономических районах с попыткой захвата месторождений алмазов; не допустить разгрома своих стратегических тыловых баз и учебных центров, находящихся в южной части Анголы.

Для достижения поставленных целей руководством УНИТА используются так называемые "Вооруженные силы освобождения Анголы" (ФАЛА), численность которых составляет 38 тыс. чел. Бандформирования представляют собой батальоны, созданные по типу регулярных войск со штатным оружием и военной техникой. В боевом составе ФАЛА имеется: батальонов - 50, окружных колонн (рот) - 63. Эти подразделения практически постоянно осуществляют вооруженные акции в различных провинциях Анголы.

С целью повышения оперативности и эффективности действий вся территория НРА командованием УНИТА условно разделена на четыре фронта (Северный, Центрально-северный, Восточный, Центрально-южный) и пять секторов ("Казомбу", "Канаке", "Кванза", "Куиту", "Куньинга"). Кроме того, имеется один военный округ центрального подчинения. На основе существующих секторов могут быть созданы еще два-три фронта.

Основные тыловые базы УНИТА расположены на юго-востоке страны. Кроме того, такие базы созданы в соседних с Анголой странах: Намибии, Заире и Замбии. Военная подготовка унитовцев осуществляется офицерами ЮАР в лагерях на территории Намибии (Окамбебе, Ондегира, Стенгело-Дам, Омундаунгило, Катара, Андара), а также в пяти учебных центрах, расположенных в южных и юго-восточных провинциях НРА. Кроме того, в Заире организован ряд учебных пунктов, где под руководством западных инструкторов идет освоение личным составом ФАЛА оружия, поставленного США для Ж.Савимби по линии ЦРУ (противотанковые и зенитные средства).

Материальную, финансовую и военную помощь УНИТА получает в основном от США и ЮАР, частично от Великобритании, ФРГ, Франции, Заира, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Габона, Кот-д'Ивуара, Израиля, Марокко и Египта. УНИТА имеет в Вашингтоне и Лиссабоне свои постоянные представительства, которые действуют под видом торговых фирм.

В последние годы руководство УНИТА значительно активизировало свою внешнеполитическую деятельность, стремясь, с одной стороны, добиться широкого международного признания организации, а с другой - увеличения военной и финансовой помощи от западных стран. Эти вопросы, в частности, обсуждались в ходе визитов Ж.Савимби в Вашингтон (январь 1986 г.), а также в Париж и Бонн (сентябрь-октябрь 1986 г.).

Генерал-полковник Г. Михайлов

2 апреля 1987 г.

Нельзя сказать, чтобы с Савимби не пытались договориться. Ему предлагали и должность, и положение, и деньги. Однако генерал обладал просто маниакальным стремлением к единоличной власти. Когда в 1992 году под давлением международного сообщества в Анголе

прошли первые всеобщие выборы с участием УНИТА, Савимби, потерпев поражение, объявил их результаты сфальсифицированными. Он с негодованием отверг предложенную ему должность вице-президента страны и приказал своим сторонникам возобновить боевые действия. В 1994 году при посредничестве России и США в Лусаке было достигнуто новое соглашение о мире и национальном примирении. Но и оно не устроило Савимби. Ему нужно было все или ничего. Похоже, генерал решил сохранить верность клятве, которую он торжественно произнес 1 февраля 1976 года после разгрома кубинцами своих основных сил под городом Уамбу. Тогда, призвав своих сторонников к партизанской войне, он публично заявил: «Пока я жив, из леса не выйду».

Английский журналист Фред Бриджлэнд, неоднократно встречавшийся с ним и посвятивший генералу целую книгу с претенциозным названием «Савимби – ключ к Африке» писал: «Это был самый замечательный, привлекательный и интересный человек, которого я когда-либо встречал в жизни». По оценкам хорошо знавших его людей Савимби был блестяще образован и обладал поистине демоническим обаянием, легко очаровывая своих собеседников глубоким знанием сути проблемы и нетривиальностью суждений. Мой хороший знакомый по работе в вооруженных силах Анголы в 1980 – 1983 годах, ныне командующий национальными ВВС генерал Франсишку Афонсу (Анга) после смерти Савимби признался: «В этом человеке было что-то поистине колдовское, демоническое. Поэтому, уничтожив его, мы не победили УНИТА, мы освободили организацию от его чар».

Советские руководители, сделавшие ставку в национально-освободительной войне в Анголе на руководителя МПЛА Агоштинью Нету, тем не менее, допускали возможность того, что Савимби рано

или поздно может прийти во власть. Сейчас мало кто помнит, что с 1961 года в период войны народа Анголы против португальских колонизаторов СССР поддерживал УНИТА наравне с МПЛА и даже готовил для нее кадры. Многие из военных руководителей УНИТА и сейчас могут похвастаться, что когда-то прошли школу партизанской войны в учебном центре «Перевальное» в советском Крыму.

Однако в какой-то момент руководство СССР решило все-таки сделать ставку «истинных марксистов» из МПЛА. Как признался мне как-то сотрудник международного отдела ЦК КПСС Эдуард Капский, курировавший национально-освободительные движения на Юге Африки, «Савимби вначале держали про запас, но потом поняли, что он ориентируется на китайцев и США». Тем не менее, все «телодвижения» мятежного генерала тщательно отслеживались соответствующими структурами. Вот любопытный документ, рожденный в 1987 году в недрах Главного разведывательного управления Генерального штаба - справка на Савимби. Она была направлена «для ориентировки» всему руководящему составу Министерства обороны СССР. Привожу ее в оригинале.

Для служебного пользования

Экз. №1

«Родился 3 августа 1934 года в городе Муньянгу (провинция Бие) в семье служащего железной дороги. Выходец из племени овимбунду. Учился в частных миссионерских школах в Анголе, где получил среднее образование. В 1958 году выехал в Португалию для продолжения образования. Поступил на медицинский факультет Лиссабонского университета. В 1960 году переехал в Швейцарию, где изучал общественные науки и юриспруденцию в университетах Фрибурга и Лозанны. Защитил докторскую диссертацию.

В период обучения организовал студенческое общество под названием «Швейцарские друзья Анголы» по сбору средств для борьбы с колонизаторами, а также установил связь с Народным движением за освобождение Анголы (МПЛА).

По возвращении на родину в 1961 году включился в политическую деятельность, став членом «Союза народов Анголы», руководимого Холденом Роберту. Вскоре был избран на пост генерального секретаря «Союза», а позднее назначен министром иностранных дел в Революционном правительстве Анголы в изгнании (ГРАЕ). В этой должности совершил ряд поездок по странам мира, включая США, встречался с видными африканскими лидерами (Нкрума, Насер, Бен Бела). Принимал непосредственное участие и был одним из инициаторов создания Фронта национального освобождения Анголы (ФНЛА).

В июле 1964 года в результате разногласий между Савимби и Роберту в ФНЛА произошел раскол. В марте 1966 года Савимби и его сторонники окончательно вышли из ФНЛА, создав УНИТА. В период становления организации поддерживал тесные связи с западными странами и КНР, оказывавшими поддержку УНИТА. В последнее время Ж. Савимби активизировал свою деятельность на международной арене, стремясь, с одной стороны, добиться широкого признания своей организации, а с другой – увеличения военной и финансовой помощи от западных стран. С этой целью он посетил ряд государств, в том числе США (январь 1986 года), Францию и ФРГ (сентябрь – октябрь 1986 года).

Националист. Известен в стране как активный участник вооруженной освободительной борьбы против португальских колонизаторов, наибольшее влияние имеет в южных провинциях

Анголы, где проживает основная масса этнической группы овимбунду (около 2,4 млн. чел).

Умелый руководитель и организатор. Обладает природным умом, хорошо разбирается в политических и военных вопросах.

Владеет английским, испанским, французским языками. Женат».

Подобные справки разведывательное ведомство генштаба составляло регулярно, как бы напоминая советским руководителям о том, что Савимби жив и с ним вполне вероятно придется иметь дело, если процесс национального примирения в Анголе получит соответствующее развитие.

В погоне за «Черным петухом»

Охота за Савимби велась на протяжении нескольких десятилетий. Сначала его безуспешно пытались уничтожить колониальные власти. В эмиграции подсылали агентов, травили ядами. Но «могучего Жонаса» ничего не брало. После провозглашения независимости и прихода к власти в ноябре 1975 года МПЛА его стали преследовать агенты ангольской секретной службы DISA (Департамент информации и безопасности) и отряды правительственной армии - ФАПЛА. Однако организация Савимби, оправившись от сокрушительного поражения, нанесенного ей кубинскими войсками, сражавшимися на стороне МПЛА потихоньку начала набирать силу, а сам он хоть и был несколько раз на грани смерти, сумел выжить.

Вербовала новых сторонников из числа недовольных новой властью, получала новые и новые дотации от «западных друзей» и, как-то незаметно к началу 80-х превратилась в мощнейшую оппозиционную силу в Анголе. Отряды Савимби практически полностью захватили провинцию Кванду-Кубангу на юго-востоке страны. Именно там, в бесконечной саванне, Савимби и основал свою основную тыловую базу - Жамбу.

По рассказам пленных унитовцев, она занимала обширную территорию, была хорошо оборудована в инженерном отношении, имела разветвленную сеть подземных ходов. Там же был расположен аэродром, построенный юаровскими военными строителями, госпиталь, радиостанция УНИТА «Голос Черного петуха». В Жамбе под руководством иностранных, главным образом южноафриканских наемников, проходили подготовку унитовские командиры и диверсанты. Оттуда Савимби руководил действиями своих повстанцев по всей Анголе. «Достать» его там можно было с воздуха...

В 1980 году президент Анголы Жозе Эдуарду душ Сантуш, сменивший на этом посту умершего от цирроза печени «верного ленинца» Агоштинью Нету поставил перед ангольскими ВВС задачу «найти и уничтожить» Савимби и разрушить его радиостанцию «Голос черного петуха». Он прекрасно понимал, что без устранения этого авторитетного генерала потушить пожар гражданской войны в стране не удастся. Однако новая ангольская армия только создавалась, и на тот момент у ангольцев не было ни самолетов, ни летчиков, способных выполнить эту задачу. Единственная боеготовая эскадрилья на МиГ-17 и МиГ-19 для этой цели не годилась. Бывший тогда начальником штаба ВВС и ПВО подполковник Мбету Трасса на одном из совещаний предложил своему советнику полковнику Савельеву использовать для нанесения бомбовых ударов... транспортные самолеты Ан-26.

Все разъяснения наших советников, что самолет этот не предназначен для подобных целей, вызывали у ангольцев только раздражение. Они настойчиво требовали оборудовать самолеты специальными устройствами для подвески бомб ФАБ-250 и ФАБ-500, которые в достаточных количествах имелись на складах. Вскоре, однако, выяснилось, что подобные устройства в СССР не производятся. Тогда Мбету Трасса, основной генератор этой идеи, потребовал от наших

советников ни много, ни мало, а «запросить все союзные армии по Варшавскому договору на предмет поставки и изготовления таких устройств». По каким-то ему одному известным каналом, подполковнику стало известно, что «секретом» превращения Ан-26 в бомбардировщик якобы владеют болгары. Но тут, как раз выяснилось, что Ан-26 поставлялись в Анголу не через министерство обороны, а по линии ГВФ. А это сугубо гражданское ведомство резонно посчитало переоборудование самолетов в военных целях не своим делом. В препираниях между сторонами, так и окончившихся ничем, прошло несколько месяцев.

Хотя, наши специалисты считали переоборудование самолетов возможным, была еще одна немаловажная причина, по которой этот процесс тормозился. В 1981 году подготовленных ангольских летчиков на Ан-26 еще не было. Тогдашние советники командующего и начштаба ВВС и ПВО Анголы полковники Кислицин и Савельев, покумекав, пришли к выводу, что ангольцы вслед за переоборудованием транспортников в бомбардировщики сделают следующий логичный шаг: попросят наших пилотов бомбить Савимби. И что тогда? Назвался груздем – полезай в кузов. А как на это отреагирует мировое общественное мнение? К тому времени один советский экипаж Ан-26, выполнявший транспортный рейс в столицу провинции Кванду-Кубангу Менонге был сбит унитовской ракетой, и двое советских летчиков попали в плен. УНИТА, используя все свои международные связи, представляло дело так, что они, якобы, бомбили мирные города, находящиеся под контролем Савимби. Поступить так означало бы втянуться в прямую конфронтацию...

Тогда на совещании у главного военного советника в Анголе генерал-лейтенанта Петровского было принято решение воздержаться каких-либо шагов в данном направлении. Вместо этого ангольцам

предложили закупить в СССР фронтовые бомбардировщики Су-22, также обещали содействие в срочном переобучении на этот тип самолета летчиков первой ангольской эскадрильи МиГ-17 во главе с командующим ангольских ВВС, тогда еще капитаном Франсишку Афонсу, которого мы запросто называли его партийной кличкой «Анга».

Получив от своего советника такую рекомендацию, подполковник Мбету Трасса был просто взбешен. Он, видимо, уже успел раструбить «наверху» о своей перспективной идее по уничтожению Савимби при помощи Ан-26 и давать задний ход не собирался. В обход своего советника он приказал командующему авиабазой в Луанде лейтенанту Мишелу изготовить устройства для подвески бомб в местных мастерских. Бесперспективность этой затеи была очевидна. Однако она едва не была воплощена в жизнь!

Что сделал Мишел, заслуженный партизан МПЛА, имевший весьма отдаленное представление об авиации, получив такой приказ? Он первым делом обратился напрямую к советским технарям, обслуживающим самолеты МиГ-17 и кубинские МиГ-21бис просьбой помочь. Те, ни слухом, ни духом не ведая о яростной дискуссии, разгоревшейся на высшем уровне, посчитали просьбу вполне правомерной и приняли к исполнению. Целую неделю наши инженеры и техники над чем-то колдовали в мастерских военно-воздушной базы в Луанде, пока об этом все-таки не узнал советник начальника штаба ВВС и ПВО полковник Савельев. Специалист при ТЭЧ (Технико-эксплуатационная часть) получил нагоняй и указание забыть об этой «бредовой идее». Это случай послужил поводом для «разбора полетов». Очередное совещание группы советников и специалистов ВВС и ПВО Луанды было целиком посвящено «усилению взаимодействия высшего и низшего звена советнического аппарата».

Между тем, руководство ангольских ВВС никак не могло успокоиться в своем стремлении разбомбить Савимби. После фиаско с переоборудованием Ан-26, подполковника Мбету Трасса посетила очередная «гениальная» идея. На встрече со своим советником он посетовал на «малую активность советских товарищей в исполнении приказа президента». А потом вдруг заявил, что его страна будет просить СССР подвергнуть Жамбу «ковровым бомбардировкам с советских стратегических самолетов ТУ-95». Но и тут его ждало разочарование. Не имевший военного образования подполковник, был несказанно удивлен, узнав, что совершавшие регулярные полеты из СССР через Гавану в Луанду и обратно самолеты являются не бомбардировщиками, а разведчиками. Немного подумав, он впрочем, спросил: «Но бомбы то к ним можно подвесить?». После этого разговора между советником и подсоветным «пробежала черная кошка». Несколько месяцев они практически не встречались. Ситуация разрешилась лишь тогда, когда вместо Мбету Трассы на должность начальника штаба ВВС был назначен капитан Алберту Нету, исполнявший до этого обязанности политкомиссара ВВС и ПВО.

Полет «на палочке»

Алберту Нету был представителем новой генерации руководителей ангольской армии, не отягощенной былыми заслугами в партизанской войне. Не имея, как и большинство ангольцев, военного образования, он жадно учился, проводя со своим советником уйму времени, старательно выполняя все его рекомендации. Кроме того, он был большим любителем попариться в русской бане, которую мы своими силами из вертолетного контейнера оборудовали на базе в Луанде. За время моей службы в Анголе у нас сложились исключительно доверительные отношения. Впоследствии он окончил

военную академию в СССР и стал командующим ангольскими ВВС, затем занимал пост посла Анголы в Бразилии. Именно Алберту Нету по рекомендации своего советника и принял решение подключить к задаче по уничтожению Савимби кубинский авиополк, базировавшийся на аэродроме в Луанде.

Однако здесь не обошлось без трудностей. Выяснилось, что «кубинские интернационалисты» отнюдь не горели желанием влезать в «разборки» с Савимби. И дело было не только в том, что радиуса действия их истребителей МиГ-21Бис не хватало для того, чтобы долететь до Жамбы. Это был период, когда кубинское военное руководство несколько дистанцировалось от борьбы с УНИТА. Считалось, что кубинские войска, располагаясь на важнейших направлениях возможного вторжения войск ЮАР, являются гарантом независимости страны и защиты ее от внешней агрессии. А УНИТА – это дело внутреннее. Многие высокопоставленные кубинские военные, которые были вполне откровенны с нами, открыто возмущались нерешительностью ангольского руководства в борьбе с унитовцами и не желали использовать своих солдат в качестве «пушечного мяса» на внутреннем фронте. Их позицию того времени можно было выразить словами командира авиаполка полковника Салинеса «мы достали им власть, так пусть сумеют ее удержать сами». Однако эти настроения высказывались только наедине с советскими советниками. Внешне между кубинцами и ангольцами, особенно на высшем уровне, по-прежнему разногласий как бы не существовало.

Тем не менее, на просьбу нового начальника ангольского штаба ВВС и ПВО кубинцы, ссылаясь на отсутствие нужной инфраструктуры на аэродроме столицы провинции Кванду-Кубангу Менонге, ответили отказом. Тот же Салинес высказался более откровенно. «Даже если и посадить пару «мигов» в Менонге, они все равно не долетят: горючего

не хватит». Тут кубинский полковник лукавил. Долететь бы долетели, правда, с какой бомбовой нагрузкой?

Однако зачем тогда советские советники? Они тщательно все обсчитали, обосновали и выдали ангольцам рекомендацию: оборудовать в Куиту-Куанавале, ближайшем к Жамбе городе, имевшем взлетную полосу и находившемся под контролем ангольской армии, аэродром подскока. А пока вопрос о применении кубинской авиации обсуждался в более высокие инстанции, ангольцы решили произвести рекогносцировку в Куиту-Куанавале.

В командировку летим по полной боевой выкладке: получили в оружейке пистолеты, автоматы, боеприпасы. Состав группы: ангольский начштаба, его советский советник полковник Савельев, переводчик, представитель кубинцев подполковник, летчик МиГ-21, четыре до зубов вооруженных солдата из охраны штаба и, естественно, экипаж самолета. Сегодня нам повезло. Для полета в Куиту-Куанавале ангольское командование выделило не какой-нибудь там транспортный Ан-26, а личный самолет командующего команданте Гату «Фоккер» Ф-27 - небольшой комфортабельный самолет салоном класса «люкс».

9 часов утра. Аэродром базы ВВС в Луанде. Мы с Александром Яковлевичем Савельевым, одетые в камуфлированную форму уже полчаса как прохаживаемся под брюхом «Фоккера». Недалеко, у бровки аэродрома, в окружении двух своих вооруженных людей курит гаванскую сигару и кубинский подполковник. Ясно, не надеясь на ангольцев, решил взять свою охрану.

Ни пилотов самолета, ни ангольского начштаба пока не видно. Вчера при уточнении последних деталей полета мы с Алберту Нето договорились о времени вылета. «Девять ноль, ноль – колеса в воздухе», - торжественно объявил начштаба. Прекрасно зная ангольские обычаи, я был уверен, взлетим, дай Бог, часам к одиннадцати. Но порядок, есть

порядок, поэтому явились к назначенному времени даже с «ефрейторским зазором». В принципе к любому назначенному ангольцами сроку можно было смело добавлять час, а то и два. Тот же Анга, окончивший в Союзе полный курс летного училища и мало-мальски привыкший к пунктуальности, даже свои наручные часы всегда переводил на час вперед. На мой вопрос, к чему это, будущий генерал смущенно заметил, что так он, по крайней мере, не опоздает на назначенную встречу более чем на час.

Наконец, часам к десяти появляется начальник штаба. Извиняться за опоздание он и не думает. Опаздывать здесь принято. Ну, а то, что мы битых полтора часа точим на жаре, это мало кого волнует. Еще через полчаса подтягивается экипаж. В полдвенадцатого стартуем. Как бы сказали сегодня, ситуация развивается «штатно». Лететь нам несколько часов почти через страну с северо-запада на юго-восток. В принципе, запаса топлива у «Фоккера» хватает, но ни в Менонге, ни тем более в Куиту-Куанавале, складов горючки нет. В Куиту-Куанавале, по правде говоря, вообще непонятно, что есть. Формально город находится под контролем правительственных войск, но постоянной связи с тамошним гарнизоном нет. Поэтому летчики спланировали промежуточную посадку в Уамбу, решив залить там баки «под завязку». А из Куиту на остатках напрямиком в Луанду. Савельев этот план не одобряет, топлива может и не хватить. Но ангольские пилоты с улыбкой хлопают его по плечу «мол, ничего, «вельете», («старчек» по-португальски) как-нибудь дотянем».

Выясняется, что у Алберту Нету есть дела в Уамбу, втором по размерам и значению городе страны. (При португальцах он назывался «Нова Лижбоа» - «Новый Лиссабон» и они даже хотели перенести туда столицу страны). В аэропорту на летном поле нас ждет не кто-нибудь, а главное лицо в регионе - провинциальный комиссар, губернатор по-

местному. Он решил лично приветствовать нового начальника штаба ВВС и ПВО страны. Кортёж из нескольких мерседесов и лендроверов перевозит нас в резиденцию главы местной власти. Здесь же ждет роскошный обед. На закуску подается пиво и крабы. В хрустальные рюмки щедро льется виски двенадцатилетней выдержки. Но робкие замечания Александра Яковлевича, что мол, пора лететь дальше, Алберту Нету только машет рукой: «Спокойно, камарада ассессор, все будет в порядке».

Между тем Савельеву есть от чего волноваться. В прошлом классный летчик, освоивший не один тип самолетов, методичный и вдумчивый штабист, он прекрасно понимает, с чем мы можем столкнуться в Куиту-Куанавале. Аэродром не оборудован, нет даже приводной радиостанции, т. е. радиомаяков, не говоря уже об освещении полосы. Значит, садиться придется визуально. Времени же до наступления темноты осталось часа четыре (тех широтах солнце садится в течение получаса). А самое главное, никакой информации из самого Куиту. А может, он давно захвачен унитовцами? Опасения разделяет и кубинец.

Но вскоре визит вежливости закончен, и мы вновь мчимся по улицам одного из самых красивейших городов внутренней Африки. По пути к аэродрому один из приближенных комиссара неожиданно дает знак, и кортеж останавливается. «Вот дом самого Савимби», - указывает он на красивый особняк. Здесь он жил пока мы не выбили войска УНИТА из города». Прикидываю, домик то будет «не слабее» резиденции провинциального комиссара. (Позже мне удалось посетить и внимательно осмотреть бывшую резиденцию главы УНИТА. Меня поразило не сколько роскошное внутреннее убранство, а то, что в доме сохранилась вся мебелировка и ни одна из ценных вещей, принадлежавших главе УНИТА не была разбита или украдена. Такое

впечатление, что дом охранялся тщательнее, чем иной банк.). «А что сейчас в нем?»,- спрашиваю у чиновника. «Так, ничего, просто так стоит». Вот это да! Никогда не поверю, что высшие ангольские чиновники, успешно унаследовавшие от колониальной администрации стремление к роскоши, могли обойти стороной такой особняк. Тем более, что во время боев за город в 1976 году многие здания пострадали. Скорее всего, просто боятся в нем селиться. А вдруг хозяин вернется? Этим объяснялось и тщательность охраны здания.

Как экипаж «Фоккера» сел в Куиту-Куанавале, не представляю. Привод не работает, диспетчерская служба не отвечает (эту пикантную подробность мы, правда, узнали уже после приземления), никаких ориентиров, кроме высокой водонапорной башни с надписью на португальском языке «КУИТУ КУАНАВАЛЕ», испещренной выбоинами от пуль и осколков снарядов. Тем не менее, мы сели. После того как пилоты заглушили двигатели, наступила просто звенящая тишина. Солдаты охраны вместе со своими кубинскими коллегами, передернув затворы «калашниковых», вышли первыми, окружили самолет, заняв сектора обстрела. В течение почти получаса к нам никто не приближался. Вдруг на другом конце ВПП показалась «УАЗик». Но, остановившись в метрах 100 от самолета, он быстро развернулся и помчался вспять. Кто там? Свои? Чужие? Остается только гадать, да уповать на удачу. Тем временем быстро смеркается, Савельев и кубинец, единственные эксперты в нашей миссии, осматривают полосу, чтобы решить главный вопрос: смогут ли сесть «мигари»?

Полоса в относительно хорошем состоянии, длина вполне достаточна для посадки истребителей, но кое-где имеются выщерблины. К тому же она вся засыпана камнями. Кубинец отрицательно качает головой. Садиться «Мигам» нельзя, слишком опасно: двигатели могут всосать камни, и тогда катастрофа неминуема.

Савельев другого мнения: здесь вполне можно организовать аэродром подскока после соответствующих восстановительных работ.

Тем временем укативший «УАЗик» вновь приближается к нам, да не один. За ним следует грузовик с десятком вооруженных солдат. Наши стажи, в любую минуту готовые открыть огонь, занимают удобные позиции вокруг самолета. Мы тоже готовы к отражению возможной атаки, примостившись в овраге рядом со взлетной полосой. Но автомобили оказываются своими. Это фапловцы, сами порядком испугавшиеся от нашего появления. Оказывается, никто их не извещал о прилете «Фоккера». Да и не могли. Аккумуляторы имеющейся радиостанции «Рокал» давно подсели, а дизельный движок вышел из строя. Поэтому не работала и диспетчерская служба, состоящая, кстати, из одного единственного сержанта. Может быть, оно и к лучшему. Меньше информации в эфире, меньше проблем.

Разговариваем с командиром роты охраны аэродрома. Сведения удручающие. Унитовцы постоянно обстреливают город, минируют дороги. Припасов совсем нет, колонны из столицы провинции Менонге прибывают раз в 3-4 месяца. Наша авиация не летает. Боятся унитовских «Стингеров» в воздухе и гранатометов на земле. Мы первые, кто отважился сесть на этом аэродроме за последние четыре месяца. Поэтому-то они и испугались. Подумали, что южноафриканцы высаживают десант. Каково? Это, впрочем, неудивительно. У ангольцев еще очень свежи в памяти события, связанные с разгромом южноафриканскими десантниками лагеря намибийских беженцев в городе Кассинга 4 мая 1978 года. Та операция тоже началась с посадки на аэродроме небольшого самолета, из которого после приземления высыпала первая партия южноафриканских «коммандос».

Между тем, к нам подбегает командир экипажа лейтенант Моизеш. Это один из первых ангольских летчиков, получивших

образование в СССР. После обучения в учебном центре города Фрунзе он обучался пилотажу вертолета Ми-8, но, полетав пару лет над ангольскими джунглями и потеряв в катастрофах нескольких боевых товарищей, решил переквалифицироваться. Моизешу и еще несколькими его товарищам удалось поехать в Швейцарию на переобучение. Теперь он может пилотировать не только вертолеты, но и гражданские самолеты. Я знаю, что его «голубая мечта» уволится из армии, и поступить летчиком в ангольскую национальную авиакомпанию ТААГ, летать на Боинге. Но и «Фоккер» командующего ВВС и ПВО, по сравнению с транспортно-боевыми вертолетами, пока тоже неплохо.

Лейтенант что-то возбужденно говорит ангольскому начштаба. Дело плохо. Оказывается, наша посадка прошла вовсе не так спокойно, как мы думали. При заходе на полосу самолет все-таки был обстрелян. Несколько пуль, выпущенных, видимо, из автомата АК (можно только молиться, что у унитовцев не нашлось «Стингера» или «Стрелы»), пробили фюзеляж. А все из-за того, что летчики, разгильдяи, не стали снижаться по спирали, как того требовал Савельев, а, экономя горючее, пошли на посадку напрямую. Вот и доигрались. Более того, они и не сразу обнаружили пробоины. Пули, к счастью, оказалась не зажигательными, а то мы бы уже давно дымились вместе с остатками «Фоккера».

Встал вопрос, что делать? Лететь опасно. Но оставаться еще опасней. Лейтенант из охраны аэродрома никаких гарантий дать не может. Более того, по его выражению его лица видно, что он был бы страшно рад, если мы убрались отсюда. Ведь самолет командующего ВВС на полосе – это верный шанс привлечь унитовцев. Тогда серьезной заварушки не миновать. По его словам, он уверен, что враг уже подтягивает силы для ночной атаки.

Выручил боевой опыт ангольских летчиков. Они выстругали из обыкновенной палки что-то вроде пробок и заткнули образовавшиеся дыры. Оказывается, Моизеш и его товарищи неоднократно так поступали с пробоинами в вертолетах. Но Савельев и кубинец решительно против «полета на палочке», хотя прекрасно понимают, что оставаться – это, наверняка, ночью лишиться самолета. Унитовцы такого подарка не упустят, сожгут машину в два счета. Моизеш отчаянно жестикулирует, пытаясь убедить советского «асессора» в надежности ремонта. Причем делает это на достаточно хорошем русском языке с использованием идиоматических выражений, которых он в большом количестве поднабрался в ресторанах города Фрунзе, где находился крупный центр по обучению наших африканских друзей-авиаторов.

Самое интересное, что в его аргументах основное место занимает отнюдь не желание спасти своего начальника и его советника, а... самолет. «Если не улетим, бандиты сожгут машину, на чем же я стану потом летать?». Стенания летчика понятны. «Фоккер» – единственный комфортабельный самолет в ВВС Анголы, если не считать «самолета ВВС №1» - президентского лайнера Ту-134, подаренного советским правительством Жозе Эдуарду душ Сантушу. Президент, правда, предпочитает советской «тушке» «Боинг» 707 национальной авиакомпания ТААГ. Личный самолет командующего обеспечивает достаточно безопасное и безбедное существование пилотам. Гату летает по провинциям не часто, в основном в крупные центры, там, где не так опасно. Наш полет в Куиту-Куанавале - исключение из правил. Так, что для Моизеша и его товарищей лишится «Фоккера», это верный шанс «загрянуть» с непыльной работенки в боевую авиацию.

Наконец, Савельев сдается. Александр Яковлевич в сердцах кидает летчикам: «Делайте, что хотите, все равно меня не слушаетесь».

Алберту Нету всецело доверяет пилотам. Для него анголец, научившийся летать, подобен Богу. Как-то, во время наших частых совместных парилок он признался мне, что отчаянно мечтает научиться пилотировать самолет. Хоть маленький, но самолет!

Решаем так. Взлетаем (если повезет), дотягиваем до Менонге, садимся (опять, если повезет), там пытаемся связаться с Луандой. Пусть высылают за нами другой самолет. Только бы хватило горючего. Наше состояние при взлете и наборе высоты трудно описать словами. Все, как зачарованные, точно в ожидании фейерверка, уставились на правое крыло лайнера, «заткнутое» деревянными пробками. Однако взлет не только происходит благополучно, видимо серьезных повреждений пробоины не вызвали. Кроме того, выясняется, что по показаниям приборов горючки вполне хватит, чтобы дотянуть до Луанды. Выручает попутный ветер.

В Луанде садимся глубокой ночью. Как будто возвратились в другой мир: город сияет миллионами огней, обе взлетные полосы, ставшего в одночасье таким близким и родным африканского аэродрома горят как рождественская елка. После посадки в Луанде Александр Яковлевич категорически запретил мне даже упоминать о наших «приключениях». Не стал докладывать он о подробностях посадки в Куиту и старшему группы полковнику Кислицину и, тем более, главному военному советнику. И дело не в личной скромности. Савельев пожалел свою супругу Лилию, которая, вряд ли перенесла бы спокойно известия о похождениях своего мужа.

Но наш боевой вылет в Куиту не пропал даром. Кубинское командование под давлением представленных советскими советниками аргументов и соответствующего приказа из Гаваны начало готовить Куиту-Куанавале, как аэродром подскока для бомбежек Жамбы, Авиационные удары по логову Савимби кубинцы наносили и в 1982 и

1983 годах. Но большого успеха не достигли из-за малой эффективности действий МиГ-21 по наземным целям. Хотя после каждой такой бомбежки «Черный петух» на время переставал «кукарекать». В конце концов, Савимби, почувствовав, что запахло жареным, и «петушку могут подпалить крылышки», отдал приказ своим войскам захватить Куиту-Куанавале. Город и аэродром был практически окружен и стал систематически подвергаться обстрелам. Для того, чтобы его деблокировать ангольским войскам пришлось проводить в 1983-1988 годах не одну боевую операцию. Окончательный контроль над городом удалось установить лишь в ходе операции, которая в анналах ангольской военной истории осталась как «Битва за Куиту-Куанавале. Она началась 3 октября 1987 года.

Приветствуем Октябрь», «Красный май» и другие

Сражению «За Куиту-Куанавале» предшествовали и другие крупные военные акции войск ФАПЛА против унитовцев. Каждая из них, как правило, носила свое кодовое название. Например, операция «10-е декабря», проведенная в декабре 1979 года, или «Красный май» в феврале-марте 1980 года. В августе 1981 года правительственные войска вели боевые действия в операции под названием «7-я годовщина ФАПЛА». Боевые действия против унитовцев а в сентябре-октябре 1983 года остались в истории под названием «Операция «17 сентября». Определенными успехами в борьбе с вооруженной оппозицией выделялись акции «27-я годовщина МПЛА», проходившая с декабря 1983 по февраль 1984 года и «10 победоносных лет ФАПЛА» в августе-сентябре 1984 года. Когда унитовцы стали проявлять повышенную активность в близлежащих к столице провинциях, силы ФАПЛА были привлечены к операции под названием «Кванза-Бенгу», которая была

проведена в декабре 1984 – январе 1985 года. Осенью 1987 году в провинции Мошику началась операция «Приветствуем Октябрь», которая затем плавно перекинулась и на территорию сопредельной провинции Кванду-Кубангу.

Все эти операции готовились с привлечением советских советников и специалистов. Во время их проведения наши военнослужащие находились в основном командных и наблюдательных пунктах и тыловых базах. Массовому участию советских военнослужащих в боевых действиях в составе передовых отрядов ФАПЛА положила крупномасштабная операция под кодовым названием «II съезд МПЛА – Партии труда». Она была проведена ФАПЛА в второй половине 1985 года в провинциях Кванду-Кубангу, Мошику и Кунене. По официальным правительственным данным в ходе этой операции ФАПЛА уничтожили около 1400 бандитов, захватили более 380 единиц артиллерийского и стрелкового вооружения. В ответ на успехи правительственных войск и, пытаясь не допустить полного разгрома УНИТА, армия ЮАР вторглась в пределы Анголы. Согласно официальной статистике это было четырнадцатое крупномасштабное вторжение на территорию Анголы начиная с даты провозглашения независимости страны. Группировка войск ЮАР включала около 20 тысяч солдат и офицеров, 150 танков и БРТ, 400 артиллерийских орудий. Действия наземных войск поддерживали более до 80 современных боевых и транспортных самолетов и вертолетов.

Начало непосредственному вовлечению наших специалистов в боевые действия в Анголе положил главный военный советник генерал-полковник Константин Яковлевич Курочкин. Он прибыл из СССР в 1982 году с должности заместителя командующего воздушно-десантными войсками, успев к тому времени повоевать в Афганистане. Бывший ближайший сподвижник легендарного основателя советских

ВДВ генерала Маргелова, по характеру решительный и бескомпромиссный, к тому же до мозга костей военный человек, он поначалу никак не мог понять: «Как это ангольская бригада или батальон идет в бой, а советский советник «отсиживается» на КП или НП?». Курочкин стал решительно и планомерно переносить афганскую практику на ангольскую землю. В конце концов, несмотря на явное сопротивление из Москвы, он добился своего: советские советники в сухопутных бригадах при выходе ее подразделений на операцию должны стали сопровождать своих подсоветных и оказывать им помощь в руководстве боевыми действиями. Вместе с тем, в руководящих документах того времени: приказах и инструкциях советской военной миссии подчеркивалось: советники и специалисты должны «избегать прямых вооруженных столкновений с противником, применяя личное оружие лишь в крайних случаях для самообороны». Абсурдность и противоречивость таких указаний приводила к тому, что наши оказывались в самом пекле, формально не имея права применять оружие...

Основной целью операции был захват населенного пункта Мавинга, где унитовцы оборудовали крупную тыловую базу, и дальнейшее движение в направлении Жамбы. В операции участвовало в общей сложности 11 пехотных бригад ФАПЛА общей численностью до 20 тысяч человек.

Вот что вспоминал о своем участии в операции «II съезд МПЛА – Партии труда» в июле 1985 года советский военный специалист Юрий Панченков. «В наступлении на Мавингу участвовало несколько пехотных бригад ФАПЛА. Часто обучать ангольцев приходилось уже в процессе боя. Мы применяли такую тактику: при столкновении с противником посылали пару БТР или БРДМ унитовцам во фланг, и те, панически боявшиеся окружения, бросали не только трупы, но и

раненых и отходили. Показав на деле, что унитовцы не заговорены от пуль, солдаты ФАПЛА воспряли духом. В ходе первых же боев УНИТА осталась без опытных бойцов и лишилась демобилизованных в деревнях рекрутов. До Мавинги оставалось всего восемнадцать километров, но тут... вмешалась регулярная армия ЮАР.

С неба посыпались бомбы. Юарвские «Миражи» и «Импалы» буквально расстреливали нас на бреющем полете. Только начнем оборудовать позиции – над нами появляется самолет-разведчик. А за ним и «Миражи». После первых бомбежек мы стали действовать иначе: дождемся, пока улетит разведчик, и быстро передвигаемся на пару километров в сторону. Авиации юаровцев ничего не оставалось, как бомбить по пустому месту. Днем прятаться было труднее. Только плотные заросли акации спасли наши бригады от полного разгрома с воздуха. Средств ПВО в бригадах практически не было. «Стрелы» нам подвезли уже после начала юаровской агрессии, и они лежали в кузове «Урала». Когда начались воздушные налеты, по закону подлости одна из вражеских первых ракет угодила именно в эту машину.

На наших глазах юаровцы сбивали ангольские самолеты и вертолеты. До сих пор перед глазами стоит картина: два Ми-8 сели в нашем расположении, подбросив боеприпасы и запчасти к технике, и взяли на борт раненых. Пара Ми-24 кружила в воздухе, прикрывая их. Едва вертолеты с ранеными поднялись, как появились «Миражи» и сбили все четыре машины. Страшное зрелище, когда раненые выбрасываются из горящих вертолетов с километровой высоты. На следующий день было сбито еще два вертолета. После этого полеты авиации для оказания помощи наземным войскам были приостановлены. Нам предстояло выбираться из этого пекла самостоятельно...

В окружении начался голод и ангольцы... съели нашу собаку по кличке «Дружок». Мы ее особенно берегли за одно ценное качество. В

начале наступления пес получил боевое ранение: осколком ему чуть не отбило ухо. С тех пор Дружок стал чувствовать предстоящий налет авиации и сразу мчался в безопасное место. Получив такой сигнал от пса, нам оставалось лишь бежать за ним в укрытия. За обладание столь ценным качеством собака была признана равноправным членом нашего советнического коллектива и поставлена на довольствие. Что поделать – не уследили.

Когда закончились сухие пайки, пришлось перейти на подножный корм. Всю живность, что попадалась на пути, отстреливали и пускали в общий котел. Это были и бегемоты, и даже слоны и крокодилы. Когда мучила жажда, рыли яму, ждали, пока отстоится грунтовая вода, кидали в нее хлорные таблетки и эту гадость пили. После мучились животами. От жажды и голода в бригаде умерли около двухсот человек...».

«Гражданские» военнослужащие

Но не только советские военнослужащие «терпели тяготы и лишения» службы в Анголе. Сотни, так называемых, гражданских специалистов воевали наравне с людьми в погонах. Как я уже отмечал, по официальным данным министерства обороны почти за пятнадцать первого этапа нашего сотрудничества с Анголой с 1976 по 1990 в этой африканской стране побывало около 12 тысяч наших военнослужащих. Сведения эти далеко не полные. Они учитывают только, так называемые долгосрочные командировки, в основном на три года, кадровых военных, работавших на национальные вооруженные силы. Кроме них в Анголе побывало значительное количество, так называемых «краткосрочников». Это и военные эксперты, военные делегации в разное время и в разном составе посещавшие страну, например, тот же генерал-полковник К. Курочкин, которого после окончания срока

командировки неоднократно привлекали для консультаций по антитеррористическим операциям.

Но кроме них в Анголе побывало огромное количество наших военных моряков, летчиков и техников, обслуживавших Ту-95 и военно-транспортные самолеты. Если учитывать и их, то через Анголу прошло не менее 30 тысяч наших военнослужащих различных категорий. Кроме них на «укрепление обороноспособности страны» работали и тысячи советских гражданских специалистов. Впрочем, слово «гражданский» скорее отражает организацию, командировавшую человека в страну, а не специфику работы. А она была часто чисто военной.

Вот, например, Альберт Павлов, инженер Брянского автозавода поехал в командировку в Анголу и попал в период очередного обострения ситуации на Юге страны в 1983 году. Он вспоминает. «В начале 80-х я был ведущим инженером самоходным шасси 5937, на которых базировался комплекс ПВО «Оса». Для своего времени комплекс был неплох и мог поражать цели на высотах до 6 тысяч метров даже без визуального контакта, например, укрывшись за складками местности. Шасси имело хороший мощный двигатель и обладало высокой проходимостью. В Анголу я угодил неожиданно. В начале 1983 года меня по запросу отправили в Москву, там я выслушал наставления о том, как подобает вести себя совгражданам на чужбине».

К слову, такие инструктажи проходили поголовно все, командируемые в Анголу. Причем не где-нибудь, а в международном отделе ЦК КПСС. Ритуал этот был отработан до мелочей и должен был внушить совгражданам священный трепет и почтение перед этим весьма уважаемым заведением. Одна только процедура сдачи партийного билета на хранение чего стоила! Взамен человек получал на Старой площади некий документ о том, что он является «членом первичной профсоюзной организации», и его документы находятся на

хранении там-то. Но вернемся к повествованию новоиспеченного «совзагранспециалиста» Павлова. «За инструктажем последовал похожий на сон перелет на «Боинге 707» с посадкой в Париже, и вот Африка. Луанда, столица Анголы напоминала одну большую помойку. Шахты лифтов в многоэтажных домах давно забиты гниющим мусором, поэтому отходы выбрасывались прямо в окна. Вода в больших канавах. Здесь умываются, стирают белье и моют машины. К счастью, мое пребывание ограничилось в столице всего несколькими днями. А потом меня отправили в городок Риу де Арея, расположенный в провинции Уила.

Неподалеку в населенном пункте Шибемба, дислоцировался дивизион ангольских ПВО. Здесь служили десять офицеров и прапорщиков Советской Армии, встретивших меня очень радушно. Мне выдали мешковатую камуфлированную ангольскую форму и ботинки с высокими берцами. Условия, в которых мы жили и работали были более чем «спартанскими». Спали в палатках, к отсутствию воды и нормальных бытовых условий добавлялись почти постоянные налеты южноафриканской авиации. Даже отлучаясь по нужде в соседний с палаткой кустарник, одевали на шею АКМ и прихватывали с собой пару лимонок.

Однако наш быт можно назвать вполне комфортабельным по сравнению с тем, в каких условиях обитали ангольские солдаты. Большинство из них было одето в тряпье, ботинок у многих не было, а питались они и вовсе впроголодь. В первых числах каждого месяца солдатам выдавали немного риса и муки. Все это мгновенно уничтожалось. После чего начиналась «охота» на кузнечиков, жуков, тушканчиков и прочую живность. Естественно среди солдат была масса недовольных, и многие при первой возможности удирали. Обучать ангольцев было невероятно сложно, сегодня ты одному, вроде, втолковал,

а – завтра вместо него уже другой. И начинается все с начала. Ангольские офицеры, конечно, пытались навести порядок, но весьма своеобразным способом. Однажды из-за неосторожности водителя перевернулся грузовик с ракетами. Так, командир вместо того, чтобы отчитать и наказать виновного по уставу, просто вытащил свой пистолет и... прострелил водителю руку.

Нельзя сказать, что советские советники и специалисты не пытались организовать питание личного состава при помощи полевых кухонь, поступивших из Союза. Пытались мы наладить и полноценный рацион. Но все наши попытки проваливались. Солдаты просто боялись, что их обманут при раздаче пищи, а офицерам при такой организации питания просто оказалось... нечем торговать. И, кроме того, никто не хотел мыть котлы».

Могу добавить, что, будучи переводчиком советника командующего ВВС и ПВО Анголы в 1980 – 1983 годах, я неоднократно бывал в дивизионах ПВО и радиолокационных ротах, разбросанных в районах, прилегающих к границе с Намибией: Вирее, Кувелае, Шангонго, Шибембе, Кааме, Ондживе и десятках других мест. Могу подтвердить, что условия, в которых находились наши военные и гражданские специалисты были не просто походными, они были боевыми. Жили и в палатках и в землянках, пищу, в основном консервы, готовили на открытом огне, ни телевидения и даже радио, кроме коротковолновых личных приемников не было. Письма из дома - раз в три, четыре месяца. Связь с военной миссией только по радиостанции. Как признался мне Саша Белов, капитан-пэвэошник, до этого служивший в каком-то Богом забытом маленьком гарнизоне в Сибири и оказавшийся в радиолокационной роте в Кувелае: «Здесь никаких чеков не захочешь, поскорее бы вернуться». Но для Павлова, Белова и его товарищей бытовые условия жизни еще не самое страшное. А вот когда

началась нешуточная война... А началась она для них во время очередной агрессии ЮАР в 1984 году.

«Южноафриканцы перешли границу и попытались опрокинуть ангольские пехотные бригады, - вспоминал Павлов. Позиции дивизиона почти непрерывно атаквались с воздуха. Южноафриканские «Миражи», «Импалы» и «Пумы» просто не давали высунуть голову из окопа. Тем не менее, средства ПВО дивизиона сбили десять самолетов и вертолетов противника. Одну «Пуму» «завалили», когда она шла по каньону вне видимости радара. Ракета, выпущенная вслед, вошла в каньон, настигла вертолет и рванула в нескольких метрах от него. Экипаж сгорел вместе с машиной. Но обычно пилотам подбитых машин удавалось дотянуть до границы. Оно время наше положение из тяжелого стало угрожающим, когда юаровцы отбросили соседнюю ангольскую бригаду, прикрывающую наш фланг, аж на 70 км. Их самоходки начали обстреливать наши позиции. Мы опять засели в окопах. Из Москвы срочно был вызван генерал армии В. Варенников. Он взгрел военспецов соседней бригады и силами кубинцев восстановил линию фронта. Вообще кубинцы нам сильно помогали. У них даже был лозунг «Отдай кровь за советского!».

Конец тому вторжению положил начавшийся сезон дождей. Погода испортилась и стала нелетной. Задули сильные ветры. Вода с неба лилась день и ночь. Палатки потекли, кругом все отсырело, налетели малярийные комары. От них московские прививки не помогали, заболели почти все, а один наш офицер А. Александров от малярии скончался. Кубинцы принесли мощнейшее средство «Делагил», запрещенное к применению Международной организацией здравоохранения ООН, так, как оно разрушало печень. Но принимали его все: лучше уж печень «посадить», чем самому в яму... Вернулся я в СССР в 1985 году. На границе у меня конфисковали все фото пленки, а на

заводе соответствующие службы взяли подписку о неразглашении всего того, что я видел и знал. До сих пор никаких справок, где был, что делал, у меня нет. Соответственно нет и льгот. В память остались лишь ботинки с высокими берцами, да несколько снимков, чудом сохранившихся с той поры».

Можно простить инженеру из Брянска некоторые суждения типа «приехал генерал Варенников и восстановил линию фронта». Он человек не военный. Хотя генерал Варенников действительно неоднократно в качестве спецпредставителя Генштаба приезжал в Анголу. Рассказ этого мужественного человека ценен тем, что это одно из немногих публичных свидетельств гражданского человека, наравне с нашими военными сражавшегося в той войне в Анголе. А таких людей были тысячи. И гибли они также как и военные, и попадали в унитовский и юаровский плен.

Жаркий бой на реке Ломба

По официальным подсчетам властей Анголы только в период с 1981 по 1985 год ВВС ЮАР около 4000 раз нарушала воздушное пространство страны, течение которых осуществила 168 бомбардировок. Кроме того, были высажены 230 крупных воздушных десантов и мелких диверсионных групп, проведено четыре морские операции с высадкой десантов. За этот же период времени войска ЮАР 74 раза осуществляли наземные операции на территории Анголы. Каждую из них командование армии ЮАР четко планировало. Кроме многочисленных мелких операций, вроде той, которая закончилась осенью 1981 года под Менонге уничтожением самолета Ан-26 и

вертолета Ми-8 с десантом спецназа, проводились и более масштабные акции.

Первой крупной акцией ЮАР против Анголы стала операция «Саванна», в ходе которой южноафриканские войска летом 1975 года вторглись на территорию еще формально колониального владения Португалии для оказания поддержки ФНЛА и УНИТА. Та операция окончилась абсолютно бесславно для армии ЮАР. Ее части были разгромлены кубинскими войсками, и командованию пришлось вывести все свои войска из Анголы к марту 1976 года. После провозглашения независимости Анголы наиболее крупными операциями армии ЮАР против войск ФАПЛА и частей СВАПО считаются операции «Джули» (март 1978 года), «Ринди» (июнь 1980 года), «Протей» (август-сентябрь 1981 г.), «Дейзи» (ноябрь 1981 г.), «Смоукшелл» (1982 г.) и «Аскар» (декабрь 1983 г.). Однако крупнейшей в истории Анголы стала операция «Модулар», проведенная южноафриканскими войсками в провинции Кванду-Кубангу в 1987-1988 годах. Несложно заметить, что основные сроки этого вторжения совпадают с ангольской «Битвой при Куиту-Куанавале». Эти события стали настоящим поворотным пунктом в истории Анголы. Они положили начало «разводу» кубинских и южноафриканских войск. После более чем 14 месяцев непрерывных боев в ангольской саванне стороны, убедившись, что военным путем не смогут решить всех проблем, пошли на переговоры. И, в конце концов, были приняты решения о поэтапном и одновременном выводе кубинских и южноафриканских войск из Анголы.

Эта операция является и «рекордной» как по количеству участвовавших в ней советских советников и специалистов, так и по числу погибших и раненых. Каждую из 6 элитных бригад ФАПЛА, задействованных в операции сопровождали от 8 до 15 советников и специалистов. Это были, как правило, советник командира бригады,

советники начальника средств ПВО и артиллерии, связи. Были там и специалисты по разведке, РТВ, ЗРВ, и конечно, военные переводчики. Все офицеры, в некоторых случаях прапорщики. Но были там и военнослужащие срочной службы: водители советнических БТР и БРДМ. Группы сменялись каждые 3-4 месяца. Но на войне, как на войне, поэтому многие иногда тянули лямку по два срока и более. Судьба распорядилась так, что одним из первых, пострадавших в этой драме стал советский переводчик Олег Снитко, смертельно раненый в бою с южноафриканской армией при попытке частей ангольской 21-ой бригады переправиться через реку Ломба в сентябре 1987 г.

В ходе операции ангольские войска предполагали полностью очистить провинцию Кванду-Кубангу от унитовцев. Эта была чрезвычайно сложная задача. Сплошного фронта не существовало. Противник действовал отдельными группами от 10-15 бойцов до сравнительно крупных подразделений в несколько десятков и даже сотен человек. Подразделения УНИТА нападали внезапно, в основном ночью. После атаки, вне зависимости от успеха или неудачи, быстро откатывались назад и исчезали в ангольских джунглях: «на мата анголана». Это были регулярные и полурегулярные батальоны УНИТА - высшая тактическая единица Вооруженных сил освобождения Анголы (ФАЛА). Именно так Жонас Савимби официально нарек свою оппозиционную армию в пику ФАПЛА. Но во всех официальных оперативных документах того времени: и ангольских, и советских, и кубинских вооруженные формирования оппозиции предпочитали называть однозначно: УНИТА.

Как-то в 1983 году мне пришлось присутствовать при разоружении «окружной колонны» одного из таких «полурегулярных батальонов УНИТА». Она была окружена и пленена ангольским спецназом в провинции Кунене. Эта партизанская часть представляла собой

довольно пестрое и необычное зрелище. Десятка три-четыре полуголых, изможденных и абсолютно босых мужчин, вооруженных парой РПГ, несколькими автоматами «Калашникова» китайского производства, охотничьими ружьями, и даже... луками со стрелами. Но, самым интересным трофеем, взятым спецназовцами, был Бог весть как попавший к повстанцам, средневековый португальский кремневый мушкет! Самое место ему было в музее. Между тем, реликт был абсолютно исправен! Хоть сейчас бери и стреляй.

Группу этих вооруженных людей (назвать их воинским подразделением язык не поворачивается) сопровождали многочисленные домочадцы: женщины, дети, а также коровы, козы, свиньи. В общем, все свое ношу с собой. Так и кочевали, от одного источника воды к другому, кормя скот и попутно выполняя боевую задачу. Однако дрались упорно и жестоко. Попавшаяся им на пути мирная деревня была вырезана до единого человека, включая женщин и детей, потом разграблена и сожжена: ее жители принадлежали к племени, лояльно относившемуся к правительству. Когда унитовцы были окружены правительственными войсками, то защищались отчаянно и в плен сдались только тогда, когда поняли, что их женщинам и детям несдобровать. Регулярные же батальоны УНИТА представляли собой гораздо более грозную силу. Их экипировка, вооружение и оснащение, благодаря южноафриканским «партнерам» вполне могли сравниться со штатным батальоном ФАПЛА. Кроме стрелкового оружия они имели на вооружении минометы, безоткатные орудия, ПЗРК «Стрела-2», «Стингер», и даже захваченные у ФАПЛА артиллерийские и зенитные орудия советского производства, танки Т-34, Т-54, БРДМ-2.

Решить проблему вооруженных повстанцев кардинальным образом можно было только лишив унитовцев их основных баз, через которые из Намибии, оккупированной ЮАР, им регулярно доставлялась

военная помощь. Одна из них располагалась в населенном пункте Мавинга, ну, а главная в Жамбе – районе, не обозначенном ни на одной официальной карте мира. В моем архиве хранится боевая карта заместителя советского главного военного советника в Анголе, советника начальника генерального штаба ФАПЛА генерала Беляева, с нанесенным на ней, по показаниям пленных унитовцев, местом дислокации этой самой таинственной и загадочной базы Савимби на границе Анголы с Намибией и Замбией. Добраться до Жамбы воцделели многие. В наступающих колоннах ФАПЛА ходили слухи, что в резиденции Савимби сосредоточены огромные запасы первоклассного виски, а в госпитале Красного Креста в Жамбе работают симпатичные белые бразильянки и француженки...

Однако история 1985 года, когда правительственная армия, сосредоточив мощную группировку, начала проводить операцию «II съезд МПЛА – Партии труда» повторилась. Южноафриканская армия, боясь потерять такого ценного союзника в борьбе с партизанами СВАПО и АНК, как УНИТА, в очередной раз пришла на помощь Савимби. Юаровцы, не считаясь с международным мнением, открыто вторглись на территорию Анголы и не позволили разгромить УНИТА. Как потом признавались руководители ангольского генштаба, это «было началом провала операции, началом трагедии самых боевых и подготовленных ангольских бригад». А вместе с ними и трагедии многих советских советников и специалистов.

В этой операции участвовали 16-я, 21-я, 25-я, 59-я, и 47-я пехотные бригады ФАПЛА., многочисленные части и подразделения боевого обеспечения. Всего около двадцати тысяч солдат и офицеров. Колонны наступавших выдвинулись из района Куиту-Куанавале в направлении Мавинги в начале августа 1987 г. Кратчайшим путем до нее можно было добраться лишь переправившись через достаточно широкую и

полноводную ангольскую реку Ломба. Во многих южноафриканских книгах и исторических трудах, посвященных войне в Анголе бои в сентябре 1987 г. с ангольскими 21, 47 и 59 бригадами ФАПЛА именуют не иначе как «Сражение на реке Ломба». Строго говоря, вся операция под Куиту-Куанавале в 1987-1988 годах – это не что иное, как почти непрерывная череда боев за переправы на Ломбе. Вопрос стоял так: кто овладеет ими, тот и выиграет сражение. Это понимали все: и командование ФАПЛА, и советские советники, и руководство УНИТА и армии ЮАР.

Сложившуюся ситуацию командование «ангольской» группировкой армии ЮАР расценивало как чрезвычайно опасную. Южноафриканцы, получив информацию о начале выдвижения частей ФАПЛА к Ломбе, собрали 28 августа 1987 года в штабе в Рунду (Намибия) специальное совещание высшего командного состава. На нем присутствовало все руководство южноафриканской группировкой, сосредоточенной у границ Анголы: генералы Гелденхайс, Лейбенберг и Ирп. Ими было принято решение о срочной переброске на территорию Анголы к Мавинге дополнительных сил и средств: 61 механизированной бригады армии ЮАР и 101 «черного» батальона территориальных сил в Намибии, до этого находившихся в резерве. Привлекаемые к участию в боевых действиях войска представляли значительную силу, поэтому было решено «в духе южноафриканской армии» преобразовать их в отдельную 20-ю бригаду. Были также даны указания о более активном использовании авиации для нанесения ударов по местам форсирования Ломбы и перехвату самолетов ангольских ВВС.

Вечером 28 августа генерал Гелденхайс лично доложил лидеру УНИТА Савимби об опасности ситуации и попросил его дать приказ о широком использовании «Стингеров», находящихся на вооружении УНИТА.

Советские советники, в свою очередь, возлагали на тактическую группировку ФАПЛА, в которую входили 47, 59 и 21 бригады, большие надежды. Она была усилена танковым батальоном, артиллерией, несколькими комплексами «Оса-АК». Вместе с бригадами наступало 12 советских советников. Ввиду особой важности задачи командование 47 бригадой возложили на начальника штаба шестого военного округа майор Тобиаша. 29 августа части ФАПЛА, в полном соответствии с замыслом советского советнического аппарата и ангольского командования, вышли в район реки Ломба. 47 бригада и 1-я тактическая группа двинулись вдоль ее северного берега в направлении к истокам, 31 августа достигли этого района, обогнули их и оказались на южном берегу реки. 59 бригада в это же время двигалась на востоке к реке Кузизи, сходу форсировала ее и развернулась в 6 км к северу от слияния Ломбы и Кунзумбиа на западном берегу реки Кунзумбиа.

21 бригада ФАПЛА в это время продвинулась на 9 км на юго-восток от истоков Кунзумбии, где до этого она размещалась совместно с 16-й бригадой. Затем она повернула на юг в сторону моста, построенного унитовцами через Ломбу в 2-х км от слияния Ломбы и Кунзумбии. Стремительным маршем за два дня части бригады покрыли расстояние свыше 40 км и вышли на позицию в 6 км севернее слияния Ломбы и Кунзумбиа. В этом пункте находился мост, построенный унитовцами для своих нужд. Однако отступавшие подразделения УНИТА в панике, даже не успев поставить в известность южноафриканское командование, подорвали его и ушли на южный берег. Найдя мост взорванным, ангольцы приступили к рекогносцировке местности с целью поиска места для переправы. Дело осложнялось тем, что пойма реки была слишком болотистая, ангольцы называли такие заболоченные берега «шана». Она не годилась для переправы техники вброд, необходимо было наводить понтонные мосты.

Быстрое продвижение ФАПЛА, в первую очередь 21 бригады вызвало крайнее удивление и южноафриканских военных. По словам участника тех событий полковника ВС ЮАР Джека Харриса, «все развивалось быстро и безудержно до такой степени, что я подумал, что скоро может начаться паника. Никто не ожидал такого стремительного продвижения 21 бригады, мы все надеялись, что хоть УНИТА что-нибудь сделает». Южноафриканцы были более чем обеспокоены, они были просто испуганы. Тот же Харрис записал в своем дневнике: «Если 47-ая соединилась бы с 59-ой раньше и подготовила бы плацдарм для 21-ой до момента, когда мы могли что-нибудь предпринять, то у нас была бы большая проблема». После этого падение Мавинги было бы неизбежным. Это стало бы настоящим крахом».

Чтобы не допустить соединения ангольских бригад и создания мощной группировки войск ФАПЛА на южном берегу Ломбы, что было бы равносильно поражению, южноафриканцы начали спешную переброску самолетами Си-160 «Трансаал» и Си-130 «Геркулес» в район Мавинги дальнобойных 155 мм гаубиц G-5. По свидетельству южноафриканских офицеров «гаубицы вызвали огромный интерес среди личного состава УНИТЫ, не выдавших ранее таких длинноствольных орудий». Эти были действительно мощные артсистемы, которые и сыграли решающую роль в последующих сражениях. Дальность их выстрелов составляла около 40 км. Еще более грозным оружием были самоходные G-6, передвигавшиеся со скоростью до 90 км в час и имевшие запас хода до 600 км. Но они появились в районе конфликта позднее.

Таким образом, на южном берегу Ломбы части ФАПЛА и советских советников уже ждали не только отборные унитовские батальоны и механизированные подразделения армии ЮАР, среди

которых был и батальон «Буффало», но и мощная дальнобойная артиллерия. Им была поставлена задача: во что бы то ни стало не допустить наведения фапловских понтонных мостов на Ломбе и воспрепятствовать переправе частей 59 и 21 бригад ФАПЛА через реку. (47 бригада ФАПЛА уже находилась на южном берегу, но в районе ее истоков в нескольких десятках километров от места первого столкновения южноафриканцев с частями 21 бригады).

Вот, как описывают южноафриканцы начало самого первого боя за переправы на Ломбе. «Рано утром 9 сентября 1987 г. подразделения УНИТА сообщили о форсировании водной преграды пехотой ФАПЛА в 12 километрах восточнее ее слияния с рекой Кунзумбия и о нескольких машинах на северном берегу. Это начала свое движение 21 бригада. Наш командир Хартслиф тут же направил в этот район одну из двух мотопехотных рот 101 батальона и противотанковую группу, состоящую из нескольких БТР Ратель-90. Их задачей было проверить полученное сообщение и, в случае необходимости, во взаимодействии с ротой УНИТА, которая занимала позиции в этом секторе, противостоять силам ФАПЛА, форсирующим реку.

Когда они достигли возвышенности на южном берегу, то увидели пересекавший реку фапловский БТР-60 и большую группу пехоты противника, которая закончила форсирование и окапывалась на южном берегу. Еще большее количество солдат преодолевало реку. Одним из выстрелов из пушки Ратель-90 был подбит БТР-60. Командир роты попытался организовать совместную с ротой УНИТА атаку на окопавшуюся на южном берегу пехоту ФАПЛА, однако проблемы со связью не позволили что-либо организовать до наступления темноты. Тем временем фапловцы ответили плотным артиллерийским огнем с северного берега. Хартслиф приказал роте отойти на шесть километров назад и одновременно начал разворачивать основные силы для

организации атаки утром в месте форсирования противником реки. Всю ночь батарея «Квебек» (G-5) обстреливала место форсирования».

Таким образом, перед южноафриканцами и унитовцами нависла реальная угроза форсирования реки силами 21 бригады. Больше всего командование армии ЮАР боялось ангольских танков. Если бы танковому батальону бригады удалось бы переправиться на южный берег реки, он попросту бы смял жиденские заслоны унитовцев и юаровцев. Однако для переброски танков Т-54 и Т-55 на другой берег в условиях топкой «шаны» ангольцам необходимо было навести полноценную понтонную переправу...

Чтобы не допустить использования понтонов, которыми ангольские бригады были хорошо обеспечены, командование войск ЮАР выдвинуло вперед противотанковый взвод батальона «Буффало» во главе с майором Ханнесом Нортманном. Получив приказ, Нортманн со своими подчиненными двигался всю ночь. Марш-бросок удался, и он прибыл на место к 6 часам утра. Ханнес Норманн вспоминал о том бое. «Как только противник начал выдвигаться, стало ясно что предстоит жаркое дело. С северного берега пехоту ФАПЛА поддерживали огнем 82 мм минометы, 122 мм орудий Д-30 и 122 мм пусковые установки БМ-21. Фапловцы выдвинулись со своих позиций и начали продвигаться к берегу реки. Я приказал отделению БТР «Касспир» выдвинуться на линию кустов: откуда их 20 мм орудия, 12,7 и 7,62 мм автоматическое стрелковое оружие могли нанести серьезный урон противнику на открытой местности, если бы тот попытался продвинуться в северо-западном направлении. Затем открыли огонь по пехоте фапловцев 120 мм минометы батареи «Сьерра». В конечном итоге 103 солдата были убиты на своих позициях и на берегу реки».

Большой урон фапловцам наносил огонь дальнобойных гаубиц батареи под кодовым названием «Квебек», а также 127 мм установки

залпового огня «Валькирия». По воспоминаниям советских советников в ангольских бригадах именно G-5 и G-6 доставляли им больше всего беспокойства. От них практически не было никакой защиты кроме быстрого, скрытого маневра. Орудия батареи были нацелены на северный берег и благодаря большой дальности и хорошо налаженной разведке они успешно поражали цели как в глубине обороны частей ФАПЛА, так и на заболоченном берегу реки (в «шане»).

Тем не менее, ангольцам, под руководством советских советников все же удалось навести понтонную переправу. По ней на противоположенный берег реки начали переправляться танки. Когда южноафриканский офицер Коос Брейтенбах, находившийся на передовом наблюдательном пункте, координируя огонь гаубиц, заметил несколько ангольских Т-54, выдвинувшихся со своих позиций и пересекавших «шану» в направлении понтонного моста, он тут же и доложил об этом Нортманну и перенес по ним огонь G-5.

Близилась развязка боя. Южноафриканцы несли потери. Несколько десятков пехотинцев было убито и ранено, горели два подожженных южноафриканских Рателя. Командир противотанковой группы был ранен в глаз осколком снаряда и выбыл из строя. Тогда «буффаловец» Нортманн, заняв место за пусковой установкой ПТУР в кабине Ратель, принял общее командование боем на себя. Нужно отдать должное майору Норманну. Он чрезвычайно удачно выбрал позиции для своих противотанковых средств: нескольких БТР Ратель-90 и двух новых Ратель-ZT3, оснащенных противотанковыми орудиями. Кроме того, в его распоряжении находились грозное оружие - установки ПТУР «Монгол».

Майор выпустил одну из трех ракет «Монгол» по первому фапловскому танку, но тот уже вышел из зоны обстрела, пройдя 200

метров. Нортманн выпустил вторую ракету, но результат был тот же самый. Третья ракета вообще не вышла из пусковой установки. Это был критический момент боя. Ангольские танки стремительно приближались, находясь вне зоны поражения 90 мм орудий БРТ Ратель. Майор Ханнес Нортманн, которому унитовцы и юаровцы обязаны победой в том первом бою вспоминал: «Наконец одна из ракет попала в танк, когда до него было 300 м. Он на мгновение остановился, а затем вновь двинулся вперед. «Почему он не горит? Он же должен гореть!», - в растерянности закричал мой наводчик. Но следующий пуск был еще более удачным. Ракета попала точно в цель и вызвала детонацию боекомплекта. Взрыв был так силен, что отбросил башню в сторону на 25 метров, а корпус начал сильно гореть. Второй танк, находящийся в боевом порядке, развернулся и направился в сторону реки. А третий продолжил движение вперед. На нем мы и сосредоточили весь огонь. После двух пусков и он задымился. Еще одна ракета попала по танку, который был едва виден в кустах на северном берегу, но ракета взорвалась, попав в солдата, который стоял в полный рост перед танком. Однако, как потом оказалось, это был не танк, а понтонная машина. Оставшиеся танки и пехота отошли.

Тем временем батарея «Квебек» обстреливала место форсирования и артиллерию ФАПЛА, заставив ее замолчать после нескольких точных попаданий по ее позициям и пунктам боезапаса. Понтонный мост был также разрушен. Огонь 155 мм орудий и 120 мм минометов батареи «Сьерра» предотвратил две последующие попытки пехоты ФАПЛА пересечь реку. К вечеру ситуация стабилизировалась и 21 бригада оставила свои попытки форсировать реку в данном месте. Она закрепилась на своих позициях на северном берегу, подвергаясь спорадическому обстрелу батареи «Квебек». Во время боя в группе

«Браво» было ранено два солдата. Атаки ангольских Мигов не причинили нам никакого вреда».

Так закончился первый бой за переправы на Ломбе. За ним последовал другой, затем еще и еще. Ожесточенные бои на Ломбе продолжались до конца сентября. В одном из них 26 сентября трагически погиб Олег Снитко. Разорвавшимся юаровским снарядом ему оторвало руку. Через полтора суток он скончался. Было ранено и контужено еще четыре наших специалиста. Всех их доставили в военный госпиталь в Луанде.

А в начале октября попали в засаду части 47-ой ангольской бригады. 21-я, несмотря на все усилия, так и не смогла переправиться на южный берег. Плану ангольского командования и советских советников, заключавшегося в создании мощного кулака из 2-3 бригад на южном берегу Ломбы, так и не суждено было осуществиться. 47 ангольская бригада, двигавшаяся по вражескому берегу Ломбы от ее истоков осталась практически в одиночестве, и получила приказ переправиться на свой берег. Вот тут то в районе слияния рек Ломбы и Кузизи ее подстерегли южноафриканцы и унитовцы.

Советские советники, попавшие в ту переделку вместе с 47-й позже рассказывали, что части регулярной южноафриканской армии и подразделения УНИТА напали на ангольцев внезапно, предприняв одну за другой несколько атак. Фапловцы не выдержали и в панике побежали. Как говорили советские советники, участвовавшие в этом бою, причин было много: и недостаток боеприпасов, и отсутствие четкого управления, и трусость офицеров, и страх рядовых солдат перед юаровцами, особенно перед их дальнобойной артиллерией. Кроме того ангольское руководство взяло с собой на операцию «слишком много вина» и в самый ответственный момент не смогло адекватно среагировать на опасность. Но решающим фактором, по их мнению,

стали наведенные через реку, переправы. Не будь их, может быть, солдаты и не побежали бы.

В горячке боя тут же были позабыты все приказы и инструкции об обеспечении безопасности советских советников. Группы прикрытия и охраны советнических БТР и БРДМ в панике бежали. При наших специалистах остались только 11 самых преданных человек охраны. Советнический БТР ушел другой берег Ломбы предпоследним и уцелел лишь чудом. Спустя лишь несколько минут на позицию, которую он занимал, ворвался юаровский бронетранспортер АМЛ-90. Но и с переправой на противоположенный берег неприятности не закончились. Артиллерия противника продолжала бить прямой наводкой.

Советникам пришлось очень туго. Советским «асессорам», пришлось оставить свой БТР, а затем ползти несколько километров попластунски по «шане». Бросили все, кроме оружия. Южноафриканские снаряды и мины рвались всего 10-20 метрах. Спасало лишь то, что падали они в болото, сначала тонули, а только потом взрывались. Это ослабляло их убойную силу. Только поэтому никто особенно не пострадал.

О масштабах того боя в сердце Африки можно судить по потерям ангольцев. Согласно донесениям ангольского командования в Луанду во время переправы через Ломбу 47 бригада потеряла 18 танков, Т-54/55, 20 БТР-60ПБ, 4 гаубицы Д-30, три боевые машины «Град» БМ-21, 4 боевые машины ЗРК «Оса-АК», 2 ТЗМ «Оса-АК», станцию РЛС П-19, несколько десятков грузовых автомобилей, радиостанции, минометы, гранатометы, около 200 единиц стрелкового оружия. Среди потерь погибшие и раненые советские военные специалисты в том бое не значились...

«Такого не было даже в Афгане...»

Прилетев в шестой военный округ в самый разгар «Битвы за Куиту-Куанавале» военный переводчик лейтенант Игорь Ждаркин, еще не знал, что он займет место погибшего Олега Снитко. А прибыл он туда добровольно, не выдержав спокойного ритма советнической деятельности в Луанде. О том, в каких условиях пришлось ему и его товарищам «работать в Анголе» повествует дневник Игоря.

10 октября 1987 г.

Вот уже второй месяц нахожусь в 6 округе, из них десять дней в Куиту-Куанавале. Это наша основная тыловая база. Но обстановка в городе отнюдь не мирная. В двадцатых числах августа диверсионная группа южноафриканской армии взорвала мост через реку Куиту. Иногда унитовцы подбираются так близко, что обстреливают город и аэродром из минометов.

1 октября в Куиту-Куанавале вернулись с операции наши советники из 21 и 25 бригад ФАПЛА. У них есть потери. Во время боя на реке Ломба погиб переводчик бригады 21 бригады Олег Снитко. Еще четверо были ранены и контужены. 8 октября был борт из Луанды, всех отправили в госпиталь.

А 9 октября мы, прибывшие им на замену, вышли с ангольской колонной на операцию. В группе 6 человек. Старший – советник командира 21-ой бригады Анатолий Михайлович Артеменко. «Михалыч» самый опытный из нас, уже успел повоевать, и даже был ранен. Советник начальника артиллерии бригады – Юрий Павлович Сущенко, техник – Саша Фатьянов, двое специалистов по боевому применению мобильного комплекса ПВО «Оса-АК»: Слава и Костя и я переводчик советника командира бригады.

За вчерашний день прошли около одиннадцати километров, в 10.30 прибыли на КП 25-ой бригады. Колонна движется очень медленно. Фапловцы по наезженным дорогам предпочитает не передвигаться: УНИТА их постоянно минирует. Поступают так: пускают впереди танк, он валит деревья и прокладывает новую дорогу. За ним «гуськом» двигаются и остальные машины.

Часов около семи вечера «поймал» по приемнику «Маяк», передавали эстрадный концерт. Песни старые и давно известные, но здесь, ангольской саванне, что называется, берут за душу.

Во время очередной остановки на 19 километре от Куиту-Куанавале нашу колонну обстреляла из минометов и автоматов группа унитовцев. Это наш первый бой.

11 октября 1987 г.

Сегодняшний день был богат событиями. В 6.00 утра колонна выстроилась для марша, стояли полчаса в ожидании вестей от разведчиков. А в 6.30 УНИТА начала обстрел из минометов. Стреляли в основном зажигательными минами, рассчитывая поджечь машины.

В течение дня дважды появлялись самолеты ВВС ЮАР. Первый раз в 11.10, а затем в 14.30. Наш комплекс «Оса-АК» сопровождал их, но пусков не делал. Средства ПВО 21-й бригады сбили два самолета. Так держать!

В 15.35 колонна снова атакована унитовскими подразделениями. Завязался бой, продолжавшийся почти 40 минут. Хорошо сработало боковое охранение, которое вовремя обнаружило бандитов.

12 октября 1987 г.

Сегодня утром в 6.45 колонна опять подверглась нападению унитовцев. Но ответный огонь наших средств (Б-10, 120-мм минометы, БМ-21, Град-1П) не позволил противнику вести прицельный огонь. В

10.40 опять появилась южноафриканская авиация. Отбомбилась по расположению 21-ой бригады. Видимо, мстят за вчерашнее.

Мы подошли достаточно близко к позициям южноафриканцев. По радиостанции Р-123 четко слышны их переговоры. Говорят преимущественно по-английски. А сегодня в эфире вдруг заговорили... по-польски. Я разобрал несколько фраз: «Цо пан хце (что хочет пан)? «Борзо добже» (очень хорошо) и потом: «Слухаю уважливо (слушаю внимательно)» Ответов второго корреспондента слышно не было.

Долго гадали, что бы это значило, пока не сошлись во мнении, что это, должно быть, общались в эфире южноафриканцы польского происхождения. А может быть польские наемники?

13 октября 1987 г.

Сегодня в 5.10 над районом расположения 21-ой и 59-ой бригад появились 4 юаровских самолета. Ангольцы открыли по ним бешеный огонь из всех видов оружия. Все небо напоминало одновременно радугу и салют. В результате один самолет был сбит, а второму ракета из «Стрелы-3» попала в сопло двигателя, но он смог уйти.

Наша «Оса-АК» начала работу в 4.30 утра. Авиация ЮАР действует, как по расписанию. В этот же день было еще три налета: в 12, 15 и в 17 часов. Вечером расположились на ночлег у брошенной унитовской базы. Там сохранились в целости хижины, ходы сообщения, окопы, напоминающие глубокие норы. Словом, целая крепость.

14 октября 1987 г.

Сегодня в 7.30 утра прибыли, наконец, на КП 21-ой бригады ФАПЛА. Встретили здесь советников 47 бригады и специалистов по «Оса-АК». Всего их 9 человек. Наслушались от них «ужасов», узнали подробности о том бое на берегу Ломбы, где погиб Олег Снитко. Здесь в округе, в боевых бригадах, среди советских специалистов многие

прошли Афганистан. Вот их мнение: «Таких ужасов как здесь, в Афгане мы не видели». Один сказал так: «Когда начала бить юаровская артиллерия, я подумал, что это самое страшное. Однако потом налетела авиация, и нам на земле просто не осталось места. Но самое худшее началось, когда ангольцы побежали, начали бросать оружие и технику...»

17 октября 1987 г.

Утром в 6.50, когда еще сидели в нашей «столовой», внезапно появился юаровский самолет. Ангольские наблюдатели «прозевали» его, и средства ПВО открыли огонь с большим опозданием. Он нанес удар перед передним краем 1-го пехотного батальона. К счастью, обошлось без потерь.

Второй налет был в 8.15. Оба раза зенитчики не успевали среагировать. Дело в том, что юаровцы стали хитрее. Их летчики знают, что здесь стоит комплекс «Оса-АК» и боятся его. Поэтому самолеты на малой высоте проходят вдоль русла реки, так что РЛС «Осы» их «не видит», а затем с разворота заходят на бомбометание.

В 10.10 был третий налет, четыре «Миража» нанесли удар по бригаде в районе 3-го батальона. На этот раз наши зенитчики поработали на славу. «Завалили» два самолета, один из «Стрелы-10», а другой – из ЗУ-23-2. Оба упали недалеко от нас.

Командир бригады тут же направил разведгруппу на поиск самолетов и летчиков. Ждем результатов. Вечером разведчики, доложили, что самолетов, мол, не нашли, где они, не знают. А, скорее всего и не искали, побоялись нарваться на унитовцев.

18 октября 1987 г.

Сегодня – воскресенье. Михалыч объявил его днем отдыха. Надеемся, что авиация ЮАР бомбить не будет. Летчики тоже люди, должны же и они отдыхать? День прошел спокойно.

23 октября 1987 г.

С самого утра отправились к командиру бригады уточнить обстановку. Он показал нам обломки самолета, что был сбит раньше над рекой Кунзумбия. По его словам, труп южноафриканского летчика сильно обгорел, и каких-либо документов найти не удалось.

В 8.30 артиллерия нашей бригады дала несколько залпов по заранее запланированным целям. Стреляли из БМ-21 и гаубиц Д-30 с временных позиций, после чего по совету нашего Михалыча быстро их сменили. Меньше чем через час юаровцы «накрыли» это место из 155 мм дальнобойных гаубиц G-5.

24 октября 1987 г.

Сегодня утром получили приказ срочно сниматься с места и двигаться в сторону расположения 59-ой на реку Мианей. В 11 часов построились в колонны и вышли. Не прошли и трех километров, как позади услышали взрывы: это юаровцы стали обстреливать наши бывшие позиции, полагая, что мы еще там.

25 октября 1987 г.

Рядом с нами, в нескольких километрах стоит 59 бригада. Около 17 часов ее бомбила авиация. Юаровцы выработали новую тактику: сначала начинают артобстрел, все ангольцы прячутся в укрытия, в том числе и зенитчики. А потом неожиданно появляется авиация и начинает долбить. Самолеты улетает быстрее, чем зенитчики вылезают из укрытий.

Ангольцы подстрелили козу, принесли нам в подарок целую ногу. Потушили ее с картошкой на ужин. Получилось так вкусно, что «подмели» всю кастрюлю. Не успели закончить ужинать, как «забормотал» «Кентрон». Это юаровская противопехотная реактивная установка. Дальность – до 17 км. Снаряды начинены множеством небольших стальных шариков. Убойная штука. Но «норматив на

обстрел» у нас уже отработан четко: в считанные доли секунды за столом никого не осталось. Юаровцы постреляли немного и успокоились. Видимо, просто решили пожелать нам «приятного аппетита».

29 октября 1987 г.

В 14.00 по радио получили страшное известие. В 13.10 противник обстрелял 59 бригаду снарядами, начиненными химическими отравляющими веществами. Много ангольских солдат отравилось, некоторые потеряли сознание, командир бригады кашляет кровью. Зацепило и наших советников. Ветер как раз дул в их сторону, многие жалуются на сильнейшие головные боли и тошноту.

Это известие нас не на шутку встревожило, ведь у нас нет даже самых завалющих противогазов, не говоря уже об ОЗК! По радио запросили округ. Просили прислать противогазы и обеспечить средствами защиты всю бригаду. Пока ответа нет.

1 ноября 1987 г.

Ночь прошла спокойно. Сегодня день рождения старшего нашей группы Анатолия Михайловича. Ему исполнилось 40 лет. Но юаровцы умудрились-таки испортить нам торжество. В 12 часов был налет авиации на стоящую рядом 59-ю бригаду, сбросили на ее позиции больше десятка 500-килограммовых бомб. О потерях пока не знаем.

Наши артиллеристы получили данные разведки и решили подавить батарею 155-мм гаубиц противника. Ангольцы дали залп из БМ-21. В ответ обозленные юаровцы открыли огонь из всех своих гаубиц. Били очень точно, с небольшими перерывами. В один из таких перерывов мы со старшим пошли к комбригу, узнать какую он получил новую задачу.

Сидели в его, так называемом кабинете-землянке, как вдруг опять начался обстрел. Один из снарядов разорвался совсем рядом. Я сначала не понял в чем дело, землянка обсыпалась, из-за пыли ничего не видать.

В ушах перезвон как на пасху. В этот момент в землянку ввалился один из солдат, он стоял в траншее. Весь в крови: осколок пробил ему руку. Комбриг отправил его в медпункт. Выбравшись из землянки, обнаружил, что у меня одежда и правая рука в крови. Слава Богу, кровь не моя, а этого солдата, видно, в суматохе измазал.

Как сказал потом Михалыч, мы «второй раз родились». После обстрела в радиусе 30 м от землянки комбрига все кустарники и маленькие деревца начисто срезаны осколками. Плохо слышу на правое ухо. У старшего немного «шумит» в голове. Вот так юаровцы «поздравляли» его с днем рождения. У меня к тому же сильно болит плечо: ударился.

3 ноября 1987 г.

В 13.20 1-й батальон нашей бригады, направленный на прочесывание местности обнаружил базу УНИТА. В результате боя семеро унитовцев убито, захвачена радиостанция, 13 автоматов и одна противотанковая ракета. С нашей стороны потерь нет.

На базе ангольские солдаты нашли один из номеров печатного органа унитовцев - журнала «Квача». А в нем фото бывшего начальника штаба 16 бригады ФАПЛА капитана Луиша Антониу Мангу, который перешел на сторону УНИТА. Михалыч его хорошо знает, работал с ним в прошлом году, когда тот еще был «нашим». А в апреле этого года он «сбежал в УНИТУ». Вот как бывает.

5 ноября 1987 г.

Сегодня из рейда по почесыванию местности вернулся 1-й батальон. На той же базе нашли еще одну радиостанцию и документы 4-го регулярного батальона УНИТА: журнал учета боевых действий с июня 1986 по сентябрь 1987 года. И что интересно, в нем довольно точно перечислена вся группировка войск ФАПЛА, ее состав и командование, результаты боев, потери. Имеется карта района

Кунжамбы, выполненная по аэрофотоснимкам в Лиссабоне, схема района Куиту-Куанавале, сделанная от руки. Что ни говори, а разведка у них поставлена хорошо.

6 ноября 1987 г.

Ночью с 21.00 до 23.00 противник снова вел обстрел позиций бригады из «Кентронов» и минометов. В результате двое фапловцев убито и один ранен.

Сегодня из Куито получили телеграмму с поздравлениями с наступающим праздником Великого Октября. К сожалению, праздновать будем, видимо, опять под бомбами. Поймал по радиоприемнику Москву. Страна готовится к торжествам, про войну в Анголе ни гу-гу.

7 ноября 1987 г.

Около 15.00 противник начал обстрел из гаубиц со снарядами с дистанционным взрывателем. Это такая гадость, которая рвется в воздухе, не долетая до земли, и осыпает все вокруг смертоносными осколками. Это что-то новое!

В 16.30 к нам прибыла колонна 25 бригады, привезли фапловцам продукты, а нам письма.

9 ноября 1987 г.

Всю ночь слышался гул моторов и близкие разрывы снарядов: это к нам подтягивалась 59 бригада, а юаровская артиллерия «сопровождала» ее.

Утром повидались с коллегами из 59-й. У них все нормально. После того, как юаровцы потравили их газами, народ более или менее оклемался. Лица радостные, ведь они возвращаются «домой», в Куиту. Болтались по лесам почти 4 месяца. Это трудно представить, это надо самому прожить.

Сегодня ровно месяц, как мы бродим по ангольским лесам, а у меня такое ощущение, что полжизни прошло. Все дни сливаются в один. Если вдруг тихо, то начинаешь «сходить с ума» - почему не стреляют? Что там еще задумали? Начинается обстрел, ждешь, когда тот закончится.

11 ноября 1987 г.

Сегодня с утра нас «навестила» авиация. Видимо, «буры» просто хотели поздравить нас с 12-ой годовщиной провозглашения независимости Анголы, ну и, конечно, сбросили свои «подарки».

А вчера весь вечер наблюдали полеты снарядов 155-мм юаровских гаубиц. Они активно-реактивные и на реактивном участке полета светятся. Это обстреливают район расположения 59-й бригады на том берегу Шамбинги. Наши спецы смогли вычислить расстояние до гаубиц и определить их примерные координаты. Передали координаты по радио в округ.

12 ноября 1987 г.

Сегодня с утра вышел на связь и узнал, что Куиту-Куанавале ночью обстреливали из дальнобойных орудий. Среди наших, к счастью, жертв нет, взлетно-посадочная полоса не повреждена.

Творится что-то непонятное: ангольские войска почти полностью деморализованы, бригады укомплектованы людьми процентов на 45, на 10-15 снарядов противника могут ответить одним, да и то не всегда, наша разведка работает плохо, а противник знает о нас все. Ангольцы как огня боятся юаровцев, а если услышат, что в атаку идет «Буффало», в панике бросают все и бегут.

Юаровская артиллерия и авиация действуют безнаказанно в любое время, наша же авиация летать здесь боится, а если и появляется, то на большой высоте. И, несмотря на все это, из округа продолжают поступать приказы: занять оборону, создать сильный резерв (из чего

только?) для действий во фланг и тыл наступающему противнику и т.д. и т.п.

Сегодня утром в районе 3-го батальона взяли пленного. Он оказался артиллерийским разведчиком-корректировщиком 4 регулярного батальона УНИТА. Сам – негр, зовут Эужениу Каюмба, в УНИТА служит 3 года, родом из провинции Уамбу. Вместе с ним была захвачена радиостанция SR A-84 английского производства.

По его словам, юаровцы действуют во втором эшелоне, а впереди пускают подразделения УНИТА. Если тем приходится туго, в бой вступают регулярные части ЮАР, открывает огонь артиллерия, появляется авиация. Рассказал, что был насильно уведен унитовцами в их «столицу» Жамбу и там направлен в центр подготовки артиллеристов Тикре, что в 20 км от Жамбы. Обучали юаровские советники. В показаниях путается, много врет.

15 ноября 1987 г.

Сегодня с утра пришел боевой приказ о наступлении в район истока Убе. В нем красиво расписано, кому и куда наступать, какими силами, как использовать танки. Правда в приказе почему-то не сказано, что на всех танках бригады не работают планетарные механизмы поворота (ПМП) и только один заводится от АКБ.

18 ноября 1987 г.

Описать то, что произошло за эти два дня (16 и 17 ноября) трудно, нужно было это пережить. Это самые черные дни 21 бригады. Сами не понимаем, как остались живы и вырвались из этого пекла. Противник за ночь с 15 на 16 ноября, видимо, провел хорошую разведку, расставил корректировщиков огня, провел пристрелку местности. В общем, сделал все, что нужно.

16 ноября в 6.00 утра мы выстроились в колонну и стояли в ожидании начала движения. В это время подошел топливозаправщик

для дозаправки советнического БТР. Наш старший был снаружи, когда все это началось. Первый же снаряд разорвался в десяти метрах от БТРа. Как Михалыч остался жив, наверно, одному Богу известно. Заскочил в БТР, как ужаленный. Мы с советником-артиллеристом сидели внутри, когда в лицо ударила волна раскаленного воздуха пополам с песком.

И тут начался такой обстрел, какого мы, еще не видели. Юаровцы били «по черному». От разрыва снарядов наш БТР бросало из стороны в сторону. Из-под обстрела удалось вывести только часть колонны во главе с зампотыла бригады. Ни на один из вопросов он дать вразумительного ответа не смог и сильно заикался от полученной контузии.

Наконец, появился комбриг и начал наводить порядок: указал район сбора, маршрут движения. С большим трудом собрали колонну и двинулись к реке Убе. И тут юаровцы снова атаковали нас с подготовленных позиций. Бригада, или то, что от нее осталось оказалась прижатой к «шане». Машинам через нее не переправиться, комбриг приказал стелить гать.

Впереди шел бой, небольшая горстка ангольцев сдерживала бешеный натиск юаровцев, а остатки бригады сбились в кучу у «шаны» с «квадратными» от страха глазами. Обстрел и атаки продолжались с небольшими перерывами. Мы приготовились к самому худшему. Собрали вещмешки, сожгли все документы и лишние бумаги. Решено было, в случае прорыва юаровцев, подорвать наши БТР и БРДМ, а потом уходить пешком по «шане» в направлении на Куиту.

Была, правда, еще слабая надежда на 25 бригаду, которая шла нам на помощь. Но и она рухнула, когда по радио мы услышали голос советника командира бригады. Он крыл фапловцев семиэтажным

матом, чуть не плача: «Бегут, сволочи... Все бросают: технику, оружие, мать твою!».

Командир бригады Нгелика вызвал Михалыча: «Что скажешь, камарада ассессор?». На коротком совещании было решено собрать все имеющиеся силы в кулак, выставить в линию все что осталось и могло стрелять: ЗУшки, БТРы, танки и.... Так отбили четыре атаки.

К утру нащупали слабое место в боевых порядках противника и двинулись на прорыв. Около 15 часов дня, наконец, вырвались из этого ада. Юаровцы нас не преследовали, а, может, просто им надоело с нами возиться?

Машины сбились в одну кучу, измученные солдаты повалились на траву. Рядом с нами, в двадцати метрах горел подбитый фапловский танк. Снаряды и патроны, оставшиеся в нем, рвались почти час. Зрелище не для слабонервных. В 16.00 вышли на связь советники 25-ой и сообщили, что им удалось оторваться от преследования юаровцев. Они идут к нам на соединение.

Вечером разведка притащила пленного унитовца. Он оказался капитаном, тыловиком. Сообщил, что в этом бою против нас действовала бригада регулярных войск ЮАР, батальон «Буффало» и регулярный батальон УНИТА. Когда фапловцы увидели пленного, сбежались солдаты обеих бригад. Глаза у них горели, все кричали: «Мата у! Акаба ла ком ели!» - «Убейте его! Прикончите его!» С большим трудом удалось восстановить порядок. Пленного решили под охраной направить в Куиту.

Всю ночь с 16 на 17 ноября мы шли не смыкая глаз, стараясь уйти от юаровцев и достичь переправы через реку Шамбинга. Противник постоянно сопровождал колонну огнем. К четверем часам утра 17 ноября подошли к переправе. Но переправиться не смогли, потому что на мосту перевернулся грузовик и его никак не могли стащить.

И вот до одиннадцати часов мы простояли под обстрелом в ожидании переправы, не выспавшиеся, голодные, злые как черти. Это были самые поганые ощущения: столько пережить, чтоб в самом конце накрыло шальным снарядом?!

Наконец, около одиннадцати грузовик этот спихнули с моста, и вся колонна рванула к переправе. Мы успели подъехать к ней одними из первых.

Противник сначала бил по подходам к переправе, затем по хвосту колонны, потом перенес огонь по голове ее. Стрелял из реактивной установки «Валькирия» с целью пробить колеса, выбить водителей, чтоб остановить колонну и затем без особых затруднений расстрелять ее.

Впереди нас танк тащил неисправный БТР. Он постоянно останавливался, из-за этого останавливалась колонна. А снаряды рвались со всех сторон. Противник бил из чего только можно: из минометов, безоткатных орудий, 155-мм гаубиц, из «Валькирии».

Даже когда колонна стала отходить от переправы, противник еще долго сопровождал ее огнем.

18 ноября продолжали собирать разбежавшихся фаповцев и технику, подсчитывать потери. Только за 16 ноября наша бригада потеряла 17 человек убитыми и 86 ранеными. А также: 1 танк, две машины Е-25, 2 орудия Б-10, 1 ЗУ-23-2.

За 17 ноября потеряли: 5 человек убитыми и 31 ранеными. На всех трех машинах «ОСА-АК» от попадания снарядов «Валькирии» выведена из строя аппаратура наведения. Среди советских советников потерь нет.

23 ноября 1987 г.

Вчера вечером слушали радио и совершенно случайно поймали новости на португальском языке какой-то западной радиостанции,

похоже, что Би-би-си. Передавали что-то по поводу агрессии ЮАР в Анголе, т.е. про нас.

Было сказано, что ЮАР продолжает наращивать агрессивные действия против Анголы. На севере Намибии, на границе с провинцией Кванду-Кубангу (это где мы как раз и находимся) сосредоточено 30 тысяч человек личного состава, 400 орудий различного калибра, более 80 самолетов. На территорию провинции вошел 8 ударный бронетанковый батальон. Мы сообщили обо всем этом в округ. В ответ получили телеграмму с приказом заминировать танкоопасные направления и создать плотность противотанковых средств по 5 штук на 1 километр. Как нам стало весело! Мин в бригаде почти не осталось, а противотанковых средств – «кот наплакал»: одна Б-10, одна БМ-21, по два Град-1П, и два танка, если не считать ротных противотанковых гранатометов. И вот этим всем надо отбивать юаровские танки!

Вечером по нам как бы нехотя, лениво так, постреляли. А Куиту долбят постоянно, пытаются повредить взлетно-посадочную полосу.

26 ноября 1987 г.

Этой ночью я проснулся от того, что гудела земля. Поскольку спим мы под БТРом, в выкопанной под ним яме, гул был слышен хорошо. Очевидно, где-то рядом идет колонна противника.

Днем в новостях ангольского радио сообщили, что министр иностранных дел Анголы, выступая в ООН, обвинил ЮАР в использовании химических боеприпасов против ангольской армии. В ООН принята резолюция, обязывающая ЮАР до 10 декабря вывести все свои войска из Анголы. Чихать они хотели на эту резолюцию, даже если сам Генеральный секретарь ООН приедет в Анголу. Потом наткнулись на радиостанцию из ЮАР. Транслировали речь министра иностранных дел ЮАР Боты. Суть этой речи сводилась к тому, что его страна не допустит распространения коммунизма на Юге Африки, будет

заботиться о своей безопасности и выведет войска из Анголы только после того, как из страны уйдут кубинцы и русские. Вот как!

А по советскому радио про Анголу гробовое молчание. Ловим каждый день и ничего.

Сегодня отправили телеграмму в округ с просьбой о моей замене. У меня не проходят последствия от контузии 1 ноября: болит правое ухо, левое плечо, очевидно, вывихнуто, участились головные боли и головокружение.

28 ноября 1987 г.

Всю ночь и утро был изнуряющая, выматывающая тишина: ни одного выстрела, ни звуков работающего мотора, ничего. Из-за этого мы не могли заснуть. А в 6.00 узнали, что Куиту опять обстреливали. В результате обстрела погиб наш советник полковник Горб, специалист по мобработе. Хороший был мужик, уже в годах, очень спокойный, добрый и обходительный. Его все уважительно называли «Дядько». Пробыл в Анголе год с небольшим.

1 декабря 1987 г.

В Союзе – начало зимы, а у нас жара, начались дожди. Счет дням (если бы не мой дневник!) давно потерян, мотаемся по лесам почти два месяца, все дни похожи друг на друга, как две капли воды. В воскресенье, правда, занимаемся бытом: моемся, стираемся, словом приводим себя в порядок, насколько это возможно.

Сегодня перешли на новое место. Весь день обустривались, чтоб сделать нашу стоянку хоть как-то похожей на жилище цивилизованных людей. Вбили колья и натянули тент, чтоб можно было прятаться от дождя и солнца. Сбили столики для посуды и приготовления пищи. Словом, обживаемся.

Вчера опять были бои у соседей, но фапловцы сумели отбиться. 59-я бригада подожгла два AML 90, а 25-я нанесла противнику

«большой урон в живой силе». (Позже мы узнали, что в этих боях был ранен советник командира 59-ой Горбач, а двое других наших специалистов были контужены).

3 декабря 1987 г.

Сегодня в штабе бригады подведение итогов. Перед ним слушали по радио пресс-конференцию в Луанде, устроенную для ангольских и иностранных журналистов. На ней выступал тот самый капитан-унитовец, которого наша бригада взяла в плен на реке Убе. Сказал, что в одном из сбитых ангольцами самолетов погиб полковник-инструктор, один из юаровских асов.

На этом я заканчиваю сию летопись. Пока у нас все спокойно, стоим в лесу. Что будет дальше? Этого, видимо, не знает никто. Писем из дома не получали уже 1,5 месяца.

Война в воздухе

Долгие годы Ангола была не только «полигоном для наемников», она стала еще и испытательной базой для советской и западной боевой техники. Каждая из сторон стремилась в условиях жаркого и влажного тропического климата проверить надежность своих систем ПВО, радиолокационных станций, авиационной и танковой техники, испытать в боевых условиях новые типы и виды боеприпасов. На появление у одной из сторон более современной техники тут же следовал адекватный ответ. Так, Савимби, стал первым лидером повстанческого движения третьего мира, который получил американские ПЗРК «Стингер». Государственный департамент США, несмотря на ограничения, наложенные Сенатом на поставки новейшего вооружения воюющим странам, отправил партию этих ракет в ответ на оснащение ангольской армии советскими самолетами МиГ-21МФ и МиГ-21Бис.

Соперничество между Западом и Востоком особенно наглядно ощущалось в воздухе. Если первые годы ангольского конфликта кубинская авиация практически полностью доминировала в воздухе, то в начале 80-х годов южноафриканцы, обойдя международное эмбарго на поставки вооружений, обзавелись современными истребителями французского производства «Мираж» F-1CZ и «Мираж» F-1AZ. Они были предназначены для замены устаревших самолетов «Букканир», «Канберра» и «Импала». Позже ВВС ЮАР удалось в кооперации с израильянами создать экспериментальный истребитель-бомбандировщик «Кфир», различные модификации которого «обкатывались» в операциях против ФАПЛА и кубинских войск в Анголе.

В ответ из СССР для ФАПЛА начали в большом количестве поставляться современные и эффективные ЗУ-23-4 «Шилка», ПЗРК «Стрела-2» и «Стрела-3», «Игла-1», ЗРК «Стрела-1», «Стрела-10» и «Оса-АК», «Печера» и «Квадрат». В середине 80-х годов на вооружение ангольских ВВС поступили МиГ-23МЛ, которые по своим возможностям превосходили южноафриканские самолеты «Мираж» F-1CZ и «Мираж» F-1AZ. Именно поэтому южноафриканское командование никогда не ставило перед своими ВВС задачу завоевания превосходства в воздухе.

В ходе боевых действий в Анголе южноафриканские ВВС впервые в своей практике стали применять т. н. «умные бомбы». Такое оружие было задействовано, в частности, для подрыва моста через реку Куиту в 1987 году. Кроме того, военные ЮАР несколько раз применяли снаряды и бомбы с химическими ОВ. Правда, сегодня в ЮАР об этом не любят распространяться. Широко применялась южноафриканцами, несмотря на международный запрет, и шариковые бомбы. По оценкам советских военных советников их убойная сила при действии против

пехоты ФАПЛА на порядок превосходила стандартную бомбу ЮАР Mk-81. Убойная мощь 120-килограммовой бомбы заключалась в 19 тысячах стальных шариков диаметром 8,5 мм, занимавших пространство между внутренней и внешней фибerglassовыми оболочками. При подрыве одной такой бомбы, накрывался участок 40 м длиной и 70 м шириной. Впервые это смертоносное оружие было использовано в 1985 году против двух бригад ФАПЛА на берегу Ломбы. Тогда три самолета ВВС ЮАР «Импала» сбросили по 6 бомб, что полностью деморализовало солдат ФАПЛА. Более мощные 250-килограммовые шариковые бомбы содержали 38 тысяч шариков диаметра 8,5 мм. Они снабжались взрывателями, как мгновенного действия, так и с замедлением.

Самое крупное противостояние анголо-кубинской и южноафриканской авиации пришлось на 1987 – 1988 годы в ходе так называемой битвы за Куиту-Куанавале. Достаточно сказать, что ангольские ВВС с августа 1987 года по май 1988 года совершили 2950 боевых вылетов с аэродромов Куиту-Куанавале и Менонге. Около 1100 из них пришлось на выполнение боевых задач по нанесению ракетно-бомбовых ударов по наземным войскам, в ходе которых были уничтожены сотни унитовских и южно-африканских солдат и офицеров, а также десятки единиц боевой техники.

При нанесении ракетно-бомбовых ударов авиацией ФАПЛА обычно использовались бомбы советского производства ФАБ-250 и ФАБ-500 кг, а также 57 мм неуправляемые ракеты «воздух-земля» и пушечное вооружение. Ангольцы и кубинцы использовали имеющиеся в их распоряжении самолеты МиГ-21Бис и МФ, МиГ-23МЛ, а также Су-22. Для нанесения ракетных ударов были задействованы также вертолеты Ми-24 и Ми-8МТ. Обычно летчики производили бомбометание с высот, обеспечивающих безопасность от поражения от

ПЗРК «Стингер» и «Стрела» различных модификаций. Все задачи выполнялись ангольскими и кубинскими летчиками. Советские советники по авиации непосредственно в боевых действиях не участвовали, ограничиваясь общим руководством и разбором полетов.

Группировка ВВС ЮАР в тот период включала в себя 12 самолетов «Мираж» F-1AZ 1-й эскадрильи ВВС, которая базировались на аэродроме Гротфонтейн, (Намибия), 8 машин «Мираж» F-1CZ из 3 эскадрильи ВВС, которая, размещалась на аэродроме Рунду, а также несколько десятков устаревших бомбардировщиков «Букканир» и военно-транспортных Си-130 и Си-160. В распоряжении ЮАР имелись также вертолеты «Пума» и «Алуэтт», которые использовались в основном для поисково-спасательных операций. Согласно данным ЮАР за 191 день войны Миражи F-1AZ и Букканиры нанесли 176 ударов по наземным объектам. Всего они сделали около 700 боевых самолетовылетов, сбросили на позиции ФАПЛА 3068 бомб: 1658 250-килограммовых осколочных, 872 250-килограммовых фугасных, 433 120-килограммовых осколочных и 105 120-килограммовых фугасных.

Фактически южноафриканские, так и анголо-кубинские ВВС основной своей задачей имели в тот период поддержку наземных войск. И ни одна из сторон не ставила своей задачей завоевать превосходство в воздухе. Причем южно-африканские Миражи и Букканиры наносили удары в условиях насыщенной ангольской системы ПВО, снабженной современными советскими ракетами класса «земля-воздух», ЗУ и истребителями, прекрасной системой радиолокации, и часто в плохих погодных условиях. К тому же большая удаленность от основной базы в Гротфонтейне ограничивала их бомбовую нагрузку, выбор маршрутов подлета и ухода от цели. (Во избежание обнаружения радарными ФАПЛА Миражам необходимо было подходить к целям на высоте менее чем 30 м). Поэтому в большинстве вылетов к самолетам подвешивались

дополнительные топливные баки. Обычно самолеты снаряжались 4 бомбами, двумя ракетами VЗВ “Kukri” класса «воздух-воздух» и двумя дополнительными топливными баками. При необходимости они могли нести до шести бомб. Для борьбы с комплексом «Стрела-2» самолеты снабжались тепловыми ловушками и так называемым дождем из фольги.

Все это было непривычно для южноафриканских пилотов в текущей кампании. Они откровенно опасались вступать в противоборство с ангольскими ПВО. Вот как вспоминают южноафриканские пилоты один из эпизодов тех боев. «...Многие летчики нервничали в канун выполнения боевого задания 16 сентября (1987 года – авт.). Впервые им предстояло нанести удар по противнику, на вооружение которого поступил комплекс «Оса-АК». Они были уже наслышаны об его эффективности. Системы SA-7, SA-14, SA-9 и другое вооружение ПВО им было хорошо известно, и они знали, как ему можно противодействовать. Беспокоил их также новый переносной комплекс SA-16 и SA-13 («Игла»-1 и «Стрела-10» – авт.) Именно с помощью последнего был сбит накануне их самолет...».

Хотя южноафриканские ВВС не боролись за превосходство в воздухе, это не означало, что анголо-кубинские Миги могли облетать районы боевых действий беспрепятственно. Нередки были и случаи воздушных дуэлей. Причем, если в воздухе с Миражами встречались МиГ-23, то успех был, как правило, на стороне ангольских и кубинских летчиков. Дело в том, что советский самолет был вооружен мощным радаром, позволяющем обнаруживать «Мираж» и захватить его в радиолокационный прицел на гораздо большем расстоянии, чем РЛС самолета французского производства. Вот как описывает южноафриканский источник исход одного такого боя, состоявшегося 19

февраля 1988 года над территорией ангольской провинции Кванду-Кубангу.

«Это был уже их третий групповой вылет за сегодняшний день. Миражи нанесли удар по колонне в районе переправы через реку Куиту. Сбросив бомбы, пары разошлись в противоположных направлениях. Затем, собравшись в группу, они снизились. В этот момент майор Эд Эвери, занимавший второе место в боевом порядке, заметил приближающуюся ракету и дал команду уйти влево. Одновременно летчик четвертого самолета увидел другую ракету, летящую точно по следу Эвери, он успел его предупредить об опасности, однако было поздно. Эд не успел даже катапультироваться. Они облетели район падения самолета и, убедившись, что майор Эд Эвери погиб, так как нигде не было видно раскрывшегося парашюта, взяли курс на аэродром. Всю ночь самолета радиоразведки летал в районе падения и прослушивал частоту, используемую в чрезвычайных ситуациях, а группы сил специального назначения прочесывали местность, но безрезультатно. А на следующий день был нанесен ракетный удар по кубинским и ангольским специалистам, изучавшим обломки сбитого самолета». Так 52-й боевой вылет южноафриканского летчика майора Эда Эвери в ангольском небе оказался для него последним.

Другому южноафриканскому пилоту капитану Артуру Пирси повезло больше. Его Мираж был сбит ракетой, но летчику удалось уйти и посадить разбитую машину. Пирси служил в 3-й эскадрилье Миражей F-1CZ, которая базировалась на аэродроме Рунду, на самой границе Анголы с Намибией. Она выполняла задачи по его непосредственному прикрытию от налетов ангольской авиации. Кроме того, в ее задачу входила поддержка наземных войск и сопровождение самолетов разведывательной и ударной авиации. Вот что вспоминает южноафриканский пилот тех боёх.

«Миги» появились в первый же день, когда эскадрилья разворачивалась на аэродроме (сентябрь 1987 года – авт.). Проблема состояла в том, что Миги действовали с аэродромов в Куиту-Куанавале и Менонге, располагавшихся намного ближе к району наземных операций. Они успевали выполнить свою боевую задачу и покинуть район боевых действий, пока туда подлетали мы. Боевое патрулирование района было малоэффективным, поскольку противник имел хорошее радиолокационное обеспечение района по всем азимутам, чего не было у нас.

Фактически только два раза удалось перехватить ангольские самолеты, но безрезультатно. Первый перехват состоялся 10 сентября, тогда четверем Миражам противостояли десять Мигов. Восемь из них работали по наземным войскам, а два прикрывали их сверху. Все это происходило над территорией Анголы. Налет был в самом разгаре. С появлением Миражей Миги прекратили бомбежку и отошли, в то время как пара прикрытия направилась в нашу сторону. Два Миража захватили в прицел противника и произвели пуск двух ракет Matra R-550 Magic. Одна ракета взорвалась в 9 метрах за Мигом, а вторая не сработала, оставив только след по курсу противника. Противник на форсаже покинул место боя. Схватка длилась всего 45 секунд.

Во второй раз это произошло 27 сентября. Опять четверем Миражам F-1CZ удалось перехватить «Миги», бомбившие наземные войска. Как и в прошлый раз, они прекратили атаку и покинули место боя. А пара Миражей осталась один на один с парой прикрытия противника. Но в этот раз инициатива была на стороне Миг-23. Они пустили 3 ракеты. Одна из них разорвалась рядом с хвостовым оперением моего самолета и осколками повредила топливные баки, а также элементы гидравлики. В ответ были выпущены несколько ракет R-550, но без видимого результата».

Несмотря на серьезные повреждения своего самолета, капитан Пирси смог дотянуть до аэродрома Рунду и самостоятельно приземлится там. Из-за выведенной из строя гидравлической системы закрылки и тормоза при посадке не сработали, самолет вынесло за ВПП, и он врезался в ограждение. Летчика спасла лишь сработавшая катапульта. Но при катапультировании он получил серьезную травму шейных позвонков и был какое-то время парализован. Однако после лечения в госпитале капитан Пирси все же вернулся в эскадрилью, но летать уже не смог. Всего же по ангольским данным в ходе «Битвы за Куиту-Куанавле» средствами ПВО ФАПЛА а также авиацией были сбиты до сорока самолетов и вертолетов ЮАР.

Охота пуще неволи

Советским советникам приходилось в Анголе не только воевать. Были и развлечения. Одним из них была охота. Правда, охотились не сколько ради самой охоты, а ради ее прямого результата - мяса. Советнический стол», хоть и был побогаче местного, но особым разнообразием не отличался. Продукты покупались в магазине советской военной миссии. Причем, дефицитные - мясо, масло, твердокопченые колбасы, сыр, распределялись строго «по едокам». Кстати, термин «покупались» не совсем верен, так как ни долларов, ни инвалютных рублей, в которых нам официально начислялась зарплата, мы в глаза не видели. Местная же валюта – неконвертируемая «кванза» популярностью не пользовалась. На каждого советника, специалиста и переводчика в финслужбе заводилась карточка, в которую ежемесячно вносилась запись о начисляемой сумме. Полностью зарплата выдавалась либо перед отъездом, либо уже в Союзе в виде чеков «Внешпосылторга». Эти красивые бумажки за границей ровным счетом

ничего не стоили, и отоварить их можно было лишь в сети магазинов «Березка».

Наличие продовольственных продуктов в магазине советской военной миссии ввиду нищеты на местном рынке целиком зависело от прибытия очередного корабля или самолета из Союза. В основном завозились консервы - для хранения свежего мяса нужна была холодильная камера, а в миссии в первое время ее не имелось. В изобилии поставлялось спиртное: водка, армянский пятизвездочный бренди, шампанское. Все покупки заносились в карточку и автоматически высчитывались и заработка. Словом, как при «военном коммунизме».

Коммунизм, коммунизмом, а хотелось, о свежатинки. Посещать кубинские «фиесты» со свежей поросятиной, удавалось все реже, а соленая тушенка уже не лезла в горло. Как-то сама собой возникла мысль об охоте. Тем более, что в окрестностях Луанды в изобилии бродили расплодившиеся за годы войны стада буйвалов, антилоп, а в прибрежных зарослях реки Кванза даже плескались крокодилы. Однако территория эта была формально заповедной. Здесь располагался национальный парк «Киссама», и охота в этой зоне была официально запрещена. Кроме того, каждый выезд за пределы Луанды в то время подлежал обязательному докладу главному военному советнику.

В провинции этот вопрос решался гораздо проще. Более того, для «прокорма» подразделений ФАПЛА создавались специальные охотничьи команды, занимавшиеся отстрелом буйволов, антилоп и даже слонов. Мы с завистью слушали рассказы советников и переводчиков, работавших в провинциях и изредка приезжавших в Луанду о захватывающих «сафари» в провинциях в Лубангу, Уамбу, Уиже и других. Однажды при проведении спецоперации против бандитов нашим «асессорам» даже удалось поучаствовать в охоте на слона. Вот

что повествование одного из участников того «сафари» Василия Антонова:

«При проведении спецоперации против наемников и вооруженной оппозиции в районе реки Касаи, самого большого притока величайшей африканской реки Луалабы (Конго), разведывательные группы доложили, что обнаружено стадо слонов. Командир спецотряда обратился к своему «белому брату», советскому советнику с предложением отстрелять слона. Обычно в ходе полевой операции личный состав питался мясом убитых диких животных: буйволов, антилоп. Для этого в каждой роте назначались стрелки, обычно из числа снайперов. Но слон?! «Он же большой, мы не сможем использовать столько мяса полностью!». Но африканец стоял на своем: «Мясо не пропадет, мы его высушим». «Хорошо. Выберите отдельно пасущееся животное, остальных не трогать!».

«Класть» такую глыбу для верности решили из ЗГУ-1 (зенитная горная установка). До стада было около восьмисот метров и ГАЗ-66 со смонтированной в кузове ЗГУ выдвинулся на удобную позицию, скрытую от слонов кустарником. В бинокль было хорошо видно, как одна из пуль прошила шею животного ниже ушной раковины. Подойдя ближе, все были поражены размерами слона. Он лежал на боку, но по толщине был в рост человека. Животное весило, видимо, около семи тонн. Радости чернокожих не было предела: «ньяма» (мясо). Много мяса! Казалось, что им можно накормить целый город.

Толщина шкуры зверя составляла более двух пальцев. Африканцы используя привычную для них катану (длинный саблеобразный нож типа мачете, - авт.), прорезали в ней глубокие борозды, затем подрезали изнутри и снимали куски размерами где-то с квадратный метр. Под шкурой обнаружился слой желтого жира. Сало слона очень нежное, тает в руках. Бойцы сняли поддоны-ковшики с фляжек, вонзали их в эту

мякоть, стараясь протянуть по ходу движения. Посудина моментально наполнялась жиром. Его пили, ели сырым. На солнце жир стал топиться. У нас было много соли и, посолив желтоватую массу, я хлебнул ее. Странно, никакой приторности, в отличие от жидкого медвежьего, свиного или барсучьего, я не почувствовал. Кстати, слоновий жир очень питательный. Даже немного съев его, чувствуешь прилив энергии, снимается усталость, повышается активность. А самое лакомое место у слона – хобот, состоящий целиком из одних мышц.

После того, как с верхней части туши слона срезали куски шкуры и сняли жир, солдаты начали вырезать брикеты слоновьего мяса. Его было невероятно много! Вырезанные куски – аккуратные брикеты весом 20 – 30 кг африканцы переносили на голове. Их складывали неподалеку, затем резали на дольки толщиной с ладонь и тут же развешивали на растянутые между деревьями импровизированные веревки, сделанные из содранного со стволов деревьев лыка. Чернокожие работники с энтузиазмом зубами (!) отдирали кору от деревьев. Затем руками отрывали полоску лыка, иногда длиной более двух метров, связывали между собой в длинную веревку.

В жарком и влажном климате мясо тут же облепили миллиарды мух. Мы выразили сожаление, что провизию не удастся сохранить, ведь насекомые отложат яйца. Но ангольцы знали, что делали. Через 15-20 минут мясо, развешенное на веревках, начали переворачивать на другую сторону. За это время под палящими лучами африканского солнца оно покрылось тончайшей пленкой, которая стала непреодолимым препятствием для насекомых. Таким образом, брикеты свежего, парного мяса оказались как бы законсервированными от проникновения опарыша.

Когда, наконец, мясо срезали с верхней части туши, показались ребра, чем-то похожие на дуги какого-то огромного фантастического

каркаса. Африканцы начали потрошить тушу. Чтобы вытащить внутренности слона пришлось прибегнуть к помощи вездехода! Как только чрево огромного зверя освободилось, несколько бойцов залезли во внутрь и начали отрезать куски изнутри, а снаружи «рубщики» продолжали орудовать катанами, счищая мясо с огромных ребер. Однако, не смотря на все старания, полностью тушу так и не утилизировали. После наступления темноты началось всеобщее пиршество. Мясо жарили на кострах, варили, солили впрок. Мякоть слона по цвету буро-красная, значительно темнее говядины. Жареные куски были немного суховаты, чтобы мясо стало сочнее и слаще, его варили в слоновьем жиру, а потом с удовольствием ели с галетами. Беспокоило одно: надо было настоять, чтобы отстрелили небольшого зверя, а не такого гиганта, тогда бы все мясо удалось использовать. С этой мыслью я и уснул. А вокруг слоновьей туши продолжали гореть костры...

На рассвете, проснувшись, я не поверил своим глазам. Подошел к слону, вернее к его костям... все мясо было срезано начисто. Это поработали ночью жители из соседних деревень, оповещенные о добыче барабанным боем. Так что нашего слона хватило на всех».

Особым шиком у наших советников считалось увезти на родину бивень слона, шкуру зебры или великолепные рога черной гигантской антилопы «паланка прета жиганте», встречающейся только на территории Анголы. Нельзя сказать, что все охотничьи проделки оставались безнаказанными. На моей памяти в международном аэропорту Луанды однажды задержали группу кубинцев со шкурами редких животных и несколькими килограммами слоновой кости. Случай получил огласку, руководству кубинской миссии в Анголе пришлось приносить ангольцам извинения. А охотников-контрабандистов, продержав несколько дней в кутузке, потихоньку отправили на родину.

Хотя, если честно, ангольцы нередко сами поощряли подобные вещи. Полновластные хозяева на местах - представители гражданской и военной власти - провинциальные комиссары и командующие военными округами организовывали подобные «пикники» со стрельбой для себя и советских советников, не очень-то обращая внимание на границы заповедных зон. Многие главные военные советники и их окружение по приглашению министра обороны неоднократно охотились в той же «Киссаме». Как-то в приватной беседе провинциальный комиссар провинции Уамбу, оправдывая подобные действия, откровенно признался нам, что «лучше уж самим съесть, чем отдать унитовцам». Считал он так, надо отметить, не без основания. Подразделения Савимби контролировали как раз те районы, где размножались многие виды ангольской фауны, которую его солдаты и использовали по прямому назначению – в качестве шашлыка.

Как-то, попостившись несколько месяцев в ожидании очередного транспорта из Союза, мы отважились на рискованное предприятие, за которое элементарно можно было «загреметь» в 24 часа в Союз. Было решено использовать доблестную вертолетную авиацию. Дело в том, что советник командира вертолетной эскадрильи Ми-8 подполковник Евгений Николаевский раз в неделю забирал по очереди меня и Федора Жаворонкова на «бортперевод». Вообще-то в наши функциональные задачи это не входило, но было крайне интересно попробовать себя в этом качестве.

Кроме того, подменяя местных летчиков, мы здорово помогали ангольским вертолетчикам. После выполнения очередной боевой задачи они возвращались на базу в Луанду для отдыха и ремонта. Естественно, после десятка боевых вылетов и пережитого риска эти молодые ребята, оказавшись в городе, стремились «оторваться» на полную катушку: каждая следующая командировка в джунгли для них

могла оказаться последней. После таких загулов командир ангольской эскадрильи иногда не мог отыскать своих пилотов и борттехников неделями. Прятались «по бабам, да по хазам».

Вот, подсоветный и попросил Николаевского помочь в постановке в строй машин, побывавших в ремонте или на регламенте. В нашу задачу входил «облет» вертушки на различных высотах и режимах в течение нескольких часов. Потом составлялся акт о готовности машины к боевому применению, и вертолет передавался ангольскому экипажу. Летали мы, нарушая все правила, ибо летчик был всего один (место «правака» занимал либо Федор, либо я). Женя, правда, поставил условие: изучить все приборы, и иногда давал в полете «порулить». Горизонтальный полет мы освоили, но вот заложить вираж или посадить машину конечно не смогли бы.

Поскольку район полета мы выбирали сами, было решено при «облете» очередного Ми-8 совместить, как говорится, приятное с полезным. Начали с солидной подготовки: при помощи самодельных креплений навесили на АКМ оптический прицел, оба наших «штатных» «Вальтера» почистили и смазали. Советник инженера эскадрильи, хохол Коля, имевший большой опыт по «забиванию» кабанчиков в родном украинском селе, до блеска наточил ножи и... полетели.

Местность под Луандой представляет собой классическую саванну. Поросшая высоченной травой и кустарником равнина с отдельно стоящими деревьями: баобабами, акациями, кактусами и прочими представителями местной флоры. Но нас больше интересовал фауна. А ее было в избытке. То там, то тут, потревоженные шумом вращающихся лопастей, из зарослей выпрыгивали козы и небольшие антилопы. Поразить этих юрких животных из низко летящего вертолета было чрезвычайно трудно. Да и мяса на почти них нет: одна кожа, да

кости. Встретившуюся пару слонов оставляем в покое: нам такую громадину не осилить.

Но вот показалось стадо буйвалов, голов на тридцать-сорок. Пристраиваюсь с «акаэмом» у открытой боковой двери Ми-8. Стрелять очередью по табуну несущихся испуганных животных не имеет смысла, можно поранить нескольких животных, а нам и одной коровы за глаза хватит. Летчик прижимает машину к земле, стремясь отбить от стада нескольких животных. Ему это удается и следует сигнал: давай. Пытаюсь поймать в окуляр оптического прицела будущую жертву. Не тут то было. Вибрация внутри «вертушки» настолько сильная, что автомат пляшет в руках, как «ангольский шаман вокруг костра». Снимаю оказавшуюся бесполезной «оптику» и перевожу предохранитель на автоматическую стрельбу. Короткая очередь и ...огромная буйволица, словно налетев передними ногами на растянутый в траве невидимый трос, падает, поднимая вокруг тучи красноватой пыли. Евгений тут же закладывает вираж, а обезумевшее от страха стадо на предельной скорости мчится дальше.

Сделав круг, Николаевский сажает машину в метрах тридцати от убитого животного. Движки не выключаем, летчик готов взлететь по первому сигналу. Выпрыгнув из вертолета на землю, осторожно приближаемся к подстреленной буйволице. Однако наши опасения напрасны. Огромное животное мертво: очередь из автомата перебила ей шейные артерии. Опытный освежещик Николай быстро берется за дело. Ловкими движениями советник инженера эскадрильи, не снимая с буйволицы шкуры – нет времени, быстро вырезает передние и задние ноги, сердце, печень. Завернув добычу в брезентовые чехлы, перетаскиваем мясо в вертолет. На всю операцию уходит минут пятнадцать-двадцать, и мы опять в воздухе. Быстро набираем высоту и удаляемся подальше от места охоты. На обратном пути проходим тем

же маршрутом. Вокруг туши саванное пиршество: десятки гиен, грифы, еще какая-то живность остервенело рвут на части остатки буйволицы. А через пару дней среди травы будут видны лишь белые, обглоданные дочиста кости.

Результатов этого «сафари» на с супругой хватило месяца на три. Отнесясь первоначально с крайней опаской к дикому мясу, жена пришла в восторг от нежной, лишенной каких-либо паразитов, гладкой шкуры, которой была покрыта задняя нога забитой буйволицы. Мясо хотя и жестковатое, было вполне пригодно для жарки. Вкус его, кстати, выгодно отличался от многих «деликатесов», которые мне приходилось пробовать в Африке. Ни суп из морской черепахи, ни запеченные черепаховые яйца, ни похлебка из плавников акулы, ни шашлык из зебры, или та же ни слонятина не оставили в моей гастрономической памяти такого следа, как вкус мяса той буйволицы. Что касается крокодильего мяса, то, по-моему, это совсем малосъедобная вещь.

Но, так, или иначе, мы никогда не злоупотребляли охотничьими проделками. А когда в советскую миссию были налажены поставки свежего мяса, мы и вовсе «завязали» с охотой. Чего нельзя было сказать об ангольских вертолетчиках, поставивших сей промысел диких животных на коммерческую основу. Закончилось это тем, что в году 83-м на имя главного военного советника поступило письмо от командующего ВВС и ПВО команданте Гату, обвинявшего «некоторых советских летчиков» в отстреле «национальной фауны Анголы в заповеднике Киссама». Большого лицемерия нельзя было придумать, ибо того же Гату его подчиненные в изобилии снабжали мясом этой самой «фауны».

Атлантический форпост

Территориальные воды Анголы в начале 80-х были буквально забиты советскими судами. И не только военными. У берегов Анголы был добычу рыбы целый рыболовный флот, состоящий из более, чем ста траулеров. Часть добытой рыбы оставалась ангольцам в качестве оплаты за использование ее морских ресурсов, а остальное отправлялось в Союз и на экспорт. У пирса небольшой военно-морской базы в Луанде, где базировалась наша оперативная эскадра, иногда не оставалось места для военных судов ангольского флота. Постоянно в Луанде стояли один-два БДК, БПК, плавмастерская, пара танкеров, вспомогательные суда. За несколько лет существования ПМТО в Луанде здесь побывало несколько десятков боевых кораблей Северного и Черноморского флотов. Неоднократно заходили БДК «Николай Фильченков» и «Крымский Комсомолец». В 1978 г. проходом на Тихоокеанский ТВД на луандском рейде бросили якоря ТАКР «Минск» и БПК «Таллин», а в июне 1982 года в гостях у ангольцев побывал противолодочный крейсер «Москва».

Для советских моряков, несших службу в юго-восточной Атлантике, заход в Луанду был, пожалуй, единственной возможностью не только отдохнуть, но и реально, не с борта корабля, а вблизи увидеть Африку. Мне не раз приходилось в пору службы на ПМТО в Луанде вывозить экипажи, в том числе и подводных лодок, на экскурсии по городу. Первое время при выходе за ворота военно-морской базы «в целях маскировки» наших военных моряков заставляли переодевать военно-морскую форму на гражданское. У офицеров еще кое-какая одежда была. Но откуда ей взяться, например, у рядовых морских пехотинцев, просидевших в трюме БДК не один месяц? Хорошо помню умоляющие глаза нескольких «морпехов», которых каплей-замполит не пустил в экскурсионный автобус: у них не оказалось «гражданки». В

дальнейшем это распоряжение отменили, и моряки выезжали в город одетые, несмотря на жару, по всей форме.

На кораблях и по территории военно-морской базы в Луанде военные моряки ходили в сине-голубой тропической форме. Экипировка эта, хоть и не отличалась элегантностью, но была вполне удобна. Курточка с короткими рукавами и погончиками, шорты, пилотка с козырьком из хлопчатобумажной ткани и кожаные сандалии с прорезями для вентиляции были введены в 1969 году накануне первого визита советских кораблей на Кубу. Утверждал новую форму лично главком ВМФ Горшков. Рассказывают, что придирчиво осмотрев ее, адмирал изрек: «Форма то хорошая, но для офицеров шорты не годятся, не солидно!». В конце концов, нашли компромисс: матросам шорты оставили, а офицерскому составу стали выдавать брюки из такой же ткани. Но в тропиках на мнение главкома «забивали болт», и многие офицеры ходили на кораблях в шортах. Сине-голубые форменки можно было встретить даже на пляжах города: моряки с наслаждением купались или резались в волейбол. А «морпехи» на кораблях вообще раздевались до трусов: жара внутри десантного отсека БДК доходила до 50 градусов. Система вентиляции, гоняющая влажный воздух не справлялась с тропической жарой, а дополнительных кондиционеров на кораблях предусмотрено не было.

Кстати первые боевые корабли, переданные военному флоту Анголы: торпедные и ракетные катера, сторожевые корабли вообще не имели современных систем кондиционирования воздуха. Ангольцы возмутились и в контракт срочно внесли изменения. Это стало настоящей головной болью для советских служб, отвечающих за поставки боевой техники. Дело в том, что первые корабли, поставленные в Анголу, не строились на заказ, а передавались из состава флота, или из резерва. Это была вполне современная, исправная, но не

новая техника. И на нее ставить новые кондиционеры? А где флоту взять средства, да еще в валюте? Корабли поставлялись в основном в счет советских кредитов, то есть в долг. Пришлось искать «живую» валюту для оборудования ангольского заказа импортными кондиционерами.

Надо сказать, что местное военное командование успешно пользовалось присутствием советских боевых кораблей в территориальных водах своей страны. Например, когда обострялась обстановка на границе Анголы с оккупированной ЮАР Намибией, тут же следовала просьба министра обороны, а то, и президента страны, о перебазировании советских боевых кораблей в ближайшие к границе порты – Намиб (Мосамедиш) и Порту-Алешандре.

Конечно, главная задача у экипажей была скорее психологической, но артиллерийские и ракетные установки расчехлялись, а бортовые РЛС работали в боевом режиме. В присутствии наших кораблей авиация ЮАР, свободно проникающая на сотни километров вглубь территории Анголы, старательно избегала даже приближаться к побережью. На моей памяти тот же Намиб ни разу не бомбили даже в отсутствие наших кораблей. Охрана со стороны открытого океана поручалась кубинцам. На легких катерах и надувных лодках они патрулировали пространство вокруг кораблей, периодически, с интервалом в 15-20 минут забрасывая воду гранатами-лимонками: «чтобы не подобралась боевые пловцы». Если подводный диверсант находился в это время в воде, то они получали сильнейший динамический удар, теряли сознание и всплывали, как глушенная рыба. Рыбы, кстати, тоже хватало. Наши моряки спускали шлюпки и собирали улов сачками.

Разведывательно-диверсионные группы южноафриканской армии не раз совершали попытки пустить на дно корабли, стоящие на рейде

ангольских портов. В 1985 г. боевые пловцы ЮАР заминировали на входе в бухту Луанды немецкий сухогруз, доставивший для ангольской армии более 10 тыс. тонн боеприпасов. К счастью, сработало лишь одно взрывное устройство из четырех, и основной груз не сдетонировал. Команда судна и ангольцы просто разбежались. Спас корабль, с ним и пол-Луанды (представляет силу взрыва 10 000 тонн взрывчатки!) тогдашний командир ПМТО капитан 2 ранга Александр Кибкало. Он погрузился с аквалангом и обвязал мины капроновым шнуром, конец которого доставил на быстроходный катер. На скорости взрывные устройства были оторваны от днища и отбуксированы в океан.

Операция «Два капитана»

А в 1986 г. подводными пловцами в порту Намиба были подорваны сразу три судна: советские сухогрузы «Капитан Чирков», «Капитан Вислобоков» и кубинское судно «Гавана», доставившие оружие и около 15 000 тонн боеприпасов для ангольской армии и партизан СВАПО. Это был, кстати, единственный случай, когда советским спецслужбам удалось в целостности и сохранности получить в Анголе взрывное устройство «морских диверсантов». Мины, установленные боевыми пловцами ЮАР сработали частично, когда корабли уже подошли к причальной стенке. Из-за сравнительно небольшой силы взрыва и малой глубины суда не затонули полностью, а только осели на корму.

В операции по спасению судов и доставленного на них груза планировалась в Москве в главном штабе ВМФ. В Анголу были срочно переброшены советские военные моряки Черноморского флота из «морского спецназа»: подразделения противодиверсионных сил и

средств (ПДСС). Им была поставлена задача не только спасти груз и обезвредить неразорвавшиеся мины, но и определить их «авторство». Командир подразделения противодиверсионных сил и средств (ПДСС) Краснознаменного Черноморского флота капитан 1 ранга Юрий Пляченко, возглавивший тогда подводные работы, вспоминал: «В штабе флота меня спросили: сколько времени необходимо на сбор группы? У нас готовность – 20 минут. Но здесь было особое задание, я попросил 4 часа. Построил матросов: добровольцы есть? Шагнули вперед все. Взял двоих, недавно вернувшихся с боевой службы в Эфиопии. У них и с акклиматизацией проблем не предвиделось, а акул они не только на картинках видели. Назначил в группу еще двоих мичманов и офицера. Вылетели в Москву. Инструктаж у начальника Главного штаба ВМФ был короткий: «Береги людей». Спешка, помню, была страшная. Медики были категорически против, так как у нас не было прививок. Я сам слышал, как так при мне в Главный штаб ВМФ позвонил тогдашний предсовмина СССР Николай Иванович Рыжков: «Что вы там тянете? Я уже с 17 государствами договорился о пролете спецрейса, а вы одну женщину-врача уговорить не можете!».

Прибыв в Намиб, советские аквалангисты обнаружили несколько неразорвавшихся мин, прикрепленных к днищу кораблей. Они были установлены на неизвлекаемость. Удалось разобраться, почему взрывные устройства не сработали. Диверсанты, оказывается, не сделали поправку на так называемую ангольскую зиму: в намибийской пустыне в это время года достаточно прохладно, соответственно охлаждается и океан, поэтому в механизмах взрывателей загустела смазка. К Намибу тем временем подошли боевые корабли оперативной эскадры Северного флота. Заняли позиции, чтобы отсечь боевых подводных пловцов со стороны океана и начали систематический обстрел акватории порта из

противодиверсионных минометов. Под их охраной работа пошла быстрее. Проще всего было взорвать мины на местах их установки. Но тогда бы пострадали суда, да и груз мог сдетонировать. Наши спецы нашли выход: нейтрализовали одну из мин маленьким контрвзрывом. Она оторвалась от корпуса и взорвалась на грунте. А вот вторую удалось снять целой и невредимой. Приказ Москвы был выполнен, однако точную национальную принадлежность «изделия» определить не удалось.

Конструкция, по отзывам специалистов, была оригинальной, штучной. Многие детали были японскими, английскими, голландскими. Обыкновенные резисторы, диоды, микросхемы: хоть в мину их устанавливай, хоть в утюг. На самой мине никаких «made in». Таким образом, чья сборка, так и не установили. Морские саперы доложили «наверх» только одно: маркировка мины «ДД», а порядковый номер – 13.

Остается добавить, что около трех месяцев советские сухогрузы лежали на корме в порту Намиб под охраной кораблей Северного флота. В течение этого времени их пытались поднять с грунта, заварив пробоины и откачав воду из моторного отделения. Это удалось, и суда своим сходом направились в СССР на ремонт.

Кофе «по-чукотски»

Помню, где-то в году 1981 в Луанду пришел средний десантный корабль, предназначенный ангольскому флоту. Церемония передачи еще не состоялась. Перегонный экипаж во главе с со старлеем Костей использовал тропики на «все сто». Купался, загорал, фотографировался с местными красотками. По старой памяти меня попросили съездить с ними на экскурсию. После двухчасовой езды по городу благодарный

Костик пригласил к себе «на борт». «Пойдем, примем кофейку «по-чукотски». «По-чукотски? Это как?». Оказалось, так называлась убойная смесь, состоящая из 2/3 кофе и 1/3 «шила» - технического, но пригодного к потреблению спирта. После приема внутрь этого напитка все тело моментально покрылось крупными каплями пота. И тут вижу, на переборке каюты висит... японский кондиционер. «Кость, включи «кондей», не будь жмотом». «Не могу, говорит, не имею права. Вот, примут ангольцы корабль, тогда и будем гонять сколько влезет. У меня категорический приказ: японскую технику до передачи не трогать. В случае чего, ремонтировать некому». Но кондиционер Костик все-таки включил, после того, как... сильно провинился.

Пришел я в гости не с пустыми руками. Захватил по случаю с десяток ангольского пива «Суса». Бутылочки небольшие, по 330 грамм, похожие на аптечные мензурки. Радость старлея, уже забывшего за многомесячный морской переход вкус пива, трудно описать. А скорость, с которой он справился с парой «мензурок» была поразительной. Еще более удивительным стал факт исчезновения пустых бутылок в иллюминаторе. «Ты, что, бутылки в море выкинул?». «Да мы весь мусор за борт, делов то...». «Да ты знаешь, что ты наделал, мать твою?!». Костик из-за малого срока пребывания в Анголе явно не владел местными реалиями. Пустые бутылки из-под пива ценились в то время буквально на вес золота. Пиво оптом можно было купить только, если у тебя была посуда: стандартный ящик из 48 бутылок. В случае нехватки даже одной бутылки, обмен «ящик на ящик» произвести невозможно! А он их в океан, как мусор... Костика чуть удар не хватил, когда он услышал мои объяснения. И... включил кондиционер в качестве компенсации.

Руководство военной миссии и посольство часто использовало наши боевые корабли для демонстрации боевых возможностей

советской техники. В дни ангольских и кубинских государственных праздников устраивались выходы в море, полеты противолодочных вертолетов, высаживались показательные морские десанты. На такие демонстрации, как правило, приглашалось партийное и государственное руководство страны, министр обороны Анголы, начальник генштаба и национальный политкомиссар ФАПЛА. Заканчивались подобные мероприятия «в целях укрепления советско-ангольской дружбы» пышными приемами на кораблях с возлияниями и непременной флотской самодеятельностью. Для наших советников и посольских это было обычным делом: ангольцы праздники любили. Для военных моряков каждый такой праздник был экзаменом.

Однажды командир БДК, предназначенного для очередной демонстрации «советской военной мощи», решил предварительно потренироваться. А как же! Ответственность, сам понимаешь. Как бы не ударить лицом в грязь. Из посольства даже приезжали: «Не подведите, мы на вас надеемся». «Заряженный» таким образом командир вывел корабль в море, согласовав предварительно, как и положено через наших советников при управлении ВМФ, свои действия с местным военно-морским командованием.

Место для завтрашнего показательного десантирования было определено неподалеку от военно-морской базы, на песчаной косе, отделяющей бухту Луанды от открытого океана. Коса эта (скорее остров, так как соединялась с материком лишь небольшой искусственной перемычкой, по-португальски так и называется «Илья де Луанда» – «остров Луанда») протянулась на несколько километров вдоль побережья и была излюбленным местом купания и отдыха жителей Луанды. По какой-то причине командир не стал проводить тренировку в месте, которое ему определили, кстати, весьма условно. А

провел БДК чуть дальше на самый мыс косы. А как раз в то место, где занимала позиции ангольская батарея ПВО.

Стояла она там давно и неизвестно зачем. Место было низкое, радиолокационного обеспечения никакого. Боевых стрельб не проводилось несколько лет, а личный состав давно находился как бы на самообеспечении. Солдаты «обросли хозяйством», ловили рыбу, благо океан рядом, варили ее с маниоковой мукой: тем и питались. Советники начальника штаба ВВС и ПВО, сначала полковник Борисов, а позже Савельев неоднократно предлагали передислоцировать батарею на юг, в одну из «воюющих» провинций, но команданте Гату отказывался, ссылаясь на какие-то указания «сверху». По воскресеньям, выезжая на пляж, можно было наблюдать такую картину: среди нескольких самодельных хижин и дюжины спаренных крупнокалиберных пулеметов, на стволах которых сушилось белье, ходили вывезенные из провинции жены и бегали ребятишки.

И вдруг из предрассветного тумана на этот клочок стабильности и умиротворенности стали надвигаться туши плавающих танков ПТ-76 и БТР. Произошла самая обычная нестыковка в действиях ангольцев. Батарея-то подчинялась командованию ВВС и ПВО и, конечно, никому в голову не пришло предупредить зенитчиков о высадке в районе косы «учебного десанта» с советского БДК. Ангольский часовой увидел выползавший из воды БТР незнакомого окраса, страшно испугался и дал в воздух очередь из автомата. Слава Богу никого не задел...

Инцидент удалось замять. Ангольский командир батареи, которого, естественно, не было в тот момент на мысу, по ходатайству главного военного советника получил повышение «за отличную выучку личного состава и образцовое содержание оружия», а советский командир БДК - взбучку с запретом на месяц купания личного состава в океане... Запрет, правда, через неделю сняли.

Заложница своего богатства

Общеизвестно, что Ангола сказочно богата. Нефтью, рыбой черным и красным деревом, различными рудами. Но ее главное богатство – алмазы. Именно богатейшие залежи алмазов стали одним из решающих факторов продолжения войны и кровопролития в Анголе после официального ухода из страны советских советников и специалистов, вывода кубинских и южноафриканских войск. По условиям так называемого Лусакского договора о национальном примирении и прекращении огня, УНИТА должна была разоружиться и «интегрироваться» в мирный ангольский процесс. И тут Савимби сделал поистине демонический ход. Приказав наименее боеспособным своим подразделениям сдать оружие и, как бы влиться в состав объединенной армии, он со своими ближайшими соратниками перебрался из никому уже ненужной без авиационной поддержки авиации ЮАР Жамбы в центр страны в Байлунду. А затем двинул наиболее боеспособные части на северо-восток, захватив несколько богатейших алмазоносных районов страны. Правительственная армия, лишившись советского советнического аппарата, поставок оружия, поддержки кубинцев, и к тому же связанная по рукам и ногам обязательствами перед ООН не смогла ему помешать.

Население этих районов под дулами автоматов стало рыть алмазы для Савимби. Это давало УНИТА примерно 600 млн. долларов дохода в год. К концу 90-х годов XX века Савимби получил в свое распоряжение около 3 млрд. долларов и закупил самое современное оружие по всему миру. Эмиссары Савимби зачастили в ЮАР, соседний Заир, практически превратившийся в его тыловую базу. Люди УНИТА появились и в... России, странах СНГ: Украине, Казахстане, Молдавии и Белоруссии. Расплачивались наличными. До сих пор вспоминается скандал с

задержанием в 1995 году аэропорту в одном из африканских аэропортов российского самолета «Руслан» с грузом оружия. Самолет вроде следовал из Болгарии в... Эквадор. На самом деле оружие предназначалось Анголе. Но кому МПЛА? УНИТА? Неизвестно. Но бесспорным фактом стало то, что когда правительственные войска собрали свои силы в кулак и в 1999 году разгромили основные базы УНИТА, там были захвачены колоссальные арсеналы оружия общим весом в 15 тыс. тонн. В том числе несколько десятков современных танков и БМП. Советского, заметим, производства.

Кто-то задаст справедливый вопрос: как это удалось унитовцам, без знаний, оборудования и квалифицированных специалистов наладить добычу алмазов в таких масштабах? Они что под ногами там валяются? Дело в том, что действительно валяются.

Вспоминаю одну из командировок на северо - восток Анголы, центр алмазодобывающей промышленности Анголы: северо-восточные провинции Лунда-Сул и Лунда-Норте. Это было в 1978 году, когда правительство поставило задачу обеспечить охрану воздушного пространства над алмазоносными районами страны, и ангольское командование выбирало места для расположения будущих комплексов ПВО. Разруха, война и «народная власть» еще не коснулось этого заповедника цивилизации на крайнем северо-востоке страны. Юрисдикция ангольского правительства практически не распространялась на эту территорию – ее контролировала администрация южноафриканской компании «Де Бирс», владельца алмазных копий Анголы. После провозглашения независимости страны эмиссары МПЛА сразу же побывали здесь, заявив о намерении национализировать собственность компании. Но всего, чего им удалось добиться – это массового отъезда инженеров и техников, в основном

португальцев и южноафриканцев. Тогда правительство Агоштинью Нету обратилось к СССР с просьбой наладить производство на предприятиях «Диаманга» - так называлась дочерняя компания «Де Бирс», разрабатывающая богатейшие ангольские алмазные копи. В Анголу приехала представительная делегация из специалистов объединения «Якуталмаз». Советские специалисты походили по цехам обогатительных фабрик, побывали на алмазоносных карьерах и... посоветовали новому правительству ничего не национализировать, а продлить соглашение с «Де Бирс».

Дело в том, что у якутских специалистов был опыт и соответствующее оборудование только для разработки кимберлитовых месторождений. В Анголе же добыча велась из так называемых аллювиальных месторождений. Спросите в чем разница? В первом случае нужно вгрызаться в породу, рыть шахты, иногда глубокие, чтобы вскрыть кимберлитовую трубку, а во втором... алмазы практически валяются под ногами. Не верите? Один мой знакомый анголец Эштевиш, работавший на огромном складском комплексе «Агрожбал» в Луанде рассказал в 1978 году такую историю. Видимо он знал, о чем говорил, поскольку несколько раз предлагал мне купить необработанные алмазы. Причем, стоимость их по тем временам была просто смешной...

Владения «Диаманга» в Анголе раскинулись на площади в 50 тыс. квадратных километров, а это больше площади Швейцарии. Конечно, не везде алмазы валялись под ногами. Самые ценные и уже разведанные месторождения и карьеры, в которых велась добыча, охранялись чрезвычайно тщательно. Несколько рядов колючей проволоки, иногда под током, вышки с пулеметами, проводники с собаками. Охранники стреляли без предупреждения в любого, кто приближался к ограждению. Периметр постоянно облетался вертолетами и легкими самолетами, в случае чего тут же открывавшими огонь на поражение. Местные

чернокожие старатели, конечно, копались по близости, но самые лакомые кусочки, это так правило, русла рек, ручейков, в которые веками смывались с близлежащей территории драгоценные камни, находились за колючкой. Чернокожие старатели, по словам Эштевиша, поступали так.

Ночью в лесу в нескольких десятках или сотнях метров от ограждения ими оборудовалась хижина. Работа велась иногда несколько недель, постепенно, чтобы скрыть свое присутствие. Иначе с любого вертолета, регулярно облетавшего владения «Де Бирс» можно было получить очередь из крупнокалиберного пулемета (кстати, и получали, нелегальные старатели гибли десятками, но на смену им приходили новые охотники за алмазами). Когда работа была закончена, опять же ночью старатели осторожно проникали за ограждение и набивали в ручьях и карьерах мешки или корзины породой: красноватой, липкой землей. Перетаскивали свою добычу в хижину, для маскировки покрытую ветками и листьями. А днем тщательно просеивали землю, стремясь найти маленькие блестящие стеклянные камешки. Тем, кому везло, отправлялись в соседний Заир и там, на обыкновенном базаре сбывали свою добычу за бесценок. Потом снова возвращались в хижину. И частенько находили там свою смерть. Охранники-португальцы («Диаманг» нанимал для этих функций высококлассных профессионалов) часто обнаруживали убежища контрабандистов и минировали их...

Наш самолет приземлился на аэродроме в Дунду, столице империи компании «Диаманг», почти на самой границе с Заиром. При въезде в город нас встретил обелиск, поставленный в честь завоевания португальцами этих территорий у голландских поселенцев. На памятнике, установленном лет пятьдесят назад красовалась примета нового времени: намалеванная черной краской надпись «МПЛА». Даже

трудно себе представить, что этот городок расположен почти в тысяче километров от центров цивилизации. Отличные двухэтажные вилы, утопающие в манговых и пальмовых зарослях. Аккуратные цветники и клумбы, к каждой (!) из которых был подведен водопровод. В резиденции генерального директора, его пост тогда занимал тогда португалец Мариу де Соуза, несколько вольеров с редкими африканскими птицами. Вся территория компании – это своеобразное государство в государстве. Владея ей на правах концессии, выделенной колониальным правительством ей принадлежало все: и дороги, плотины, гидро- и электростанции, гостиницы дома, школы магазины.

Господин де Соуза предложил нашей группе осмотреть новый, недавно принятый к освоению участок добычи на реке Луэмбе. До места пришлось ехать несколько часов на лендровере. Реку запрудили и пустили по другому руслу. Пора мощных бульдозеров «Катерпиллер» (раньше по словам де Соузы их было пять, но теперь из-за отъезда специалистов часть техники простаивает) бороздили высохшее русло реки, снимая алмазоносный слой грунта и сгребая его в большую кучу. Небольшой экскаватор грузил темно-красную, смешанную с водорослями землю на подъезжающие грузовики. Далее наш путь, как и путь алмазоносной породы, лежал в промывочный породу цех. Там землю сгрузили на мелкоячеистые решетки и тщательно промыли. «Иногда попадаются крупные алмазы, из рабочие обнаруживают визуально и отбирают», - пояснил управляющий.

Но наш сопровождающий тогдашний представитель штаба ВВС и ПВО Анголы камарада Андре с гордостью говорит: «Все это теперь наше, скоро эти богатства будут служить новой власти, а значит нашему народу». В ответ господин де Соуза не стал ничего возражать, но скептически улыбнулся: уж кто-кто, а он то знал, для сбыта продукции на международных рынках необходимо разрешение кампании «Де

Бирс», мирового монополиста на рынке алмазов... Конечно, если официально. А если неофициально, то можно алмазами и на рынке в Киншасе торговать. Так оно и случилось, когда Савимби захватил эти районы и буквально заполнил алмазной контрабандой пол Европы.

Война наемников

После ухода в начале 90-х годов советских военных советников и специалистов и вывода кубинских войск из Анголы, правительство Жозе Эдуарду душ Сантуша осталось практически один на один с вооруженной оппозицией. И хоть Савимби уже не могли помочь южноафриканские войска (к тому времени к власти в ЮАР пришло дружественное Анголе правительство во главе с лидером АНК Нельсоном Монделой), вооруженные отряды УНИТА представляли собой по-прежнему грозную силу. Жонас Савимби наконец то почувствовал свою силу и, отказавшись признать законность всеобщих выборов 1992 г., двинул свои войска в наступление по всей стране. Оно было настолько успешным, что к маю 1993 г. силы УНИТА уже контролировали до 70 процентов территории Анголы.

СССР к тому времени прекратил свое существование. А российскому правительству, унаследовавшему от бывшего могучего государства как ответственность за десятилетиями возвращаемое революционное движение МПЛА, так и многомиллиардные долги Анголы, было не до помощи тонущему младшему брату. Тогда правительство Жозе Эдуарду душ Сантуша обратилось к... наемникам. Да, да, к тем, кто еще недавно сражался с правительственными войсками на стороне ФНЛА и УНИТА, тем, кто остался не у дел после расформирования элитных южноафриканских спецподразделений. Южноафриканская компания «Executive outcames» взяла на себя миссию

поставки на правительственную службу Анголы военных профессионалов: командиров пехотных подразделений, офицеров-штабистов, летчиков, авиатехников, саперов, подрывников, артиллеристов, всех тех, кто мог бы заменить некогда многочисленный советский советнический аппарат. И за рычаги советских танков и бронетранспортеров, штурвалы самолетов МиГ-21 и МиГ-23 и вертолетов Ми-8 и Ми-24 сели те, кто совсем недавно воевал на противоположенной стороне.

Вот свидетельство одного южноафриканца, завербованного «Executive outcames», и отправившегося, как и сотни других, зарабатывать свои деньги в Анголу. Имя его не называю по причине вполне понятной. По новым законам ЮАР ему, как наемнику, до сих пор грозит судебное преследование. Вот его рассказ.

«Числа 15-го февраля (1993 года – авт.) один мой армейский кореш позвонил мне и спросил, как я насчет того, чтобы выполнить кое-какую работенку для правящего Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА). Я сидел без работы и без денег и подумал: а почему бы и нет?

В Претории мы отправились домой к некому Лэни Келлару, отставному полковнику южноафриканской армии, и там мы подписали контракты. Контракты были на 30 дней. Никакой медицинской страховки или компенсации в случае ранения или смерти. Рядовым платят 500 рэндов (примерно 150 долларов) в день, капралам - 600 рэндов, командирам отделений - 750, а командованию всей группой - 900. Половину суммы нам выплатили вперед, остаток мы должны были получить после завершения контракта.

Уже на следующий день мы были в пути. Задача была не слишком-то ясна. Мы вроде как должны были овладеть каким-то там нефтеперегонным заводом где-то в Анголе и охранять его, чтоб его можно было заново запустить. Правительственные войска должны были

бы подойти позднее и обеспечить дополнительную охрану.

Мы с несколькими парнями отправились коммерческим рейсом из международного аэропорта Яна Смита в Южной Африке сперва в Намибию, а оттуда небольшими самолетами - на военно-воздушную базу МПЛА Кабу-Леду, километрах в шестидесяти в югу от Луанды. Остальных перебрасывали небольшими самолетами прямым из аэропорта Гранд Сентрал, что возле Йоханнесбурга.

Спустя три дня весь отряд численностью 54 человека был в сборе. Общее руководство операцией осуществлял некто Бакс Байз, бывший капитан-спецназовец из ЮАР. Не знаю, какой была его роль в операции: насколько я мог судить, никакого участия в нашем деле он не принимал.

Наступило 24 февраля. Нас снова кратко проинструктировали о нашей задаче: захватить нефтеперегонный завод и удерживать его. Нам раздали оружие: советские автоматы АК-47 и легкие пулеметы РПК и ПКМ. Мы тут же их пристреляли. Те, кто раньше не имел дела с АК, прослушали короткую лекцию. Нам также преподали простейшие уроки первой помощи - и на этом подготовка закончилась.

Отряд разбили на три группы по 18 человек. Командир каждой группы подбирал себе людей сам. Я был вовсе не в восторге от уровня моих партнеров. Кое-кто из них никогда прежде не держал в руках АК, многие не имели никакой серьезной военной подготовки. А из тех, кто такую подготовку имел, многие находились явно не в лучшей физической форме. Они могли бы, пожалуй, вышибить дверь где-нибудь в городской квартире или пристрелить кого-нибудь, но черт меня побери, если они были в состоянии долго продираться сквозь кусты в боевых условиях.

Из-за спешки, с которой сколачивался отряд, в него угодили и совершенно случайные люди. Среди нас затесался даже один авиационный техник, который никогда и по цели-то не стрелял.

Конечно, трудно подобрать всего за пару дней хороших тренированных ребят с необходимыми навыками и опытом.

На рассвете 28 февраля мы загрузились в несколько гражданских вертолетов Ми-8 и полетели к месту назначения, где высадились около семи утра вблизи от нефтяных резервуаров километрах в шести южнее нефтяного комплекса Сойю, расположенного на атлантическом побережье у устья Конго, точно к югу от узкого морского коридора Заира. На бездействующем предприятии правительство Анголы теряло что-то около 12,5 миллионов долларов в день, так что не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, почему они стремились как можно скорее запустить его.

Перед самым взлетом нам было объявлено, что нам предстоит сделать, это - выбить из района высадки кучку бойцов УНИТА, и что батальон правительственных войск должен будет приплыть на барже морем спустя несколько часов. Мы должны были помочь им организовать круговую оборону объекта, а потом действовать как советники. Всего-то дела было на пару-тройку суток, а потом подойдут корабли за каким-то тяжелым оборудованием - и заберут нас. Раз плюнуть, да?

Сначала все шло по плану. Высадившись, мы вышибли их с позиций, обрушив на них шквал огня после того, как они обстреляли нас примерно с трехсот метров. В районе 12 часов с баржи сгрузились человек 300 солдат МПЛА, и мы быстренько окружили нефтехранилища кольцом обороны.

Но потом, часа в 4 пополудни, начались неприятности. Бойцы УНИТА открыли по нашим позициям сильный огонь из стрелкового оружия. Мы помогли правительственным войскам как следует обустроить позиции, но не собирались ввязываться в бой. В этой первой стычке двое наших были ранены: один в руку, другой в ногу. Вообще-то

ни в наши планы, ни в нашу задачу не входило всерьез воевать с унитовцами. В сущности, мы просто защищались.

Примерно через час все наши три группы собрались в помещении конторы нефтехранилища, чтобы обсудить, что нам следует предпринять дальше. Никто не предполагал, что отряд окажется втянутым в серьезные позиционные бои. Поскольку Байз, наш командир, как сквозь землю провалился, старшие трех отделений решили организовать двухсотметровую оборонительную линию южнее и позади позиций МПЛА.

Из-за невероятно густого кустарника мы были вынуждены отрыть ячейки на двух человек всего в 5 - 10 метрах одна от другой. К 9 часам вечера мы полностью окопались и выставили часовых. Примерно в полночь силы УНИТА обстреляли нашу позицию. Мы были уверены, что впереди нас - свои, но оказалось, что при атаке бойцы МПЛА попросту испарились неведь куда.

Отловленные на улицах Луанды и прошедшие поверхностную 40-дневную военную подготовку, эти воины представляли собой поистине жалкое зрелище. У каждого был только один магазин, а остальные патроны они таскали россыпью в карманах. В бою они просто поднимали автомат над головой и палили куда попало без передышки. Неудивительно, что только в том ночном бою они потеряли человек 25 ранеными и 10 - 15 - убитыми.

К часу ночи огонь стих. На утро мы перестроили оборону МПЛА и занялись организацией снабжения их продовольствием, водой и боеприпасами. Вертолеты подвезли подкрепление и еще продуктов и амуниции. Весь день унитовцы беспорядочно обстреливала нас из автоматов и пулеметов и даже выпускала в час 4 - 5 мин из 82-миллиметрового миномета. Эта пальба не имела никакого эффекта, поскольку у них отсутствовало передовое наблюдение и не было

возможности корректировать огонь. Они могли лишь приблизительно наводить на баки нефтехранилища в надежде зацепить кого-нибудь.

К исходу третьих суток настроение у нас совсем упало. Большинство наших не имели пехотной подготовки и совсем мало кто нюхал порох. Все говорили: "Пошли они к такой-то матери, с нас хватит. В контракте это не записано". И по-своему они были правы. Оглядываясь назад, я полагаю, что наши наниматели вначале и впрямь полагали, что нам едва ли придется пробыть в районе завода больше 48 часов, но когда увидели, с каким незначительным сопротивлением мы столкнулись на первых порах, изменили свое намерение.

В довершение всего нам создавали трудности необученные бойцы правительственного батальона - сборище 18-летних сопляков, не имевших никакого понятия о дисциплине. К примеру, когда их командиры с нашей помощью попытались организовать раздачу боеприпасов и продовольствия по цепи, то ближайšie к пункту раздачи солдаты сожрали все пайки и выпили всю воду, не передав ничего своим же товарищам. Так что вскоре те стали просто бросать позиции в поисках воды и еды. Это был форменный бардак.

На четвертые сутки часа в четыре дня мы опять собрались в нашем штабе и решили сосредоточиться на обороне и снабжении основной территории завода. Боевой дух продолжал падать. Многие твердили: "С нас хватит, пора сматываться".

Командиры отделений на это ответили: "Мы можем работать только с теми, кто хочет играть в команде. Ваше отношение нам не подходит. Мы посадим вас в вертолеты - валите назад в Кабу-Леду". И тридцать парней отчалили.

Позднее мы узнали, что по возвращении они потребовали плату в полном объеме. "Но вы же не выполнили контракт, - было сказано им. -

Вы пробыли там только четыре дня". "Если вы не заплатите нам все до цента, - ответили наши дезертиры, - мы отправимся в газеты и выложим все". Ангольская государственная нефтяная компания "Сонангол", которая, по всей видимости, финансировала операцию, решила не рисковать, так как новое правительство ЮАР и так болезненно реагировало на статьи о событиях в Союю, уже появившиеся в печати.

Тем временем, на наш десятый или одиннадцатый день в Анголе, мы перебазировались с нефтезавода в Союю, городишко с населением в 4000 человек. Там была приличная ВПП, позволявшая принимать тяжелые Си-130. У нас по-прежнему были проблемы с ежедневной раздачей воды и пищи правительственным солдатам, но боевая обстановка стала потише - всего несколько мелких стычек в день. Но поскольку даже в таких условиях подразделения МПЛА несли потери, они дважды отодвигали назад линию обороны. Было решено, что надо вернуть их на исходные позиции, потому что в случае прорыва унитавцев уже могла бы захватить завод.

Нам приходилось буквально гнать их пинками под зад, чтобы заставить идти вперед. Именно в такой момент мы и напоролись на засаду. Завязался бой, в котором погибли Фил Смит, ветеран из Родезии, служивший в 4-м разведывательном полку армии ЮАР, и Фрэнк Тальярд из ЮАР.

Четверо белых указывали дорогу, когда мы попали в засаду; части МПЛА были не в состоянии прорваться сквозь нее. А на следующий день, в воскресенье, тяжелый бой разгорелся восточнее нас. День спустя унитовцы прорвали позиции МПЛА, но развивать успех они почему-то не стали - возможно, из-за нехватки боеприпасов и продовольствия. Все наши решили, что настало время уходить. Мы не могли сражаться с крупными силами УНИТА, да и не занимались делать это.

План спасения был прост: захватить небольшое рыбацкое судно и уйти в море. Нам говорили, что если дела пойдут хреново, то милях в пяти в море нас будет ждать корабль. Корабль там был, но нам не удалось связаться с ним по радио. Однако когда и впрямь пришло время сматываться, мы оседлали 60-футовое судно, принадлежавшее американской кампании «Тексако», которое оказалось тут с целью забрать какое-то оборудование.

Капитан сказал, что не желает быть замешанным "ни во что политическое". Мы ответили, что наше единственное желание - попасть на нефтедобывающую платформу на достаточном расстоянии от берега, откуда мы могли бы наблюдать, как развивается ситуация. Он неохотно согласился, и эту ночь мы провели на нефтяной платформе.

На другой день мы связались кое с кем из гражданских специалистов в Сойю и узнали, что ситуация выглядит стабильной. Тогда четверо полетели на вертолете обратно, разузнать что к чему. Остальных корабль «Тексако» отвез в Луанду, откуда автобусы доставили их в Кабу-Леду, а оттуда они добрались и до ЮАР, поскольку их контракты истекли. Вместо них в Сойю была отправлена новая группа.

Эта бригада состояла из ребят покруче, возможно, потому, что на их подбор было больше времени. Они отработали все установленные контрактом 30 дней и уехали. А в конце мая силы УНИТА прорвали оборону МПЛА, перебив при этом по оценкам, от 1500 до 2000 человек...».

Зачем нам, товарищ, Анголы земля?

Однако не только южноафриканские или родезийские ветераны потянулись в Анголу в начале 90 годов прошлого века. Среди сотен и

тысяч военных профессионалов, съезжавшихся в Анголу со всего мира, было немало и наших соотечественников: русских, украинцев, белорусов, тех, кто когда-то уже работал в Анголе, Мозамбике, Афганистане. И не жажда приключений, романтика «диких гусей» или большие заработки гнали их в Африку. А отсутствие востребованности их боевого опыта и знания техники у себя на родине в тот период. В первую очередь в Анголу поехали безработные военные и гражданские летчики, авиатехники, специалисты по ремонту и обслуживанию наземной боевой техники, саперы.

Многие из них не вернулись назад, так и оставшись в ангольской земле. Особенно доставалось летчикам. Их машины в отсутствие квалифицированного ремонта, либо просто выработавшие свой ресурс, падали с незавидной регулярностью. Вот, например, типичное сообщение из Луанды конца 90-х годов прошлого века: «Вчера в Анголе недалеко от Луанды разбился транспортный Ан-26. Это уже четвертая катастрофа транспортного самолета с начала года. Погибли 40 человек, находившихся на борту и один человек, который во время катастрофы находился на земле. Самолет разбился около 12.00 по Гринвичу, через 5 минут после вылета с аэродрома. По свидетельству очевидцев катастрофы, перед падением был замечен пожар в салоне самолета. Самолет арендовала местная авиакомпания «Аза Пезада».

Другие транспортные машины сбивали унитовцы, десятки наших летчиков погибали, многие попадали в плен. Только с 1995 по 1999 г. на территории страны бесследно исчезли пять летных экипажей, состоящих из граждан СНГ, которые выполняли транспортные и пассажирские рейсы для ангольских компаний. Некоторых летчиков: русских, украинцев, белорусов удалось спасти. Повстанцы УНИТА относились к ним вполне терпимо и охотно шли на переговоры. Часть из них была отпущена из плена в обмен на уступки местной стороны, либо

за вознаграждение, а по освобождению других, как утверждают официальные ангольские лица до сих пор «ведется кропотливая работа». Дело в том, что, даже после 2002 года, несмотря на гибель Жонаса Савимби и объявленную очередную «интеграцию членов УНИТА в ангольское общество», в джунглях Анголы до сих пор скрывается несметное количество хорошо вооруженных групп и группировок. Они воюют и между собой, и с правительственными войсками, просто занимаются бандитизмом, либо охраняют собственность «алмазных баронов», среди которых немало высокопоставленных ангольских чиновников. Определить какая из вооруженных групп и где содержит пленных иностранных специалистов не так то просто. А главари бандитов, за десятилетия конфликта в Анголе начисто отвыкшие мыслить мирными реалиями, дорожат заложниками, надеясь в критический момент обменять их жизни на свою свободу.

Крупный скандал вокруг использования «иностраных летчиков» в Анголе разразился в ноябре 2000 года, когда унитовцы «добыли» доказательства участия российских военных летчиков в конфликте. Одна из группировок повстанцев УНИТА заявила, что при полете к правительственному аэродрому в провинции Мошику ее бойцами был сбит истребитель российского производства Су-27, принадлежащий ВВС Анголы. Как утверждали партизаны, самолет имел бортовой номер 272, а пилотировал его российский военный летчик Игорь Валенченко, который сумел катапультироваться из горящей машины и был захвачен в плен.

МИД России и пресс-служба ВВС тут же заявили, что «в Анголе нет российских военных летчиков». А представитель компании «Рособоронэкспорт», организации, занимающейся экспортом боевой техники за рубеж, официально сообщил, что «Россия никогда не

поставляла в Анголу истребители Су-27. Поэтому утверждения повстанцев ангольской группировки УНИТА о том, что огнем их средств ПВО в районе населенного пункта Кангамба, провинция Мошику, был сбит самолет Су-27 военно-воздушных сил Анголы с бортовым номером 272, не соответствуют действительности». Чиновник почему-то не допустил, что современный истребитель мог попасть в Анголу минуя официальные государственные каналы: мало ли у нас частных фирм занимается поставками боевой техники под видом гражданской! А может быть, эта машина была поставлена из одной из стран развалившегося Советского Союза? С Украины, например?

Таким образом, госчиновники, толком не разобравшись, тут же публично открестилась от человека, который, возможно, являлся гражданином России. Конечно, нельзя исключать и того, что Валенченко и на самом деле не россиянин а, был, например, гражданином Украины, либо Казахстана. Ведь для африканцев все выходцы из бывшего СССР - русские. И в этом случае МИД России был абсолютно правомочен в своем заявлении и мог не предпринимать какого-либо участия в судьбе сбитого летчика. Но не в этом главное. В конце концов, российские пилоты уже не раз попадали по удар ангольских повстанцев, и за десятилетия военного конфликта в Анголе соответствующие службы и СССР и России здорово поднаторели в освобождении наших соотечественников из унитовского плена. Дело это тонкое и деликатное, и публичность тут не к чему. Поэтому с учетом особенностей ангольской обстановки можно предположить, что работа по поиску и возвращению домой Игоря Валенченко (в случае если он оказался бы россиянином) была проведена, как всегда, негласно.

Дело здесь в другом. Случай с Валиченко - первый за всю историю ангольского конфликта, когда в сбитом боевом самолете правительственной армии, выполнявшем боевую задачу, оказался

выходец из бывшего СССР. Речь шла о военном летчике (не обязательно, кстати, действующем), который принимал участие в боевых действиях между повстанцами и правительственными войсками Анголы, причем по своей воле. Подобное участие в боевых действиях, как известно, противоречит российскому законодательству и является, согласно действующему Уголовному кодексу Российской Федерации, наемничеством. Поэтому, если Валиченко и был россиянином, то освободить его российскому МИДу пришлось бы только для того, чтобы отдать под суд! Этим и объяснялась столь бурная и быстрая реакция российских властей на заявления представителей УНИТА. Как и последовавшая за этим тишина в средствах массовой информации.

Собачья работа для русского сапера

Как уже отмечалось, тема боевых действий в Анголе и участия в них иностранцев широко отображается в зарубежном кинематографе. В частности, в уже упоминавшемся американском фильме «Чистильщик» с Дольфом Лундгреном в главной роли. Он, кстати, в отличие от опуса Кабилова, имеет под собой реальную основу. Многолетняя война оставила на многострадальной земле Анголы десятки тысяч самых разнообразных мин. И ангольское правительство было вынуждено привлечь к их обезвреживанию иностранных специалистов. Среди них были и наши соотечественники.

Думается читателю будет интересно познакомиться с воспоминаниями одного из таких наемных военных профессионалов, который вполне мог бы оказаться рядом с Дольфом Лундгреном, будь его персонаж реальным. Путь в Анголу Михаила Козакевича, подполковника Советской армии оказался извилистым и даже тернистым. Специалист по минно-взрывному делу, он в свое время два

года «оттрубил» в Мозамбике. Работал преподавателем-инструктором в военном училище в городе Нампула. После бурных событий 1991 г. в Москве уволился, помотался пару лет без работы и подался «на землю обетованную», благо дальние родственники обеспечили его и семью вызовом. Однако Израиль не слишком понравился бывшему офицеру. Положенный репатрианту льготный кредит, вложенный в коммерческий проект, вдруг превратился в тяжкую обузу: «русская мафия» обложила новоявленного коммерсанта такой данью, что пришлось уносить ноги. Куда? Кто-то посоветовал: а езжайте в ЮАР, там с израильским паспортом с удовольствием примут. Михаил сначала тайно отправил жену и детей, а потом, сам, скрываясь от бандитов-рэкетиров, по паспорту на чужое имя вылетел в Йоханнесбург.

Так Михаил оказался в 1994 году в ЮАР. Встал вопрос с работой: семью кормить нужно. Несколько месяцев перебивался бывший подполковник случайными заработками, пока не наткнулся на объявление в газете: «Для выполнения контракта в Анголе требуются опытные саперы, желательно знание принципов и конструкций минно-взрывных устройств стран Восточной Европы, Китая». «Так попал я в Анголу, - рассказывал Михаил. Взяли меня с испытательным сроком. При приеме на работу пришлось в качестве доказательства предъявить не израильский, а советский паспорт, который я предусмотрительно сберег. Сыграла свою роль моя информированность в области советских мин и неплохое знание португальского языка. В мозамбикском военном училище в городе Нампула к концу командировки я вел занятия уже без переводчика. А у южноафриканской фирмы, что дала объявление, был контракт с ангольским правительством на разминирование почти тысячи километров дорог. Группу собрали большую, человек 30. Саперы, проводники собак, обслуживающий персонал. В основном южноафриканцы, но были и два немца, из бывшей ГДР. Русский я один.

Впрочем, для них я был израильтянином. В Анголе к нам присоединились еще десятка два ангольцев - охрана и обслуга».

Здесь необходимо сделать небольшое отступление от рассказа Михаила. Дело в том, что южноафриканцы впервые столкнулись с советскими противотанковыми минами еще в апреле 1971 года, когда неподалеку от города Сингаламве в Намибии под задним колесом "Форда" F-250 полиции ЮАР взорвалась, заложенная подрывниками боевого крыла АНК «Умконто ве сизве» мина ТМ-46. В последствии противотанковые мины превратились в серьезную угрозу не только для военных, но и для гражданского населения. Южноафриканцы даже вынуждены были потратить огромные деньги на создание целого семейства транспортных машин и БТР, имевших специальную надежную противоминную защиту: Касспир, Буффел, Мамба. Их конструкторы заметно преуспели в этом. Днище машин было максимально приподнято над дорогой и изготовлялось из бронированных листов в форме клина. Такие машины на первый взгляд мало походили на БТРы, больше смахивая на какие-то инопланетные вездеходы типа «Лунохода», но имели потрясающую минную живучесть. Это было очень важно, ведь Ангола, на территории которой южноафриканцы воевали начиная с 1975 г., была просто напичкана минами. За период конфликта по самым скромным подсчетам всеми сторонами там было установлено свыше 10 млн. мин более 80 типов. Большинство из них - советские противотанковые и противопехотные. Ежегодно от их взрывов погибали и становились инвалидами десятки тысяч мирных жителей. Поэтому ангольскому правительству приходилось нанимать саперные группы со всего мира. Но вернемся к рассказу Михаила.

«Южноафриканцы работали с размахом, широко используя практически все известные способы обезвреживания мин. Применяли

миноискатели, вспашку, объемные взрывы и даже специально натренированных собак. Как известно, даже самый совершенный миноискатель не всегда обнаруживает мины с минимальным содержанием металла, а проверять дороги на всю длину и ширину с помощью щупов невозможно.

Тогда южноафриканские саперы решили обратиться к опыту полиции, которая во всем мире уже давно и с большим эффектом использует чувствительное обоняние собак при поиске наркотиков. Известно, что большинство типов мин снаряжается взрывчаткой на основе нитрата, и проводники собак стали натаскивать их на характерный запах тротила. Однако собаки, которых готовили в мягких климатических условиях Претории, страдали от жары в Анголе, где температура нередко подбирается к 40°. Псы, добросовестно поискав мины примерно часа, полтора, из-за жары и усталости быстро теряли интерес к работе, прятались в тень деревьев. Несколько немецких овчарок погибло от обезвоживания организма вследствие перегрева. Южноафриканцы их берегли и использовали собак только лишь в прохладные утренние часы. А потом и вовсе перепоручили это дело нам – наемным иностранцам.

Вставали в 6 утра и брались за щуп и миноискатель. Каких только мин не прошло через мои руки: и советские ТМ всевозможных модификаций, и китайские противопехотки тип-72, чешские РТ и английские и американские. Больше всего доставляли проблем сдвоенные, и даже строенные заряды и мины, установленные на неизвлекаемость. За годы гражданской войны ангольцы с обеих сторон поднаторели на таких минах-ловушках. По всему видно учителя были хорошие. Например, противотанковые мины с неметаллическим корпусом на дорогах обычно устанавливались в паре с противопехоткой. Во-первых, миноискателем обнаружить ее трудно, во-вторых, это

провоцирует наезд тяжелой техникой. Давят, ничего не подозревая, танком такую противопехотку, а там «двойняшка». И нет танка. А в принципе подобная мина может сработать даже от наезда велосипедиста. Такие сюрпризы мы обычно взрывали на месте.

Дважды попадались мины-ловушки, замаскированные под предметы обихода. Один раз это была пластиковая канистра начиненная взрывчаткой, а другой – жестяная банка из-под пива. Местные жители вырезали у таких жестянок верх и с успехом использовали их в качестве стаканов. Но это, видимо, и рассчитывали унитовцы, начиняя пустую банку тротилом. Причем в обоих случаях работал явно профессионал. Мы удивлялись: откуда такие познания? Все стало ясно, когда в одном подземном бункере, расположенном под обычной глинобитной хижинкой в селении, которое раньше несколько лет служило унитовцам базой, нашли отлично сохранившееся американское полевое наставление «FM 5-31» BOOBYTRAPS по изготовлению мин-сюрпризов. На изрядно измусоленной книжице (видать не один десяток диверсантов ее штудировал) стояла печать унитовского штаба, а в тексте карандашом сделан подстрочный перевод с английского языка на португальский. Там все прекрасно описано и наглядно показано: делай адские машинки хоть из старого радиоприемника, хоть из детской игрушки.

Наш шеф, коренной преториец Рикки де Бир всегда поручал мне всю работу если попадался какой-нибудь образец с русскими буквами или советской маркировкой. «Ты русский, и такую мину сможешь извлечь только ты», - говорил он. Но зря я никогда не рисковал, помнил: мои дети ждут меня живым. А еще хорошо помнил случай, произошедший незадолго до моего приезда в Мозамбик. Мой предшественник, полковник на одном из занятий с мозамбикскими военнослужащими по минно-взрывному делу вдруг решил на себе проверить чувствительность противотанковой мины к весу человека.

Видимо, хотел на своем примере доказать курсантам, что танковое минное поле не опасно для пехотинца. Встал на противотанковую мину и подпрыгнул. В принципе, ничего не должно было случиться. Но, то ли взрыватель был неисправен или корродирован, то ли попался нештатный. Короче взлетел наш ассессор на воздух вместе с курсантами. Те, правда, отошли подальше и отделались легкими ранениями и ушибами, а советника разорвало в клочья. Но мозамбикцы никогда не поминали нашего офицера худым словом. Наоборот, портрет погибшего висел в музее, а начальник Нампульского военного училища, высокий такой надменный негр, всегда ходивший с длинной резной тростью из черного дерева, приводил его в пример своим подчиненным. Вот так, мол, не щадя своей жизни, выполняют интернациональный долг советские товарищи.

Вдоль ангольских дорог, где мы работали, все напоминало о недавних боях. То тут, то там попадались остовы сгоревшей боевой техники, грузовиков, воронки, стоял годами въевшийся запах гари и трупов. Этот запах войны навсегда врезается в память, и его ни с чем не спутаешь. Как-то в одной деревне нашли склад 122 мм снарядов для «Града». Видимо в свое время фаповцы оставили, а может быть унитовцы устроили здесь свой потайной схрон. Приняли решение все это дело рвануть. На окраине деревни вырыли бульдозером глубокую яму, аккуратно сложили снаряды в штабель, многие почти насквозь проржавели. Заложили взрывчатку и грохнули. От детонации вдруг заработал маршевый двигатель одной из ракет, и та огненной свечой ушла в небо. Здорово мы тогда испугались, ракета могла упасть на деревню, но пронесло. Я поразился: столько лет пролежали реактивные снаряды в земле и сырости, а, поди, ж ты еще вполне работоспособны. Да наша боевая техника, она и в Африке техника.

Так проработали мы месяцев шесть, несколько сотен мин,

снарядов, авиабомб обезвредили. Вдруг почувствовали: что-то меняется. А началось все с того, что на только что расчищенной от мин дороге вдруг подорвался ангольский грузовик. Кто-то шел за нами и минировал. Затем обстреляли ночью наш палаточный лагерь. Ангольская охрана в ответ открыла дикую пальбу. Мы поняли: Савимби опять зашевелился, УНИТА снова в драку полезла. Южноафриканцы быстренько свернулись, мол, во время боевых действий не работаем. И, надо сказать, вовремя убрались. Как раз на новом витке гражданской войны.

Кстати, эвакуировали нас в Луанду наши ребята: летчики-украинцы вертушки Ми-8 Санько Иващенко и Алексей, фамилию последнего я не запомнил. Они работали на ангольскую армию по личному контракту (к тому времени официальное российско-ангольское военное сотрудничество было практически свернуто – авт.). Молодые такие ребята. Но не повезло им, буквально через месяц сбили их вертушку и сгорели оба. Это мне потом де Бир рассказал. Он еще два месяца сидел в Луанде, недоплаченные деньги у ангольцев выбивал. Какая-то там премия полагалась за переработку. А нам повезло, и в живых остались и нужное, доброе дело ангольцам сделали, и сами неплохо заработали. На эти деньги у меня сын сейчас в колледже в Претории учиться. А сам я не выдержал, вернулся на родину. Не для меня эта страна. Русский человек должен жить в России. А еще было у меня одно желание, еще в ЮАР, когда бедствовал, думал. Вот бы всех «ангольцев и мозамбикцев» объединить, создать союз что ли. И чтобы помогали друг другу, нашли бы тогда семью того нампульского полковника, помогли бы. Ведь его даже и не наградили, а он жизнь свою отдал за тех ребят. И дети его должны знать, за что, как и где погиб их отец...»

«Вас там быть не могло»

Думаю, что не только дети, а все должны знать, где и за что отдали свои жизни «воины-интернационалисты». В Институте Военной истории МО несколько лет назад, предприняв благородное акцию, начали создавать книгу памяти, куда предполагалось включить всех погибших в региональных конфликтах в Африке, Азии, Латинской Америке. Но с задачей этой справиться, так и не удалось: даже архивах не оказалось большинства фамилий погибших. А что касается союза, о котором мечтает Михаил, то он существует. В рамках Межрегиональной общественной организации воинов-интернационалистов, ветеранов локальных войн и вооруженных конфликтов (МООВИВЛВВК - МАВИ) создана организация ангольских ветеранов, которую возглавляет бывший советник командира бригады в Анголе Вадим Сагачко, уже упоминавшийся в этой книге. Вот только борется он, в отличие от Анголы, практически в одиночку. Но не с унитовцами, а с российскими бюрократами всех мастей, стремясь выделить «ангольцев» с самостоятельную организацию со своим уставом и юридическим лицом.

А между тем время идет. Ушли из жизни те, кто стоял у истоков оказания военной помощи ангольскому народу: полковник В. Трофименко, генералы И. Пономаренко, Г. Петровский. Совсем недавно в конце 2003 года, не выдержав «разгула демократии», застрелился в своем доме из личного именного оружия легендарный генерал В. Беляев. Многие из ангольских ветеранов даже не оставили своих воспоминаний, бесценный опыт ангольской войны уходит безвозвратно. Конечно, кое-что делается. При активной помощи и участии посольства Анголы, например, была проведена теоретическая конференция, посвященная 40-летию начала вооруженной борьбы ангольского народа против

португальского колониализма. Большое спасибо послу Анголы в России Роберту Монтейру (Нгонго), оказавшему большую помощь в ее организации. Ее материалы были изданы отдельной брошюрой. Среди «ангольцев» - участников тех событий появился и свой первый ученый. Андрей Токарев, один из первых переводчиков, побывавших в Анголе, защитил в институте Африки и Азии кандидатскую диссертацию на тему ангольских событий.

Однако, к сожалению, нет у нас «ангольцев» какого-то своего объединяющего символа. Единого отличительного знака. А он нужен. Хотя бы как материальное свидетельство для тех, кто прошел «огонь, воду и медные трубы» Анголы. И для того, чтобы не затерялись ветераны войны в Анголе на многочисленных ветеранских форумах и съездах. Того, что можно передать своим детям, внукам. Конечно, многие наши соотечественники за боевые действия в Анголе были награждены орденами и медалями СССР, Анголы и Кубы. Есть и знак «Воин-интернационалист», но он принадлежит уже к советскому периоду истории, и, по моему глубокому мнению, не отражает сущности нашего участия в том конфликте. Но особого, специального знака «отличия», тех, кто побывал в Анголе, нет. Думаю, что ангольская секция (МООВИВЛВВК - МАВИ) вполне могла бы учредителем такого знака. Постараемся сделать его таким, чтобы могли бы с гордостью носить на груди ВСЕ, кто был причастен к тем событиям, кто помогал ангольскому народу отстоять свою свободу и независимость против внешнего врага и внутренней оппозиции.

Тем более, что наши противники по той войне - южноафриканцы, кстати, для которых эта война была в сущности захватнической, несправедливая, такой знак давно имеют. Еще в 1991 году они, стремясь отдать должное вкладу каждого солдата в той войне, пошли на создание государственной награды. И не простой, а глубоко

символической. «Ангольская» медаль была отлита из деталей захваченного в 1981 году на территории Анголы в ходе операции «Протей» советского танка Т-34. Конечно, не наши советники и специалисты сидели за рычагами и окулярами орудий того танка. Это были ангольцы. Но нужно отдать должное южноафриканским военным. Т-34 – это символ. Причем символ, всемирно известный. Он олицетворял советскую военную мощь, победу во Второй мировой войне, советское продвижение в Африке. Поэтому южноафриканцы и избрали «тридцатьчетверку».

С инициативой вылить из поверженного танка ФАПЛА награду для отличия своих военнослужащих выступил тогдашний командующий армией ЮАР генерал Дженни Гелденюс. Впрочем, преторийский стратег был не оригинален. Он просто хорошо знал историю. Дело в том, что во время Крымской (Восточной) войны 1853 – 1856 годов, крайне неудачной для русской армии, англичане для награждения своих солдат и офицеров использовали металл пушек, захваченных в Крыму. Естественно не вся танковая сталь пошла на награду. Чисто символически с боевой машины были сняты некоторые медные детали и в расплавленном виде добавлены в серебряно-никелевый сплав, из которого и чеканилась южноафриканская награда.

Эта медаль, даже в нынешних «демократических ВС ЮАР», давно превратившихся при новой власти в чисто оборонительную структуру, считается исключительно престижной и почетной. Достаточно сказать, указать место, где она носится, будь то военная форма или гражданский костюм. Она располагается вслед за престижной медалью «За родину».

В статуте медали сказано: **«Награда учреждается в ознаменование заслуг тех, кто после 1 апреля 1976 года в составе вооруженных формирований Южно-Африканской республики и вспомогательных сил принимал участие в операциях за границами**

ЮАР, и во время этих операций подвергался опасности быть убитым, раненым или захваченным в плен». В статье южноафриканского военного журнала «PARATUS», посвященного отливке медали из советской «тридцатьчетверки» сказано более откровенно: «Сожженный советский танк, теперь находящийся в военном музее Форта Клапперкор и медаль, отлитая из него должна напоминать тем мужественным людям, кто ее носит, что на их груди символически находится небольшая часть поверженного противника. И это факт придает награде особую ценность».

Этот танк, кстати, несмотря на изменения в политическом строе ЮАР и прихода к власти лидеров АНК до сих пор стоит в музее боевой славы Претории. Как символ участия южноафриканских военнослужащих в том конфликте. Лидеры АНК поступили мудро и не стали коренным образом менять командование вооруженных сил. А оно знает, что старых, проверенных бойцов забывать нельзя. Их надо воспитывать на примерах. Ведь могут еще и пригодиться старые проверенные товарищи?

Мы же к подобным реликвиям относимся совершенно иначе. В 1976 году в одном из боев с ФНЛА в Анголе недалеко от Луанды был захвачен китайский танк Т-59. Участвовавший в этой операции советский военный специалист капитан Владимир Заяц был даже награжден за это медалью «За боевые заслуги» и был объявлен героем. Капитан с гордостью лично передал по акту вражескую машину представителям Главного разведывательного управления МО СССР. В акте были зафиксированы до мельчайших подробностей все повреждения машины, ее ТТХ. Танк с огромными предосторожностями был перевезен в порт Луанды и погружен на советский БДК для отправки в СССР. Его должны были изучить специалисты, а потом поместить в знаменитый танковый музей в Кубинке, где хранятся, в

частности, поверженные бронированные монстры Третьего рейха. Кстати, в ходе операций в Анголе были захвачены и танки южноафриканского производства «Олифант», БТРы «Ратель», «Мамба» и другая боевая техника противника. Но, увы, **до подмосковного музея боевой славы ни китайский танк, ни юаровские изделия так и не доехали.** Кто-то в Москве посчитал это «нецелесообразным».

В положении о южноафриканской медали меня поразило одно уникальное место. Там сказано, что ею награждаются ВСЕ причастные к той войне. И летчики, которые рисковали своей жизнью (на ангольской земле так и осталось около полусотни южноафриканских ассов), и спецназовцы батальона «Буффало», расформированные новыми властями ЮАР. И черные подразделения «территориальных войск» Намибии, формально не входившие в состав армии ЮАР. Медалью был награжден и командный, и вспомогательный состав, и медицинский персонал, который так, или иначе был задействован в ангольской войне. Все, кто имеет к боевым действиям хоть малейшее отношение. Награждая этой медалью, отлитой из металла поверженной боевой машины противника, командование армии ЮАР как бы объединило всех: и белых и черных, и «комбатантов и некомбатантов». Во всеуслышание заявив: «Все вы молодцы, вы до конца выполнили свой долг. Мы вас помним, и никогда не забудем». И, что самое интересное, командование армии ЮАР абсолютно не смутил тот факт, что **ВОЙНУ В АНГОЛЕ ОНИ ПРОИГРАЛИ!** А режим, который постоянно угрожал соседним странам: Анголе, Мозамбике, Зимбабве был свергнут, а к власти в ЮАР пришел Африканский Национальный Конгресса, активистов которого они когда-то пытали вместе с советским военнопленным прапощиком Пестрецовым в тюрьме в Йоханнесбурге...

А вот у нас все происходило с точностью до наоборот. Из нескольких десятков тысяч человек, прошедших Анголу,

государственные советские, ангольские и кубинские награды имеют лишь несколько сотен человек. Согласно пресловутому положению, о том, что боевые действия в Анголе велись «лишь в 1975 – 1979 гг.» десятки тысяч советников и специалистов (и не только военных) не могут считаться участниками боевых действий и соответственно не имеют права на ношение знака «Воин-интернационалист». Казалось бы, чего проще выдать сей алюминиевый жетон всем. (Заранее прошу прощения за термин «алюминиевый жетон». Дело в том, что, по моему мнению, такая награда и должна выглядеть соответственно. В традициях российской императорской армии, где полковые и другие знаки отличия были чрезвычайно распространены, НИКОГДА не делали столь почетных символов из алюминия. Применялись лишь благородные металлы, в крайнем случае, томпак и нейзильбер. Мне приходилось держать в руках ту, южноафриканскую медаль из медно-серебряно-никелевого сплава. Это достаточно солидный фалероним, соответствующий статусу награды).

Кстати в былые времена к награде прилагалось пресловутое «зелененькое» удостоверение, свидетельство о неких льготах. В советские времена в Анголе за обладание этой зелененькой книжицей, бывало, вспыхивали самые настоящие драки. Как-то генерал-полковник К. Я Курочкин, находясь в отпуске, устроил суровую выволочку кадровику 10-ки за отказ в оформлении «зеленки» какому-то боевому советнику: «Да вы что? Там же люди воюют, гибнут, а вы удостоверение участника «БД» оформить не можете?». А что мог сделать кадровик? Формально он был прав, оснований для выдачи удостоверения о льготах участника «БД» у него не было.

Тогда Константин Яковлевич Курочкин пошел дальше и убедил руководство ГШ. После 1985 года в Анголе для советских военных советников и специалистов в Анголе было сделано исключение, но

каждая командировка в район боевых действий должна была оформляться документально. При вылете на «боевые», как и в Союзе, выписывалось командировочное удостоверение, где указывалось, что «такой-то вылетает в район, где ведутся боевые действия». Бюрократия бессмертна! Нужно заметить, что хотя это было прямое нарушение Постановления Совета Министров СССР (к подобным документам в то время прислушивались беспрекословно), но на это нарушение пошли. Благодаря генералу «Константину», как уважительно называли его ангольцы и кубинцы.

Система эта, поначалу действовала безупречно. Поэтому советники, действительно находящиеся в районах постоянных боевых действий свидетельства получали, и службу у них шла «полтора за год». Из трех-четырех лет пребывания в Анголе у некоторых советников и переводчиков (при соблюдении принципа ротации) зачастую «набегало» от двух-трех месяцев «боевой работы» до года и более. Но как быть остальным? Многие советники безвылазно сидели в Луанде, Бенгеле, Негаже и других, относительно безопасных местах, которые не были включены в приказ ГВС. Что делать? Тогда в ход шли уловки. Как рассказывал мне мой товарищ, личный переводчик генерала Беляева, Сергей Антонов, в 1987 – 1989 гг. буквально не вылезавший из районов боевых действий, иные высокопоставленные политработники и штабисты из Луанды делали все, чтобы организовать себе командировки и слетать, например, в Менонге, Куиту-Куанавле, Намиб. Всего на несколько часов, в крайнем случае, на одни сутки. Зачем? Чтобы провести, якобы, «партсобрание, которое без них состоится на может», или устроить «разбор полетов» для подчиненных. И, соответственно, получить «в зачет» сутки пребывания в зоне боевых действий! И в итоге - заветную зеленую книжицу!

Но подавляющее большинство советников, специалистов и

переводчиков, побывавших в Анголе, в частности до 1985 года, остались как бы за кадром и оказались «не охваченными» данными мерами. У меня в архиве хранятся десятки писем от советников, специалистов, которые в 1979 – 1984 гг. занимались настоящей боевой работой, летали в районы боевых действий, «выволакивали» ангольские экипажи из неминуемого плена унитовцев, но в праве на пресловутую «зелененькую книжицу» им отказали. При обращении в 10-ку их, мягко говоря, посылали, ссылаясь на соответствующие директивные документы, в крайнем случае, советовали заручиться свидетельствами Главного военного советника, его заместителей, старших в округах, подтверждающих... их участие в боевых действиях! Нонсенс!

Как-то мы, с сослуживцами, работавшими в ГлавПУ СА и ВМФ, достаточно солидной и уважаемой тогда организации, попробовали все-таки добиться справедливости. В нашем отделе были ребята, которые работали во Вьетнаме, Никарагуа, Анголе, Эфиопии. Но сроки их пребывания в странах не соответствовали указанным в «постановлении совета министров СССР». Составили запрос за подписью тогдашнего начальника Специального управления генерала Владимира Федоровича Молчанова в 10-ку. Указали время пребывания, задачи, которые выполнялись. И получили отписку... от бывшего знаменитого футболиста и начальника управления кадров 10-го Главного управления кадров генерал-майора Пухова: «Сведениями об участии указанных военнослужащих в боевых действиях в названных странах не располагаем...».

Почти как в песне «Вас там быть не могло», которую сложили наши ребята во время боев под Куиту-Куанавале. А появилась она, когда нашим советникам и переводчикам ангольских окопах дали ясно понять, что политическая обстановка изменилась. Пришла перестройка и «новое мышление», которые предполагают другие подходы к разрешению

региональных конфликтов. Но ни южноафриканцев, ни унитовцев как-то об этом как то «забыли» предупредить и те продолжали долбить по нашим из всех стволов. А тут еще в Москве, возвращавшимся из страны советникам вновь стали тыкать в нос директивными документами, которые, по сути, отрицали ведущуюся в Анголе войну и наше в ней участие. Поэтому и раздавались над ангольской саванной под бречание гитары:

Куда нас, дружище, с тобой занесло,
 Наверно, большое и нужное дело?
 А нам говорят: «Вас там быть не могло,
 И кровью российской чужая земля не алела...»

Иногда мне приходит мысль: а может быть память о той войне и вовсе не нужна? Действительно ЮАР теперь дружественная страна, Анголе прощены все долги, там налаживается мирный процесс, бывшие партизаны УНИТА после смерти своего непримиримого лидера Жонаса Савимби интегрируются в мирную жизнь. В политической жизни Анголы даже «всплыл» уже почти похороненный всеми престарелый лидер ФНЛА Холдена Роберту, пытающийся возродить свою политическую организацию «на благо демократии и процветания ангольского народа».

К тому же российская могущественная корпорация «Росвооружение» вовсю сотрудничает с Южной Африкой. Еще бы. За 20 лет южноафриканские военные на своей шкуре убедились в исключительной надежности и эффективности нашей боевой техники. Недаром из захваченных у ангольцев на поле боя ЗУшек, БМ-21, «Шилок» они создавали собственные типы и виды оружия. А охотникам, например, за мобильным комплексом ПВО ОСА-АК была объявлена солидная денежная премия. После того, как

спецподразделения армии ЮАР его все-таки захватили в 1987 году под Куиту-Куанавлеле, южноафриканские инженеры просто пришли в восторг от простоты и эффективности комплекса. Поэтому то сегодня шасси, например, российского танка Т-72 стало идеальной основой для создания гусеничного варианта когда-то громившей позиции наших военных советников под Куиту-Куанавале советников самоходной гаубицы G-6. Южноафриканские «Миражи» модернизируются российскими специалистами, стоятся планы создания новых совместных проектов в области вооружений. Времена меняются. Может и не стоит ворошить прошлое?

Но я глубоко уверен в обратном. Именно поэтому в ангольской ассоциации возникло предложение установить в Москве памятник «Воинам-участникам региональных конфликтов в Африке и других странах». Всем советникам, специалистам и переводчикам, которые честно выполнили свой долг перед своим Отечеством и народами тех стран, где они воевали. Но прошлое нужно не только хорошо помнить, но и тщательно изучать. Поэтому автор будет благодарен за любой отзыв о книге, воспоминание, боевой эпизод, произошедший с вами в Анголе. Пишите, уважаемые ветераны Анголы, и, может быть, эти записки вскоре пополнятся новыми свидетельствами ангольских ветеранов. В конце концов, МЫ ТАМ БЫЛИ!